

Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова

Научный журнал

**ЭКОНОМИКА
ПРАВО
ОБЩЕСТВО**

**ECONOMICS
LAW
SOCIETY**

Scientific Journal

Том 6, № 3 (27), 2021

ЭКОНОМИКА ПРАВО ОБЩЕСТВО

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Лобанов Иван Васильевич – председатель редакционной коллегии, ректор Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, кандидат юридических наук, доцент

Курбанов Рашад Афатович – главный редактор, директор Института правовых исследований и региональной интеграции, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор

Алиев Назим Талат оглы – Начальник Академии полиции МВД Азербайджанской Республики, генерал-майор полиции, доктор юридических наук

Аликперов Ханлар Джафарович – директор Центра правовых исследований (Азербайджан), доктор юридических наук, профессор

Бодак Алла Николаевна – судья Конституционного Суда Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Брандштеттер Вольфганг – руководитель Института австрийского и европейского экономического уголовного права Венского университета экономики и бизнеса, доктор права, профессор

Валентей Сергей Дмитриевич – начальник Научно-исследовательского объединения (научный руководитель Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова), доктор экономических наук, профессор

Василевич Григорий Алексеевич – заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор юридических наук, профессор

Вельяминов Георгий Михайлович – главный научный сотрудник Сектора правовых проблем международных экономических отношений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор

Витязь Петр Александрович – академик Национальной академии наук Беларуси, руководитель аппарата НАН Беларуси, сопредседатель Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства, доктор технических наук, профессор

Вознесенская Нинель Николаевна – ведущий научный сотрудник Сектора правовых проблем международных экономических отношений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор

Георг Става – член Европейской комиссии по совершенствованию правосудия (CEPEJ) Совета Европы

Гринберг Руслан Семенович – научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор

Гришина Ольга Алексеевна – заведующая кафедрой финансов и цен Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор

Гулиев Ибрагим Саид оглы – вице-президент Национальной академии наук Азербайджана, академик НАНА, доктор геолого-минералогических наук, профессор

ECONOMICS LAW SOCIETY

EDITORIAL BOARD

Lobanov Ivan Vasilievich – Chairman of the Editorial Board, Rector of Plekhanov Russian University of Economics, PhD of Law, Associate Professor

Kurbanov Rashad Afatovich – Chief Editor, Director of the Institute of Legal Studies and Regional Integration, Head of the Department of Civil Legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

Aliiev Nazim Talat ogly – Head of the Police Academy of the of the Azerbaijan Republic, Police Major General, Doctor of Law

Aliqperov Khanlar Jafarovich – Director of the Center for Legal Studies (Azerbaijan), Doctor of Law, Professor

Bodak Alla Nikolaevna – Judge of the Constitutional Court of the Republic of Belarus, PhD of Law, Associate Professor

Brandstetter Wolfgang – Head of the Institute for Austrian and European Economic Criminal Law at the Vienna University of Economics and Business, Doctor of Law, Professor

Valentey Sergey Dmitrievich – Head of Scientific and Research Union (Supervisor of the Plekhanov Russian University of Economics), Doctor of Economics, Professor

Vasilevich Grigoriy Alekseevich – Head of the Constitutional Law Department of the Belorussian State University, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Doctor of Law, Professor

Velyaminov Georgiy Mikhailovich – Chief Researcher of the Sector of Legal Problems of International Economic Relations of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Vityaz Petr Aleksandrovich – Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of Academy Staff Presidium of the National Academy of Sciences of Belarus, Co-chairman of the Inter-Academic Council on Development of the Union State, Doctor of Technical Sciences, Professor

Voznesenskaya Ninel Nikolaevna – Leading Researcher of the Sector of the Legal Problems of International Economic Relations of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Georg Stawa – Member of European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ) of the Council of Europe

Grinberg Ruslan Semenovich – Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Grishina Olga Alekseevna – Head of the Department of Finance and Prices of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor

Guliev Ibragim Said ogly – Vice-President of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Member of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Doctor of Geological and Mineralogical Sciences, Professor

Гурбанов Рамин Афад оглы – президент Европейской комиссии по эффективности правосудия (CEPEJ) Совета Европы, судья города Баку, доктор юридических наук

Джафаров Азер Мамед оглы – заместитель Министра юстиции, член Судебно-правового совета Азербайджанской Республики, доктор юридических наук, профессор

Довнар Таисия Ивановна – профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Егоров Алексей Владимирович – заместитель председателя Постоянной комиссии по законодательству Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, ректор Белорусского государственного экономического университета, доктор юридических наук, доцент

Ершова Инна Владимировна – заведующая кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Жаворонкова Наталья Григорьевна – заведующая кафедрой экологического и природоресурсного права МГЮА имени О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор

Зинчук Галина Михайловна – декан факультета экономики и права Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, доцент

Зубарев Сергей Михайлович – заведующий кафедрой административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Зырянов Сергей Михайлович – ведущий научный сотрудник отдела административного законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Иванов Вилен Николаевич – советник РАН, вице-президент Российской Академии социальных наук, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор

Капустин Анатолий Яковлевич – научный руководитель Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Клеандров Михаил Иванович – судья Конституционного суда Российской Федерации в отставке, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор

Кнежевич Златко – судья Конституционного суда Боснии и Герцеговины

Крюкова Нина Ивановна – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор

Кузнецов Вячеслав Николаевич – президент Фонда поддержки исследования проблем «Безопасность Евразии», член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, профессор

Лисицын-Светланов Андрей Геннадьевич – ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор

Мазур Иван Иванович – председатель правления АО «РАО Роснефтегазстрой», доктор технических наук, профессор

Манке Карстен – руководитель группы в Немецкой корпорации международного сотрудничества (GIZ) (German Corporation for International Cooperation GmbH)

Gurbanov Ramin Afad oglu – President of European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ) of the Council of Europe, Judge of Baku City, Doctor of Law

Jafarov Azer Mammad oglu – Deputy Minister of Justice, Member of the Judicial-Legal Council of the Azerbaijan Republic, Doctor of Law, Professor

Dovnar Taisiya Ivanovna – Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Doctor of Law, Professor

Egorov Aleksey Vladimirovich – Deputy Chairman of the Standing Committee on Legislation of the House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Rector of the Belarusian State University of Economics, Doctor of Law, Associate Professor

Ershova Inna Vladimirovna – Head of the Department of Entrepreneurial and Corporations Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

Zhavoronkova Natalya Grigorievna – Head of the Department of Environmental and Natural Resources Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

Zinchuk Galina Mikhailovna – Dean of the Faculty of Economics and Law of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Associate Professor

Zubarev Sergey Mikhailovich – Head of the Department of Administrative Law and Process of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

Zyryanov Sergey Mikhailovich – Leading Researcher of the Department of Administrative Law and Process of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

Ivanov Vilen Nikolayevich – Counselor of the Russian Academy of Sciences, Vice-President of the Russian Academy of Social Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor

Kapustin Anatoly Yakovlevich – Science Director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

Kleandrov Mikhail Ivanovich – Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation Emeritus, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Knežević Zlatko – Judge of the Constitutional Court of Bosnia and Herzegovina

Kryukova Nina Ivanovna – Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

Kuznetsov Vyacheslav Nikolayevich – President of the Foundation for the Support of the Research of Problems "Eurasian Security", Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sociology, Professor

Lisitsin-Svetlanov Andrey Gennadievich – Leading Researcher of the Institute of State and Law of the RAS, Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Mazur Ivan Ivanovich – Chairman of the Board of JSC «RAO Rosneftegazstroy», Doctor of Engineering Science, Professor

Mahnke Carsten – Head of the Group in the German Corporation of International Cooperation (GIZ) (German Corporation for International Cooperation GmbH)

Минашкин Виталий Григорьевич – врио проректора Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор
Мирмохаммади Мостафа – руководитель группы международного права и прав человека Университета Мофид (Иран), доктор юридических наук, профессор
Мустафазаде Айтен Инглаб кызы – директор Института права и прав человека НАН Азербайджана, депутат Милли Меджлиса Азербайджанской Республики, доктор юридических наук, профессор
Плигин Владимир Николаевич – председатель Ассоциации юристов России, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, кандидат юридических наук
Рагимов Ильгам Мамедгасан оглы – президент Ассоциации юристов стран Черноморско-Каспийского региона, доктор юридических наук, профессор
Сафи Исмаил – член Совета по безопасности и внешней политике при Президенте Турецкой Республики, директор Института безопасности и обороны Университета Истине, доктор политических наук
Фатьянов Алексей Александрович – заведующий кафедрой государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор
Хасбулатов Руслан Имранович – заведующий кафедрой мировой экономики Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
Экимов Анисим Иванович – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор
Яблочкина Ирина Валерьевна – директор Центра гуманитарной подготовки Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор исторических наук, профессор

Minashkin Vitaly Grigorievich – Acting Vice-Rector of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor

Mirmohammadi Mostafa – Director for International Law and Human Rights Group, Mofid University (Iran), Doctor of Law, Professor

Mustafazade Ayten Inqlab qizi – Director of the Institute of Law and Human Rights of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Deputy of the Milli Meclis of the Azerbaijan Republic, Doctor of Law, Professor

Pligin Vladimir Nikolaevich – Chairman of the Association of Lawyers of Russia, Leading Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, PhD of Law

Ragimov Ilgam Mammadgasan oglu – President of the International Association of Lawyers of the Black Sea-Caspian Region Countries, Doctor of law, Professor

Safi Ismail – Member of the Council on Security and Foreign Policy under the President of the Republic of Turkey, Director of the Institute of Security and Defense of the University of Istinye, Doctor of Political Science

Fatyarov Alexey Alexandrovich – Head of the Department of State-legal and Criminal-legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

Khasbulatov Ruslan Imranovich – Head of the Department of World Economy of the Plekhanov Russian University of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Ekimov Anisim Ivanovich – Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

Yablochkina Irina Valerievna – Director of the Center of Humanitarian Training of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Historical Sciences, Professor

Издание зарегистрировано в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массо-
вых коммуникаций:
ПИ № ФС77-64675 от 22 января 2016 г.

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова»
(ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова»)

Адрес редакции:
117997, Москва, Стремянный пер., 36.
Тел.: 8 (499) 237-85-02, e-mail: grapravo.kaf@mail.ru
www.rea.ru
Главный редактор **Р. А. Курбанов**
Заместитель главного редактора **А. М. Белялова, К. И. Налетов**
Ответственный секретарь **Ю. Х. Давыдова**
Редактор **Т. Л. Савельева**
Оформление обложки **Ю. С. Жигалова**
Подписано в печать 14.12.2021. Формат 60 x 84 1/8.
Печ. л. 11,25. Усл.-печ. л. 10,46. Уч.-изд. л. 10,53.
Тираж 500 экз. Заказ
Отпечатано в ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова».
117997, Москва, Стремянный пер., 36.

The journal is registered in Federal Service for communication,
informational technologies and media control:
PI N FS77-64675 dated 22 January 2016

Founder
Plekhanov
Russian University of Economics
(PRUE)

Editorial office address:
36 Stremyanny Lane, 117997, Moscow.
Tel.: 8 (499) 237-85-02, e-mail: grapravo.kaf@mail.ru,
www.rea.ru
Chief editor **R. A. Kurbanov**
Deputy chief editor **A. M. Belyalova, K. I. Naletov**
Executive Secretary **Yu. Kh. Davydova**
Editor **T. L. Savel'eva**
Cover design **Yu. S. Zhigalova**
Signed in print 14.12.2021. Format 60 x 84 1/8.
Printed sheets 11,25. Conv. sheets 10,46. Publ. sheets 10,53.
Circulation 500. Order
Printed in Plekhanov Russian University of Economics.
36 Stremyanny Lane, 117997, Moscow

СОДЕРЖАНИЕ

Финансовое право	
Крохина Ю. А.	
Изменение роли центральных банков в реализации монетарной политики в условиях пандемии COVID-19	7
Шевелько Д. А.	
Особенности правового регулирования бюджетной политики в Российской Федерации	13
Правовые основы экономической деятельности	
Шувалов И. И.	
Доктрина добросовестного и разумного поведения участников предпринимательской деятельности	19
Зарубежное законодательство и сравнительное правоведение	
Каландарли С. Г.	
Особенности современных трендов торговли людьми (на примере Азербайджанской Республики)	26
Мартынова А. А.	
Критерии давностного владения в условиях реформирования института приобретательной давности России, Англии, Гонконге и Австралии	32
Очиров О. Р., Васильева К. К.	
Современная экономическая система КНР в фокусе китайского языка для специальных целей	38
Витульева Т. А.	
Анализ нормативно-правовой базы внешней политики и приграничного сотрудничества в России	45
Цифровая экономика и право	
Свечникова Н. В., Шильдина М. В.	
Цифровой рубль: теория и перспективы правового регулирования	54
Кузьменков М. Ю.	
Юридическая квалификация цифровых прав	61
Терехов М. Г.	
Цифровое право	67
Давыдов Р. Х.	
Некоторые аспекты правового регулирования цифровых прав в зарубежных странах	71
Право и государство	
Мальшева Н. А.	
Сравнительный анализ правоотношений по компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов, и обязательств, возникающих из причинения вреда в состоянии крайней необходимости	76
Семья и общество	
Вильгоненко И. М., Слепенко Ю. Н., Станкевич Г. В.	
Особенности правовой политики врачебной тайны в отношениях суррогатного материнства	84
Требования к публикациям	91

CONTENTS

Financial Law	
<i>Krokhina Y. A.</i> Changing the Role of Central Banks in Monetary Policy Implementation Amid COVID-19 Pandemic	7
<i>Shevelko D. A.</i> Features of Legal Regulation of Budgetary Policy in the Russian Federation	13
Legal Foundations of Economic Activity	
<i>Shuvalov I. I.</i> The Doctrine of Conscientious and Reasonable Behavior of Business Participants	19
Foreign Law and Comparative Law	
<i>Kalandarli S. H.</i> Features of Modern Trends Human Trafficking (on the Example of the Republic of Azerbaijan)	26
<i>Martynova A. A.</i> Prescription Criteria in Terms of Reforming the Institution of Acquisitive Prescription Russia, England, Hong Kong and Australia	32
<i>Ochirov O. R., Vasilyeva K. K.</i> The Modern Economic System of the People's Republic of China in the Focus of the Chinese Language for Special Purposes	38
<i>Vitulyeva T. A.</i> Analysis of the Regulatory Framework of Foreign Policy and Cross-Border Cooperation in Russia	45
Digital Economy and law	
<i>Svechnikova N. V., Shildina M. V.</i> Digital Ruble: Theory and Perspectives of Legal Regulation	54
<i>Kuzmenkov M. Y.</i> Legal Qualification of Digital Rights	61
<i>Terekhov M. G.</i> Digital law	67
<i>Davydov R. Kh.</i> Some Aspects of Legal Regulation of Digital Rights in Foreign Countries	71
Law and State	
<i>Malysheva N. A.</i> Comparative Analysis of Legal Relations on Compensation for Damage Caused by Lawful Actions of State Bodies and Obligations Arising from Causing Harm in a State of Extreme Necessity	76
Family and Society	
<i>Vilgonenko I. M., Slepenok J. N., Stankevich G. V.</i> Features of the Legal Policy of Medical Secret in Relations of Surrogate Maternity	84
Requirements to the Publications	91

Изменение роли центральных банков в реализации монетарной политики в условиях пандемии COVID-19

Ю. А. Крохина

доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36;
E-mail: jkrokhina@mail.ru

Changing the Role of Central Banks in Monetary Policy Implementation Amid COVID - 19 Pandemic

Yu. A. Krokhina

Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: jkrokhina@mail.ru

Аннотация

В 2020 г. экономики всего мира столкнулись с пандемией коронавируса – одним из самых серьезных вызовов за последние десятилетия. Ее последствия негативно отразились на всех сферах общественной жизни, особенно на уровне жизни граждан. Эти события потребовали решительных действий и более тесной координации усилий Банка России и правительства Российской Федерации в сфере кредитно-денежной политики государства как основы стабилизации благосостояния всех слоев населения. Режим таргетирования инфляции, применяемый Центральным банком Российской Федерации, показал свою эффективность и в период пандемии 2020 г. Однако управлять инфляционными процессами невозможно без установления прочных конституционно-правовых основ монетарной политики государства и закрепления места Банка России в механизме государственной власти. В этой связи требует внимания вопрос об определении сущности монетарной политики и пределах государственного вмешательства в ее реализацию. На основе опыта зарубежных и отечественных исследователей в статье предпринята попытка дать авторское определение монетарной политики. Выявлены основные цели монетарной политики в условиях нестабильной экономики, обусловленной пандемией COVID-19. Определена роль Банка России в реализации монетарной политики. Предложены основные принципы денежно-кредитной политики, на которые следует ориентироваться Банку России и правительству Российской Федерации.

Ключевые слова: монетарная политика, таргетирование инфляции, Банк России, ценовая стабильность.

Abstract

In 2020 the economies of the whole world faced the coronavirus pandemic – one of the most serious challenges in recent decades, its consequences had a negative impact on all spheres of public life, especially on the standard of living of citizens. These events required decisive action and closer coordination of the efforts of the Bank of Russia and the Government of the Russian Federation in the sphere of the state's monetary policy, as the basis for stabilizing the welfare of all segments of the population. The inflation targeting regime used by the Central Bank of the Russian Federation has shown its effectiveness during the 2020 pandemic. However, it is impossible to manage inflationary processes without establishing solid constitutional and legal foundations of the state's monetary policy and securing the place of the Bank of Russia in the mechanism of state power. In this regard, the question of determining the essence of monetary policy and the limits of government intervention in its implementation requires attention. Based on the experience of foreign and domestic researchers, the article attempts to give the author's definition of monetary policy. The main goals of monetary policy in an unstable economy caused by the COVID-19 pandemic are identified. The role of the Bank of Russia in the implementation of monetary policy is determined. The basic principles of monetary policy, which should be guided by the Bank of Russia and the Government of the Russian Federation, are proposed.

Keywords: monetary policy, inflation targeting, Bank of Russia, price stability.

Формирование концепции денежно-кредитной политики приходится на начало XX в., когда важным становится вопрос государственного вмешательства в экономику и свободы хозяйственной деятельности, государственного регулирования экономики в рыночном хозяйстве¹. В основе денежно-кредитной политики лежит теория денег, а содержание той или иной концепции денежно-кредитной политики обусловлено направлением экономической мысли, в рамках которой она возникла.

Монетарная, или денежно-кредитная, политика представляет собой часть экономической политики государства, основной целью которой является повышение благосостояния граждан. В данном определении прослеживается социальная ориентированность монетарной политики государства. Иными направлениями экономической политики государства выступают фискальная, внешнеторговая, структурная и другие виды политики².

Термин «монетарная политика» определен в трудах ученых-экономистов. В зарубежной литературе денежно-кредитная политика рассматривается в узком и широком смысле. В узком смысле денежно-кредитная политика направлена на обеспечение стабильности национальной валюты, достижение оптимального валютного курса с помощью такого инструмента, как интервенции на валютном рынке, учетной политики и других механизмов, влияющих на краткосрочные ставки процента. Целью денежно-кредитной политики в широком смысле является борьба с инфляцией путем воздействия на денежное предложение в обращении³.

Так, Чарльз Дж. Вулфел, определял монетарную политику, как «любое направление политики, связанное с объемом денежной массы в обращении и ее использованием»⁴. Денежно-кредитная политика охватывает в том числе мероприятия органов контроля над денежным обращением страны, проводимые через центральные банки государств. В зависимости от экономической ситуации в стране такие мероприятия могут быть жесткими или более либеральными. Данная экономическая политика направлена прежде всего на стабилизацию цен путем принятия разного рода

мер, в частности антициклических, в сфере денежного обращения. Эти меры должны способствовать экономическому росту в будущем.

Долан Э. Дж., размышляя над влиянием государства в лице исполнительных органов власти на кругооборот доходов и продуктов (*circular flow of income and product*), отмечает, что основными инструментами государственного влияния на процесс кругооборота доходов и продуктов выступают фискальная (налогово-бюджетная) и денежно-кредитная (монетарная) политика государства. При этом под денежно-кредитной политикой он понимает правительственную политику, оказывающую воздействие на денежную массу, находящуюся в обращении [2. – С. 19–20].

Б. К. Иришев трактует денежно-кредитную политику как комплекс взаимосвязанных мер, т. е. стратегию и механизм, которые предпринимаются уполномоченными органами власти в денежной и кредитной системах с целью регулирования сложившейся экономической обстановки и процесса воспроизводства [4. – С. 17]. Данное определение демонстрирует, что денежно-кредитная политика является главным механизмом управления государством банковским сектором, объемом, составом и движением денежного предложения, инфляционными процессами и процессом установления валютного курса, контролируемые государством высоколиквидными активами (золотовалютными резервами) и величиной инвестиций.

В российской литературе монетарная политика определяется как политика Центрального банка, которая воздействует на объем денежной массы в обращении⁵.

А. Ю. Симановский отмечает влияние денежно-кредитной политики не только на сферу денежного обращения, но и на сферу производства и потребления, понимая под такой политикой регулирование денежного предложения или создание условий для доступа хозяйствующих субъектов к кредитам и (или) под процентную ставку, соответствующую поставленным экономическим целям [7].

¹ Ядгаров Я. С. История экономических учений : учебник. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Инфра-М, 2009. – С. 355–356.

² Агапова Т. А., Серегина С. Ф. Макроэкономика : учебник. – 6-е изд. стереотип / под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. А. В. Сидоровича. – М. : МГУ им. Ломоносова : Дело и Сервис, 2004. – С. 163.

³ Поляков В. П., Московкина Л. А. Структура и функции центральных банков. Зарубежный опыт : учебное пособие. – М. : Инфра-М, 2016. – С. 59.

⁴ Вулфел Ч. Дж. Энциклопедия банковского дела и финансов. – М. : Федоров, 2000. – С. 284.

⁵ Российская банковская энциклопедия / под ред. О. И. Лаврушина. – М. : Энциклопедическая творческая ассоциация, 1995. – С. 139.

Т. А. Саадулаева подчеркивает ответственность государства за проводимую денежно-кредитную политику, за ее последствия в социальной и экономической сферах, во внешнеэкономической деятельности, принимая во внимание уровень общественного развития конкретного государства и мирового сообщества, а также учитывая степень глобализации в различных сферах общества. Автор понимает под монетарной политикой стратегию государства в экономике при содействии специальных финансово-кредитных институтов по управлению денежным обращением и денежным предложением. При этом целью данной стратегии является достижение положительного экономического и социального результата, регулирование уровня инфляции, формирование предпосылок для экономического роста и создание положительной внешнеэкономической обстановки на конкретной ступени социального развития [6. – С. 18–19].

Анализ научных определений позволяет предложить следующее, наиболее полное, на наш взгляд, определение монетарной политики: это совокупность экономических, информационных, мероприятий, проводимых в том числе с использованием инструментов денежно-кредитной политики, направленных на достижение стратегических, промежуточных и операционных целей, таких как поддержание ценовой стабильности, обеспечение занятости населения, экономический рост.

Согласно теории монетаризма, денежно-кредитная политика должна быть жесткой и стабильной и не должна зависеть от экономической обстановки. Ее цель – сдерживание инфляции – главной проблемы экономики. Основная функция – контролируемое управление выпуском денег в обращение. Такой контроль направлен на обеспечение соответствия предложения денег долговременному темпу экономического роста.

До начала пандемии коронавируса можно было констатировать, что в мире наблюдалась тенденция общемировой глобализации и интернационализации, которая проявлялась в межгосударственном политическом и экономическом сближении. В то время центральные банки, как правило, придерживались монетаристского подхода. Однако в условиях пандемии в ситуации усиливающейся зависимости государств от глобальных финансовых

рынков появилась модель, объединяющая в себе черты кейнсианства и монетаризма.

Большинство государств признали, что основной целью денежно-кредитной политики является контроль над темпами инфляции и ее сдерживание, удержание уровня инфляции на достаточно низком уровне¹.

Сегодня государства в сложных и пока еще неопределенных экономических условиях все больше стремятся ограничить свою национальную экономику от внешнего влияния, ставя благосостояние народа на первое место, подкрепляя это идеей национального и экономического суверенитета.

Обеспечивать достойный уровень жизни своих граждан, даже в условиях национальных потрясений и экономических кризисов, позволяют конституционно-правовые основы деятельности центральных банков государств и в первую очередь их полномочия в сфере денежно-кредитной политики. Полномочия ЦБ РФ в области защиты и обеспечения устойчивости рубля являются центральными для формирования экономики российского государства и, следовательно, для реализации гражданами основных конституционных прав и свобод. Вместе с тем в конституционно-правовом регулировании организации и деятельности Банка России имеются противоречия, требующие совершенствования российского законодательства.

Денежно-кредитная политика государств имеет целевую направленность, которая представляет собой постановку реально достижимых целей и задач. Данные векторы определяются необходимостью получения наилучших результатов при минимальном использовании имеющихся ресурсов. При формировании и реализации монетарной политики одним из самых важных аспектов является правильный выбор ее цели, на основе которой в дальнейшем можно оценить эффективность либо неэффективность такой политики.

Автором термина «цель денежно-кредитной политики» считается голландский экономист Ян Тинберген (1903–1994). Под целью денежно-кредитной политики он понимал фиксированный количественный показатель, к достижению которого должна стремиться монетарная политика путем выбора субъектами, ответственными за денежно-кредитную политику государства, содержания и

¹ Выступление А. Кудрина на V Московском финансовом форуме. 08.09.2021. – URL: <https://ach.gov.ru/news/aleksey-kudrin-etot-krizis-ne-nosit-ochishchayushchego-kharaktera>

значений инструментов политики. Ученый определил систему целей денежно-кредитной политики, иерархическими составляющими которой являются конечная цель денежно-кредитной политики, ее промежуточная цель, операционные (тактические) цели, и наконец, инструменты денежно-кредитной политики. Исходя из данной системы целей им также было сформулировано основное правило экономической политики, согласно которому у монетарной власти должно быть в распоряжении столько различных средств (инструментов) экономической политики, сколько у нее есть целей¹.

Конечной целью денежно-кредитной политики выступают сохранение стабильности цен, достижение высокого уровня занятости населения и рост ВВП. Эта цель является глобальной, рассчитана на долгосрочный период времени и остается неизменной. Данная цель может быть достигнута с помощью промежуточных, операционных целей, например, таргетированием инфляции, стабилизацией валютного курса. Промежуточные цели при этом регулируют значения ключевых переменных, а тактические достигаются путем ежедневных операций на открытом рынке [8. – С. 54].

Основной целью денежно кредитной политики Центрального банка Российской Федерации является поддержание ценовой стабильности – устойчиво низкой инфляции, которая в свою очередь поддерживает уровень жизни и потребления, особенно для граждан с низкими доходами, снижает влияние внешних условий на национальную экономику, способствует обеспечению доступности заемного финансирования для организаций.

По мнению К. Р. Макконнелла и Л. С. Брю главной целью денежно-кредитной политики является способствование экономике в достижении такого общего уровня производства, характерными чертами которого являются занятость всех имеющихся ресурсов и полное отсутствие инфляции. Денежное предложение, которое изменяется с использованием инструментов денежно-кредитной политики, должно быть направлено на поддержание стабильного совокупного объема производ-

ства, уровня занятости населения и цен. Как следствие – увеличение денежного предложения в период экономического спада с целью роста расходов и уменьшение денежного предложения в периоды инфляции с целью сокращения этих расходов [5. – С. 316].

С. Ф. Серегина выделяет следующие конечные цели денежно-кредитной политики: экономический рост, полная занятость, стабильность цен и устойчивый платежный баланс. Целевыми ориентирами в этом случае выступают денежная масса, ставка процента и обменный курс. Данные цели непосредственно относятся к деятельности центрального банка².

С. Р. Моисеев отмечает, что конечная цель монетарной политики должна максимально соответствовать общественным интересам. Помимо ценовой стабильности, автор упоминает также и такие цели, как устойчивый валютный курс, финансовая стабильность, комбинация макроэкономических приоритетов³.

Сегодня первичной целью денежно-кредитной политики во многих развитых странах выступает именно ценовая стабильность.

Согласно Закону о Банке Англии в редакции 2012 г., в Великобритании основной целью денежно-кредитной политики является обеспечение монетарной и финансовой стабильности во благо британцев [1. – С. 14].

В соответствии с Преамбулой Закона о Банке Канады 1985 г. основной целью денежно-кредитной политики выступает контроль и защита внешней стоимости национальной денежной единицы и смягчение ее влияния на колебания общего уровня производства, торговли, цен и занятости, а также содействие экономическому и финансовому благосостоянию Канады и ее граждан⁴. На официальном сайте Банка Канады в качестве цели денежно-кредитной политики указано на необходимость сохранения ценности денег, сдерживания инфляции на низком, стабильном и предсказуемом уровне, что позволит канадцам с большей уверенностью принимать решения о расходах и

¹ Цит. по: [1. – С. 4].

² Агапова Т. А., Серегина С. Ф. Макроэкономика : учебник. – 6-е изд. стереотип. / под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. А. В. Сидоровича. – М. : МГУ им. Ломоносова : Дело и Сервис, 2004. – С. 163.

³ Моисеев С. Р. Денежно-кредитная политика: теория и практика : учебное пособие. – М. : Московская финансово-промышленная академия, 2011. – С. 193.

⁴ Bank of Canada Act (R.S.C., 1985, c. B-2). – URL: https://www.bankofcanada.ca/wp-content/uploads/2010/07/act_loi_boc_bdc.pdf

инвестициях, будет способствовать долгосрочным инвестициям в экономику Канады, а также устойчивому созданию рабочих мест и повышению производительности, а в конечном счете – повышению уровня жизни канадцев.

Конечные цели денежно-кредитной политики США обозначены в Законе о реформе Федеральной резервной системы 1977 г. К ним относятся эффективное содействие максимальной занятости, сохранение устойчивых цен и умеренных долгосрочных процентных ставок¹.

Конечная цель Европейской системы центральных банков определена в статье 127 Договора о функционировании Европейского союза. Согласно данной норме, главная цель ЕЦБ – поддержание стабильности цен в еврозоне².

Как правило, конституционные источники регулирования монетарной политики зарубежных государств определяют основные начала ее осуществления и конечную цель денежно-кредитной политики конкретного государства. Например, в Конституции Перу 1993 г. указано, что основной целью Центрального резервного банка Перу является поддержание денежной стабильности. Соответственно, основная цель денежно-кредитной политики Перу заключена в этом же³. На наш взгляд, такой подход оправдан и объясняется тем, что итоговая цель монетарной политики должна оставаться стабильной долгое время.

Операционные, текущие цели и инструменты денежно-кредитной политики раскрываются уже непосредственно в законодательстве или актах органов, ответственных за ее осуществление. Например, Закон о Банке Израиля 2010 г. в качестве цели определяет поддержание стабильности цен, обеспечение экономического роста, занятости и уменьшение социального неравенства; поддержание денежно-кредитной и финансовой стабильности. Законы о центральных банках государств также раскрывают инструменты монетарной политики, используемые в данных государствах. Например, Закон о Банке Канады 1985 г. содержит такие правовые механизмы, как установление минимальных процентных ставок по кредитам, обязательное резервирование денежных средств [1. – С. 14].

Российская Федерация не является исключением в данном вопросе. Конституционные начала денежно-кредитной политики определены в статье 75 Конституции Российской Федерации, а содержание важнейших вопросов, включая инструменты и методы денежно-кредитной политики, раскрыто в главе VII Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». Подробное содержание инструментов монетарной политики государства с учетом сложившейся экономической ситуации в стране находит свое отражение в таком документе, как «Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики», разрабатываемом Банком России.

Учитывая, что денежно-кредитная политика государства является основным механизмом при реализации Банком России своей конституционной функции – защиты и обеспечения устойчивости рубля, по нашему мнению, законодательно необходимо зафиксировать основные принципы денежно-кредитной политики, на которые будут ориентироваться Банк России и правительство Российской Федерации при ее формировании и осуществлении. Например, в качестве принципов можно выделить следующие:

1. *Информационная открытость монетарной политики государства.* Данный принцип приобрел особое значение в условиях пандемии. Все решения Банка России должны опосредоваться оперативным разъяснением для граждан России, с какой целью они принимаются и каковы последствия осуществления выбранного варианта действий. С 2020 г. Банк России начал представлять анализ динамики потребительских цен не только на уровне страны, но и на уровне каждого региона. В Основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2021 год и период 2022 и 2023 годов также отмечается, что Банк России планирует публиковать траекторию ключевой ставки в рамках макроэкономического прогноза. Таким образом, информационная открытость должна стать основой денежно-кредитной политики государства.

¹ Federal Reserve Reform Act of 1977. Pub. L. 95-188, title II, Nov. 16, 1977, 91 Stat. 1387.

² Договор о функционировании Европейского союза (Рим, 25 марта 1957 г.) (в ред. Лиссабонского договора 2007 г.) (2016/C 202/01).

³ Политическая Конституция Перу 1993 г. – URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=534>.

2. *Приоритет экономических мер воздействия над административными*, поскольку экономические меры в наибольшей степени соответствуют рыночной экономике.

3. *Независимость Центрального банка Российской Федерации при осуществлении денежно-кредитной политики*. Анализируя степень независимости Банка России, можно выделить основные аспекты с учетом объемов конституционно-правового регулирования монетарной политики государства. Стратегические цели зафиксированы в Конституции Российской Федерации и в Федеральном законе «О Центральном банке (Банке России)», они могут пересматриваться только путем внесения изменений в основной закон страны и законодательство Российской Федерации. В этом случае независимость Банка России отсутствует и основные задачи для Банка России определяет общество и государство.

Тактические цели ежегодно определяются Банком России совместно с правительством и публикуются в Основных направлениях единой денежно-кредитной политики на определенный год. Таким образом, формулирует тактические цели Банк России, но внести поправки могут следующие должностные лица и органы: Президент Российской Федерации, правительство Российской Федерации, Государственная Дума. Отсюда следует, что по данному вопросу существует ограниченная самостоятельность Банка России.

Все текущие решения по реализации денежно-кредитной политики определяет Совет директоров Банка России, который принимает решения о размере обязательных резервных требований об изменении процентных ставок Банка России, об определении лимитов операций на открытом рынке, о применении прямых количественных ограничений и др. При этом следует учитывать, что Федеральный закон «О Центральном банке (Банке России)» предусматривает четкий перечень инструментов, которые в некоторых случаях имеют ограничения в применении (например, только после консультаций с правительством Российской Федерации возможно использование прямых количественных ограничений или ограничение максимального размера резервных требований). При этом законодательно зафиксированная ответственность высшего руководства Банка России за недостижение стратегических и тактических целей монетарной политики отсутствует.

Таким образом, эффективность монетарной политики государства обеспечивается независимостью центрального банка страны. Поскольку основной целью денежно-кредитной политики России является таргетирование инфляции, то важным условием реализации выступает совершенствование статуса Центрального банка России.

Список литературы

1. Грызунova Н. В., Захарова Д. С. Теоретические основы формирования денежно-кредитной политики и ее роль в условиях современной России // ИТ портал. – 2017. – № 1 (13).
2. Долан Э. Дж. и др. Деньги, банковское дело и денежно-кредитная политика / пер. с англ. В. Лукашевича и др.; под общ. ред. В. Лукашевича. – М., 1996.
3. Дробышевский С. М., Киюцевская А. М., Трунин П. В. Мандат и цели центральных банков: эволюция и уроки кризиса // Вопросы экономики. – 2016. – № 5.
4. Иришев. Б. К. Денежно-кредитная политика: концепция и механизм. – Алма-Ата : Гылым, 2020.
5. Макконнелл К. Р., Брю Л. С. Экономикс: принципы, проблемы и политика : пер. с англ. – 13-е изд. – М. : Инфра-М, 1999. – XXXIV.
6. Саадулаева Т. А. Совершенствование денежно-кредитной политики России в современных условиях : дис. ... канд. экон. наук. – М., 2014.
7. Симановский А. Ю. К вопросу о целях денежной и кредитной политики // Деньги и кредит. – 2014. – № 3. – С. 3-11.
8. Чикарова М. Ю. К вопросу о денежно-кредитной политики // Финансы и кредит. – 2018. – № 20 (158).

Особенности правового регулирования бюджетной политики в Российской Федерации

Д. А. Шевелько

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры правовых дисциплин
Высшей школы государственного аудита МГУ им. М. В. Ломоносова
Адрес: ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»,
119992, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, строение 13.
E-mail: shevelko@audit.msu.ru

Features of Legal Regulation of Budgetary Policy in the Russian Federation

D. A. Shevelko

PhD of Law, Senior Lecturer of the Department of Legal Disciplines
of the School of State Audit Moscow State University.
Address: Lomonosov Moscow State University, 1-13, Leninskiye Gory,
Moscow, 111992, Russian Federation.
E-mail: shevelko@audit.msu.ru

Аннотация

Предметом исследования статьи стала бюджетная политика России как правовой документ при формировании федерального бюджета. Автором проанализировано содержание данного понятия с точки зрения экономического и юридического аспектов для выявления тенденций и недостатков. До настоящего времени полноценное исследование правового регулирования бюджетной политики России не проводилось. Автором выявлены три этапа в истории бюджетного регулирования бюджетной политики. Для каждого из них на основе историко-правового метода определены соответствующие особенности в ее регулировании. В настоящее время бюджетная политика формируется в составе основных направлений бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики. Анализ правового регулирования показал, что послание Президента России является основой для формирования бюджетной политики. Вместе с тем общий порядок формирования, содержания и утверждения бюджетной политики не определен. На основе сопоставления положений посланий Президента России и содержания бюджетной политики автор пришел к выводу, что не все предложения Президента России в сфере бюджетных правоотношений оформляются в ее содержание. По результатам исследования также отмечаются следующие недостатки в правовом регулировании бюджетной политики: бюджетная политика не содержит указаний на инициализацию новых норм права для ее реализации в отчетном периоде; в бюджетной политике не проводится анализ взаимосвязи предполагаемых нефинансовых мер с показателями федерального бюджета; бюджетная политика и послание Президента России не синхронизированы по времени, что приводит к формальному характеру в бюджетных правоотношениях.

Ключевые слова: бюджетные правоотношения, федеральный бюджет, Послание Президента России, основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики.

Abstract

The subject of the article is the budget policy of Russia as a legal document in the formation of the federal budget. The author analyzes the content of this concept, from the point of view of economic and legal aspects, to identify trends and shortcomings. To date, a full-fledged study of the legal regulation of Russia's budget policy has not been conducted. The author identifies three stages in the history of budget regulation of budget policy. For each of them, on the basis of the historical and legal method, the corresponding features in its regulation are determined. Currently, the budget policy is formed as part of the main directions of the budget, tax and customs tariff policy. The analysis of legal regulation showed that the Message of the President of Russia is the basis for the formation of budget policy. However, the general procedure for the formation, content and approval of the budget policy is not defined. Based on the comparison of the provisions of the President's Messages and the content of the budget

policy, the author came to the conclusion that not all the proposals of the President of Russia in the field of budget relations are formed in its content. According to the results of the study, the following shortcomings in the legal regulation of budget policy are also noted. Thus, the budget policy does not contain any instructions on the initialization of new legal norms for its implementation in the reporting period. The budget policy does not analyze the relationship of the proposed non-financial measures with the indicators of the federal budget. The budget policy and the Message of the President of Russia are not synchronized in time, which leads to its "formal" nature in budget legal relations.

Keywords: budget legal relations, federal budget, message of the President of Russia, main directions of budget, tax and customs tariff policy.

Бюджетная политика – один из инструментов, напрямую влияющий на развитие страны. В ней государство определяет концептуальные и приоритетные мероприятия по развитию бюджетных правоотношений. Теоретико-правовой статус бюджетной политики пока остается малоизученным в бюджетном праве.

Одна из основных задач юридической науки в сфере правотворчества – выявление общих закономерностей правового развития, меняющих пространственные очертания и структуру права, его базовые компоненты и механизмы их взаимодействия [6. – С. 6]. Поэтому проведение комплексного правового анализа содержания бюджетной политики будет способствовать появлению новых тенденций и устранению имеющихся пробелов в регулировании.

Нельзя не согласиться с Е. Ю. Грачевой, отмечающей, что «сегодня финансовое право переживает ренессанс... Ученым предстоит оценить роль финансового права в современном мире, спрогнозировать его развитие на ближайшее десятилетие» [3. – С. 8]. С этой позиции бюджетная политика требует переосмысления в период трансформации документов стратегического планирования.

Начиная анализ с осмысления теоретического содержания можно отметить, что подходы к определению бюджетной политики сформировались, как в экономической, так и юридической науке. Это обусловлено нахождением данного понятия на стыке двух наук.

В экономической науке под бюджетной политикой государства понимается «совокупность мероприятий в сфере организации бюджетных отношений, осуществляемых с целью обеспечения его

денежными средствами для выполнения своих функций»¹.

Бюджетная политика определяется и как «совокупность принимаемых решений, осуществляемых органами законодательной (представительной) и исполнительной власти, связанных с определением основных направлений развития бюджетных отношений и выработкой конкретных путей их использования в интересах граждан, общества и государства»².

Бюджетная политика также рассматривается как использование государственных расходов для воздействия на макроэкономические условия [5].

С точки зрения юридического подхода Д. Л. Комягин считает, что «бюджетная политика – совокупность правовых средств, позволяющих достичь соблюдения публичного интереса при формировании и исполнении бюджета публично-правового образования»³.

Вступая в дискуссию с Д. Л. Комягиным отметим, что вопрос соблюдения публичного интереса через бюджетную политику, на наш взгляд, остается пока не решенным. Например, в Послании Президента России Федеральному Собранию на 2020 год от 15 января 2020 года отмечено: «Уже говорил, что наша задача – обеспечить высокие стандарты жизни, равные возможности для каждого человека, причем на всей территории страны. Именно на достижение такой цели направлены национальные проекты, все наши планы развития».

Непосредственно распределение публичного интереса по реализации национальных проектов произведено в федеральном бюджете на 2020 год и плановый период 2021 и 2022 годов.

¹ Открытый бюджет Новосибирской области. – URL: <https://openbudget.mfnsso.ru/formirovanie-budgeta/osnovnye-napravleniya-nalogovoj-byudzhethnoj-i-dolgovoj-politiki/> byudzhethnaya-politika

² Николаева Т. П. Бюджетная система РФ : учебно-практическое пособие. – М. : Изд. центр ЕАОИ, 2010. – С. 120.

³ Комягин Д. Л. Бюджетное право : учебник для вузов. – М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. – (Учебники Высшей школы экономики). – С. 58.

М. В. Сенцова рассматривает бюджетную политику как «непременное условие формирования любых правовых норм»¹.

Таким образом, можно отметить наметившуюся тенденцию: бюджетная политика с точки зрения юридического подхода содержит в себе процесс формирования правовых норм. С позиции экономической науки она формирует экономические отношения.

Вместе с тем бюджетную политику можно рассмотреть в узком и широком смысле.

В широком смысле бюджетная политика определяется совокупностью решений в стране, направленных на развитие экономики и бюджета, приоритетных направлений расходов, расширение объема доходов государства и т. д. Соответствующие решения оформляются в виде нормативных правовых актов.

Необходимо отметить и возможный подход к ограничению действия бюджетной политики только в рамках решений, принимаемых в бюджетной сфере при разработке и исполнении бюджета на очередной финансовый год.

Важно заметить, что фактически реализация бюджетной политики на основе послания Президента России сводится к развитию приоритетных сфер.

В узком смысле бюджетная политика представляет собой юридический документ или его часть. Говоря о содержании бюджетной политики, можно отметить, что ее нормы обусловлены политическими решениями Президента России по определению приоритетных сфер и мероприятий для реализации в бюджетной системе.

Бюджетная политика как механизм образования правовых норм заключается в инициации работы по подготовке проектов норм права для последующего утверждения. Происходит это после оглашения послания Президента России и подписания соответствующих поручений.

К сожалению теоретическое содержание в науке бюджетного права пока не до конца основывается на анализе ее правового регулирования. В новейшей истории России бюджетная политика претерпела три изменения.

С 1999 по 2013 г. Президентом России оглашалось Бюджетное послание «О бюджетной политике». В Бюджетном послании Президента России

она представляла собой перечень укрупненных поручений по развитию бюджетной системы. Конкретные исполнители и сроки устанавливались в оформленном поручении.

В рамках Бюджетного послания Президента не проводился полноценный анализ исполнения положений предыдущих посланий. Президентом России перечислялись основные успехи прошлого отчетного периода.

Фиксация причин неудач или невыполнения производилась в рамках контроля исполнения поручений Президента России. Соответственно, дальше шла цепочка документов по реализации бюджетной политики: прогноз социально-экономического развития, федеральный бюджет и т. д.

Таким образом, правовая модель реализации бюджетной политики состояла из двух основных документов: бюджетного послания и поручений Президента России, сформированных по его результатам. Конкретных положений о требованиях к содержанию бюджетной политики установлено не было.

С 2013 по 2017 г. бюджетная политика формировалась в составе документа, разрабатываемого и утверждаемого Минфином России «Основные направления бюджетной политики». Основой для него выступало также Послание Президента России.

Бюджетная политика фактически формировалась в трех документах: послании Президента России, поручениях по их результатам и основных направлениях (до 2017 г. в составе отдельного документа).

Разработка и утверждение основных направлений производились Минфином России. В этом заключалось кардинальное отличие содержания бюджетной политики от прошлого периода. Когда бюджетная политика формировалась и утверждалась Президентом России, то ее положения носили общий характер. Это было обусловлено перечислением наиболее весомых проблем в стране, так как статус первого лица предопределял выделение только ключевых проблем.

Минфин России же в основных направлениях бюджетной политики начал перечислять все имеющиеся проблемы бюджетной сферы, а также мероприятия по развитию бюджетной сферы с измеримыми показателями. В них также производился

¹ Финансовое право : учебник для среднего профессионального образования / ответственный редактор М. В. Сенцова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2016. – С. 47.

анализ итогов реализации бюджетной политики за прошлые периоды. Начиная с 2017 г. бюджетная политика разрабатывается и утверждается в составе основных направлений бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики Российской Федерации (далее – основные направления).

Разработка и предоставление основных направлений согласно статье 165 Бюджетного кодекса России (БК РФ) закреплены в бюджетных полномочиях Министерства финансов Российской Федерации.

На основании абзаца 1 и 2 части 2 статьи 171 БК РФ основные направления являются основой для составления проекта федерального бюджета. Однако БК РФ не содержит каких-либо правовых норм о содержании, порядке подготовке, а также других вопросов, касающихся бюджетной политики. Согласно БК РФ, основные направления разрабатываются на всех уровнях бюджетной системы Российской Федерации.

Отдельного положения о разработке основных направлений в Министерстве финансов России не принято. Представляется, что детальная регламентация процесса разработки основных направлений, в том числе требований к ним, повысит качество их подготовки. Целесообразно, например, закрепить мониторинг и контроль за исполнением заложенных в основных направлениях мер.

Вопрос об оценке эффективности бюджетной политики остается открытым. Критериев и показателей для такой оценки не разработано. Как представляется, в случае выполнения всех мер, предусмотренных в основных направлениях, они могут считаться эффективными.

В настоящее время системного анализа и контроля за фактической реализацией бюджетной политики не проводится. Это несомненно минус бюджетной политики, так как такой анализ мог сформировать наиболее действенные и успешные механизмы. Положений об анализе или контроле в законодательстве пока не предусмотрено.

При этом основные направления являются основой для разработки прогноза социально-экономического развития, а значит и федерального бюджета. Ошибка в подготовке основных направлений веерно идет по всем последующим документам.

Рассматривая другие нормативные правовые акты в этой сфере, можно отметить, что в статье 15 Федерального конституционного закона от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве

Российской Федерации» в названии статьи указываются полномочия Правительства России в сфере бюджетной политики. При этом в самом тексте статьи конкретные положения к бюджетной политике не перечисляются. В ней в общем описаны полномочия по всем направлениям политики государства в финансовой сфере. Однако толкование статьи свидетельствует о возможности отнести к мерам бюджетной политики все перечисленные в ней полномочия, такие как разработка федерального бюджета, обеспечение совершенствования бюджетной системы и др.

Поскольку понятие мер бюджетной политики в законодательстве Российской Федерации не определено, то к ним может быть отнесен широкий спектр правовых инструментов.

Соответственно, бюджетная политика сводится именно к политике, т. е. деятельности Президента России и Правительства России по вопросам развития страны и общества. Бюджетная политика направлена на развитие бюджетной системы России.

Отдельные положения о координации бюджетной политики и документов стратегического планирования установлены в Федеральном законе от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее – закон о стратегическом планировании).

Среди основных задач стратегического планирования закреплена координация государственного и муниципального стратегического управления и мер бюджетной политики (пункт 1 абзаца 1 статьи 8 закона о стратегическом планировании).

Законом о стратегическом планировании (часть 1 статьи 26 и часть 1 статьи 35) устанавливается, что прогноз социально-экономического развития на среднесрочный период, как Российской Федерации, так и субъекта России основывается на основных направлениях.

Кроме перечисленных правовых норм, в законе о стратегическом планировании больше не упоминается бюджетная политика.

Таким образом, исходя из БК РФ и закона о стратегическом планировании существует взаимосвязь послания Президента России, основных направлений и прогноза социально-экономического развития на среднесрочный период.

В частности, статья 171 БК РФ определяет, что бюджетная политика производна от Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации.

Соответственно, исходя из установленных требований, возникает вопрос о соотношении этих двух документов. Должна ли бюджетная политика, изложенная в основных направлениях, дублировать Послание?

Анализ поручений Президента Российской Федерации по итогам посланий Федеральному Собранию (от 15 января 2020 года, от 20 февраля 2019 года, от 1 марта 2018 года, от 1 декабря 2016 года, от 3 декабря 2015 года) показал, что они содержат поручения ответственным исполнителям (Администрация Президента России, Правительство России) и рекомендации иным органам государственной власти по вопросам, касающимся сроков реализации положений послания.

Поручений или рекомендаций в отношении бюджетной политики в указанных посланиях не содержится. Исходя из этого выстраивается гипотеза о полной необходимости включения положений послания в состав основных направлений и бюджетной политики как части из них.

Рассмотрим реализацию гипотезы на практике.

Данные о количестве поручений по результатам послания Президента Российской Федерации и их закреплении в основных направлениях представлены в таблице.

Анализ учета поручений Президента России в основных направлениях

Поручение Президента России по результатам послания	Количество поручений	Учтено в основных направлениях
От 1 декабря 2016 г. № пр-2346	25	На 2017 г.: 7
От 15 марта 2018 г. № пр-436	7	На 2019 г.: 2
От 27 февраля 2019 г. № пр-294	47	На 2020 г.: 10

Как видно из представленных данных, не все положения из поручений по результатам послания Президента России входят в основные направления.

При этом можно выделить следующие поручения (по примеру из каждого года), которые де-факто относятся к бюджетной политике, влияют на расходы или доходы федерального бюджета, но не включены в текст основных направлений.

1. На 2017 г.: «Правительству Российской Федерации совместно с органами государственной

власти субъектов Российской Федерации обеспечить подключение больниц и поликлиник к скоростному Интернету» (Пр-2346, п. 4 а).

2. На 2019 г.: «завершить работу по закреплению правового статуса самозанятых граждан» (Пр-436, п. 26)

3. На 2020 г.: «создание в 2020–2024 годах двух детских реабилитационных центров мирового уровня» (Пр-294, п. 2з).

Исходя из указанного следует, что прямая взаимосвязь между посланием Президента России и основными направлениями отсутствует. Критериев для включения (невключения) мероприятий в основные направления не установлено. Соответственно, Минфин России на свое усмотрение может принимать решения, в том числе исходя из того, что мероприятия закреплены в поручениях Президента России.

Ответственность за реализацию бюджетной политики несет Правительство России, а не Президент России, который лишь инициирует и контролирует управленческие процессы.

Послание Президента России содержит только конкретный перечень ориентиров и мероприятий. Этот перечень не является закрытым. На его основании могут приниматься дополнительные меры, определяемые Правительством России в основных направлениях и федеральном бюджете.

На основании проведенного анализа нормативного правового регулирования можно в целом отметить следующие недостатки при формировании бюджетной политики и основных направлений.

Во-первых, в основных направлениях не предусматриваются меры по внесению изменений в законы. Соответственно, не происходит инициация разработки правовых норм под экономические отношения.

Во-вторых, в основных направлениях не дается оценка предполагаемым расходам федерального бюджета на реализацию конкретных мероприятий, например, оценка ведения налоговых льгот.

В-третьих, отсутствует анализ взаимосвязи предполагаемых нефинансовых мер с доходами и расходами федерального бюджета, например, улучшение делового климата и бюджетной сферы.

В-четвертых, Послание Президента России и основные направления не синхронизированы.

С одной стороны, это приводит к невозможности включения конкретных мер Президента России в состав основных направлений. Бюджетная

политика, сформированная в основных направлениях, не может быть скорректирована в течение года. Изменения в нее не вносятся.

С другой стороны, бюджетная политика в случае оглашения Послания Президента России после утверждения основных направлений теряет свою актуальность. Например, Послание Президента России ориентировочно представляется в феврале, тогда как основные направления формируются ближе к концу года. Соответственно, мероприятия в бюджетной сфере уже будут сформированы и начнется их реализации. В связи с чем они по факту войдут в бюджетную политику.

Отсюда можно сделать вывод о формальном характере данного документа.

Все перечисленные факторы свидетельствуют об общей неурегулированности бюджетной политики и о наличии правовых пробелов при ее формировании. Исходя из текущей ситуации, когда отсутствуют требования к разработке, контролю, мониторингу исполнения, вызывает сомнение, оказывает ли влияние бюджетная политика на федеральный бюджет. Фактически она стала формальным разделом в составе основных направлений.

С учетом того, что бюджетная политика не относится к документам стратегического планирования, а ее положения во многом дублируют поручения Президента России, на наш взгляд, целесообразно, либо трансформировать данное понятие, либо исключить бюджетную политику как формализованный правовой документ из бюджетных правоотношений.

Список литературы

1. Афанасьев Р. С., Голованова Н. В. Оценка эффективности бюджетных расходов: федеральный и региональный опыт // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2016. – № 2 (284). – С. 56–64.
2. Горбунова О. Н. Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России / О.Н. Горбунова. – М. : Профобразование, 2003. – 158 с.
3. Грачева Е. Ю. Слово к читателю // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 9 (73). – С. 6–8.
4. Киреева Е. В. Оценка применения инструментов бюджетной политики в период пандемии COVID-19 // Управленческий учет. – 2021. – № 10–1. – С. 32–38.
5. Финансы. Толковый словарь / общ. ред. И. М. Осадчей. – 2-е изд. – М. : Инфра-М; Весь Мир. 2000.
6. Хабриева Т. Я. Современное правотворчество и задачи юридической науки // Журнал российского права. – 2015. – № 8 (224). – С. 5–13.

Доктрина добросовестного и разумного поведения участников предпринимательской деятельности

И. И. Шувалов

кандидат юридических наук, председатель Государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ».
Адрес: Государственная корпорации развития «ВЭБ.РФ»,
Москва, 107078, проспект Академика Сахарова, д. 9.
E-mail: pr_shuvalova@veb.ru

The Doctrine of Conscientious and Reasonable Behavior of Business Participants

I. I. Shuvalov

PhD in Law, Chairman of the State Development Corporation «VEB.RF».
Address: The State Development Corporation «VEB.RF», 9 Academician Sakharov Avenue,
Moscow, 107078, Russian Federation.
E-mail: pr_shuvalova@veb.ru

Аннотация

Статья посвящена общим вопросам, связанным с принципами добросовестности и разумности в контексте предпринимательских отношений. В частности, исследуя эти понятия, автор приходит к выводу о том, что рассматриваемые правовые категории оставляют довольно широкие возможности для их субъективного толкования и судебного усмотрения, что обусловлено отсутствием их законодательного содержания. В статье поднимается также вопрос о квалификации действий хозяйствующего субъекта, которые осуществляются в рамках норм закона, но нарушают этические нормы, в том числе принцип добросовестного поведения субъектов бизнеса. Учитывая оценочный характер категорий добросовестности и разумности и неоднозначное понимание их содержания, автор обращается к судебной практике, в том числе анализу основополагающих разъяснений высших судебных органов. Особое внимание в статье уделено соотношению реализации принципов добросовестного и разумного поведения участников гражданских, а также корпоративных правоотношений, с предпринимательским риском. На основе успешного зарубежного опыта сформулирован вывод о том, что отечественный правоприменитель при применении норм о принципах добросовестности и разумности при принятии решений должен исходить из фактических возможностей среднестатистического предпринимателя без предъявления к нему каких-либо дополнительных требований в целях соответствия стандарту поведения. При этом говорить о недобросовестном или неразумном поведении возможно только при явном пренебрежении лицом своих обязанностей. В итоге автор приходит к выводу о том, что синергетический характер категорий добросовестности и разумности обуславливает специфику его реализации в предпринимательских (корпоративных) отношениях. Рисковый характер предпринимательской деятельности предполагает определенный прагматизм в содержании принципов добросовестного и разумного поведения, что исключает их наполнение общечеловеческими ценностями. В противном случае это может привести к сдерживанию деловой активности.

Ключевые слова: корпоративные отношения, ответственность, недобросовестная конкуренция, злоупотребление правом.

Abstract

The article is devoted to general issues related to the principles of good faith and reasonableness in business relations. In particular, the author examines their concepts and comes to the conclusion that mentioned legal categories leave quite wide opportunities for their subjective interpretation and judicial discretion, which is also due to the lack of their legislative content. The article also raises the question of the qualification of the economic entity actions that are carried out within the framework of the law, but violate ethical norms, including the principle of conscientious behavior of business entities. Taking into account the evaluative nature of the categories of good faith and reasonableness and the ambiguous understanding of the content, the author turns to judicial practice,

including the analysis of the fundamental explanations of the highest judicial bodies. Special attention is paid to the correlation of the implementation of the principles of conscientious and reasonable behavior of participants in civil, including corporate legal relations, with entrepreneurial risk. On the basis of successful foreign experience, the conclusion is formulated that the domestic law enforcement officer, when applying the norms on the principles of good faith and reasonableness in making decisions, should proceed from the actual capabilities of the average entrepreneur, without presenting any additional requirements to him in order to comply with the standard of behavior. At the same time, it is possible to talk about unfair or unreasonable behavior only if the person clearly neglects his duties. As a result, the author comes to the conclusion that the synergetic nature of the categories of good faith and reasonableness determines the specifics of its implementation in entrepreneurial (including corporate) relations. The risky nature of entrepreneurial activity implies certain pragmatism in the content of the principles of conscientious and reasonable behavior, which excludes their filling with universal values. Otherwise, this may lead to a curbing of business activity.

Keywords: corporate relations, responsibility, unfair competition, abuse of law.

Как отмечено в юридической доктрине, «право в поисках упорядоченности в силу своего регулятивного характера вынуждено вторгаться в область морали и использовать ее ресурсы» [14. – С. 5].

По мнению Верховного Суда Российской Федерации, стимулирование участников предпринимательских отношений к добросовестному, законопослушному поведению, которое не позволяет субъекту посредством неправомерных действий, методов и средств получать собственные преимущества, представляет собой одну из публично-правовых целей и является составляющей залога успешного развития рынка и здоровой конкуренции¹.

Еще до принятия новой редакции Гражданского кодекса Российской Федерации² (ГК РФ) отечественная наука доказывала необходимость фиксации в кодифицированном акте принципа добросовестности [10. – С. 15–21]. В 2012 г. статья 1 ГК РФ была дополнена пунктом 3, согласно которому при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. В связи с этим следует отметить позицию судов, которые дали следующие характеристики данной нормы: действующие нормы отечественного гражданского законодательства реализацию положений о защите гражданских прав обуславливают осуществлением этих прав с позиции их разумности и добросовестности. При этом поведение субъектов предпринимательской деятельности подчинено данному принципу, который закреплен в статьях 6 и 10 ГК РФ [8. – С. 60–62].

В рамках осуществления предпринимательской деятельности нормы о добросовестном и разумном поведении имеют особое значение. Так, признание конкурентных действий противоречащими требованиям добросовестности и разумности, безусловно, наделяет потерпевшую сторону дополнительными возможностями защитить себя от различных форм недобросовестной конкуренции.

Практическое значение имеет решение вопроса о квалификации действий хозяйствующего субъекта, которые осуществляются в рамках норм закона, но нарушают этические нормы, в том числе принцип добросовестного поведения субъектов бизнеса. При признании таких действий недобросовестными приоритет отдается этическим нормам, что недопустимо. Если же руководствоваться строго буквой закона, возникают сомнения в целесообразности внесенных в гражданское законодательство нововведений о добросовестном и разумном поведении участников предпринимательской деятельности.

В рамках анализа соответствующих требований в отношении недобросовестной конкуренции В. А. Дозорцев полагал, что недобросовестную конкуренцию в первую очередь составляют действия, совершаемые в нарушение обычаев делового оборота, требований добрых нравов, разумности и справедливости [5. – С. 33]. Столь однозначный вывод вызывает определенные сомнения. Считаем, что в первую очередь следует квалифицировать в качестве недобросовестной конкуренции действия, нарушение нормы закона, а применение норм гражданского законодатель-

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации от 26 февраля 2020 г. по делу № 305-ЭС19-26346, А40-14914/2018. – URL: КонсультантПлюс.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

ства, исходящего из предпосылки о добросовестности участников гражданских правоотношений и разумности их действий, имеют второстепенное значение с позиции их применения. Если та или иная ситуация прямо не урегулирована законом, должны подлежать применению нормы о разумном и добросовестном поведении, нарушение которых позволит признать действия хозяйствующего субъекта как злоупотребление правом.

Более того, следует поддержать отечественного законодателя не только в решении закрепить нормы о разумном добросовестном поведении участников гражданского оборота в ГК РФ, но и установить презумпцию добросовестности, что можно рассматривать как один из элементов формирования доверия и стабильности в предпринимательских отношениях. Как справедливо отметил в этой связи Конституционный Суд Российской Федерации, доверие со стороны субъектов правоотношений к закону и непосредственным действиям государственной власти может поддерживаться исключительно посредством обеспечения разумной стабильности правового регулирования тех или иных общественных отношений, а также посредством недопустимости внесения произвольных изменений в действующую систему норм¹.

Вместе с тем рассматриваемые правовые категории оставляют довольно широкие возможности для их субъективного толкования и судебного усмотрения, что в том числе обусловлено отсутствием их законодательного содержания. Неудивительно, что в правовой доктрине добросовестность как один из принципов гражданского права в контексте правоприменительной практики называли «абстрактно понимаемым явлением» [9. – С. 268].

На современном этапе развития отечественной цивилистики категорию «добросовестность» предлагается рассматривать в объективном и субъективном смыслах. Добросовестность в объективном смысле предполагает определение общего так называемого внешнего стандарта оценки поведения субъектов правоотношений, выход за пределы которого должен четко определять, что наступает недобросовестность. Добросовестность в субъективном смысле предполагает внутреннее отношение лица к своему поведению [1. – С. 32–40]. М. М. Агарков в объективном смысле

добросовестность предлагает рассматривать как некую модель поведения, сформированную между субъектами гражданских правоотношений. При этом субъективный смысл рассматриваемой категории он понимает несколько иначе: как отсутствие у субъекта осведомленности об условиях, которые бы запрещали реализацию той или иной модели поведения [2. – С. 426–429].

В отличие от добросовестности разумность поведения участников правоотношений в научной доктрине считается более объективной характеристикой, которая определяет морально-нравственные качества опосредованно, т. е. через соотношение поведения субъекта права с возможным поведением здравомыслящего человека [6. – С. 103].

Одним из самых острых вопросов, касающихся категории добросовестности, является необходимость определения ее дефиниции. Считаем в данной связи уместным согласиться с научной точкой зрения, суть которой заключается в отрицании не просто возможности формулирования общей дефиниции данного понятия, но и в ее целесообразности. Так, рассматривая категорию добросовестности, К. И. Скловский указал, что добрая совесть, имеющая не всегда совпадающее значение и функции, не может быть исчерпывающим образом определена даже доктринально, а тем более легально. Добрая совесть употребляется в самых разных смыслах, более или менее широких, и далеко не всегда имеет значение, влекущее непосредственные юридико-технические следствия [13. – С. 79].

В общетеоретическом смысле добросовестность рассматривается как одна из основополагающих идей российского права, которая сочетает в себе этические, моральные, эстетические и иные аспекты исходя из российской правовой культуры. Универсальность категории добросовестности в различных отраслях права обусловлена конкретизацией данной идеи в различных нормах права, где она получает реализацию посредством применения различных методов и инструментов, трансформируясь в принцип права, основополагающее начало, презумпцию и т. д.

Следует отметить, что применительно к отдельным институтам законодатель самостоятельно определяет критерии добросовестности.

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 мая 2001 г. № 8-П по делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1 и статьи 2 Федерального закона «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним

местностей» в связи с жалобами граждан А. С. Стах и Г. И. Хваловой. – URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30277.pdf>

Так, например, законодатель раскрыл понятие добросовестности через определение недобросовестной конкуренции¹.

Несмотря на довольно многочисленные формулировки рассматриваемых правовых категорий, следует признать, что они носят оценочный характер², а соответственно их содержание может определяться правоприменителем по-разному. В этой связи немаловажное значение для определения поведения того или иного субъекта недобросовестным или неразумным имеет Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июля 2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица»³. В соответствии с названным документом под добросовестностью и разумностью действий директора юридического лица при исполнении возложенных на него функций суд понимает принятие им «...необходимых и достаточных мер для достижения целей деятельности, ради которых создано юридическое лицо, в том числе в надлежащем исполнении публично-правовых обязанностей, возлагаемых на юридическое лицо действующим законодательством».

Заслуживают внимания пункты 2 и 3 Постановления, устанавливающие типовые стандарты корпоративного поведения, при которых действия (бездействия) директора априори признаются недобросовестными или неразумными.

Принимая во внимание персональную ответственность директора в перечисленных в Постановлении случаях признания действий или бездействий о привлечении к ответственности лиц, входящих в исполнительные органы хозяйственных обществ, недобросовестными или неразумными, неудивительно, что в судебной практике увеличилось количество соответствующих дел. При этом суды,

руководствуясь рассматриваемым Постановлением и неверно истолковывая ряд его положений, тщательно анализировали экономическую целесообразность принятых органом управления решений. Одним из таких примеров является Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа, в котором суд задается вопросами о проявлении разумности и хозяйственной ценности действий субъекта, заключившего договор аренды помещения, притом что у него есть неиспользуемые площади⁴. В данном случае уместно привести мнение И. А. Покровского об использовании в нормах права оценочных категорий. По мнению ученого, включение таких норм в законодательство не является решением проблемы, а следует рассматривать как уклонение от ее разрешения на законодательном уровне и перекладывание на правоприменителя. Вместе с тем, как справедливо указывает автор, конкретное судебное решение, каким бы удачным оно ни оказалось, не будет иметь того авторитета, каким обладает норма закона [12. – С. 103–104]. Вместе с тем, как справедливо отмечает О. В. Гутников, понимание вины в корпоративных отношениях при нарушении обязанности действовать добросовестно и разумно в интересах юридического лица отличается некоторой спецификой. Оценивая действия того или иного лица на предмет их соответствия принципам добросовестности и разумности, суд должен учитывать также правило бизнес-решения (*business judgement rule*) [17. – Р. 1301–1304; 18. – Р. 457–458], суть которого заключается в том, что суды не могут оценивать уже принятые решения на предмет их экономической целесообразности [1. – С. 32–40]. За должностным лицом признается право на непреднамеренное принятие решения, которое экономически невыгодно для юридического лица в условиях обычного предпринимательского риска.

¹ Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (ред. от 24 апреля 2020 г.) «О защите конкуренции» (с изм. и доп., вступившими в силу с 1 июля 2020 г.), определяя понятие «добросовестность» через понятие «недобросовестная конкуренция», устанавливает, что это любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам-конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3434.

² По мнению М. Ф. Лукьяненко, одной из отличительных особенностей оценочного понятия является его изменчивость и непостоянство, его содержание варьируется с учетом конкретной ситуации [11. – С. 38].

³ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июля 2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица». – URL: КонсультантПлюс.

⁴ Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 17 февраля 2014 г. по делу № А53-6823/2013 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/721dhtsyiaw4/>

Не могут быть признанными недобросовестными или неразумными решения привлекаемого к ответственности лица, если при принятии даже убыточного решения оно соблюдало необходимую степень заботливости и осмотрительности, которая от него требовалась по характеру оборота в условиях обычного предпринимательского риска [7. – С. 132–141; 15. – С. 159–178].

В результате в 2015 г. Верховный Суд Российской Федерации пояснил, что негативные последствия для юридического лица, наступившие в результате принятия бизнес-решения, сами по себе не являются доказательством недобросовестного или неразумного поведения директора, поскольку возможность их наступления во многом обусловлена рискованностью характером предпринимательской деятельности¹.

Такой подход заслуживает поддержки, поскольку еще в 2004 г. Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что основная задача осуществляемого судебного контроля состоит в обеспечении защиты прав и законных интересов акционеров, но никак не в оценке экономической целесообразности принимаемых уполномоченными лицами решений². Действительно, в ходе осуществления судебного контроля суды не должны заниматься оценкой экономической целесообразности принятия тех или иных бизнес-решений. Таким образом, один из признаков предпринимательской деятельности – ее рискованный характер – обосновывает специфику применения положений о реализации принципов добросовестности и разумности в контексте предпринимательских отношений.

Стоит отметить, что в научной доктрине вопросам соотношения реализации принципов добросовестного и разумного поведения участников гражданских, в том числе корпоративных правоотношений с предпринимательским риском, уделено достаточно много внимания. Преимущественно исследователи в своих выводах ссылаются на перспективный опыт зарубежных стран, в первую оче-

редь – Великобритании. Именно в Великобритании, по утверждению Ю. В. Брисова, первые прообразы корпоративных структур появились еще в Средние века. Поэтому неудивительно, что за весьма продолжительный период развития корпоративного права в Великобритании накопился богатый опыт разрешения корпоративных конфликтов [4 – С. 174–184]. В Англии сформировался так называемый стандарт поведения директоров (*standard of behavior*), который определяет принимаемые уполномоченными субъектами действия в рамках разумного предпринимательского риска. В англоязычной доктрине подчеркивается, что принимаемые решения, всегда основаны на риске, в связи с чем существуют трудности в определении надлежащих стандартов поведения директоров. Неудивительно, что для судов представляет особую сложность на момент рассмотрения дела оценить экономическое обоснование принятия решения [16].

Особый интерес представляют английские нормы Закона о компаниях 2006 г. В соответствии со статьей 174 названного акта директорам вменяется в обязанность проявлять разумную заботливость, умение и усердие. При этом статья 174(2) названного закона дает детальное разъяснение положений статьи 174, ставя проявление разумной заботливости, умения и усердия уполномоченного лица в зависимость от личных качеств субъекта. Он, как предполагается, должен обладать знаниями и умениями, которые разумно ожидать от лица, осуществляющего функции директора по отношению к компании. Кроме того, проявление разумной заботливости анализируется в совокупности с навыками и умениями, которыми обладает лицо, назначенное директором³.

В США стандарт осмотрительности применяется преимущественно в банковском секторе экономики, при совершении сделок о слиянии или поглощении компаний, а также при приобретении крупного пакета акций публичных компаний. Стоит отметить, что обозначенные стандарты осмотрительности до-

¹ См.: пункт 25 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 8.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2004 г. N 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Феде-

рального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании "Кадет Истеблишмент" и запросом Октябрьского районного суда города Пензы» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 9. – Ст. 830.

³ Companies Act 2006. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/section/174>

вольно подробно прописаны соответствующими регуляторами, которые на основе обобщенной практики разрабатывают стандарты для субъектов предпринимательской деятельности.

В отличие от стран общего права отечественные суды при принятии решений руководствуются нормой закона и принимают во внимание разъяснения высших судебных органов. Однако было бы целесообразно, используя положительный зарубежный опыт, разработать определенные стандарты добросовестного и разумного поведения. Применение таких стандартов будет своеобразным ориентиром для субъектов предпринимательской деятельности при принятии экономически обоснованных решений, что оградит уполномоченных лиц от избыточной ответственности и расширит возможности принимаемых ими решений.

Вместе с тем, на наш взгляд, заслуживает внимания опыт стран общего права, где в первую очередь судебные органы ориентированы на субъективные критерии уполномоченного лица принимать решения. Представляется, что и отечественный правоприменитель при применении норм о принципах добросовестности и разумности при принятии решений должен исходить из фактических возможностей среднестатистического предпринимателя, оценивая опыт, знания и навыки, при этом не предъявляя к нему избыточных требований для соответствия стандарту поведения. Следовательно, о недобросовестном или явно неразумном поведении принявшего решение лица будет свидетельствовать очевидное пренебрежение своими обязанностями.

В совокупности такой подход позволит одновременно учитывать объективные признаки разумного предпринимательского риска, которыми руководствуются отечественные суды при разрешении конкретных дел, а также субъективные признаки, которые опосредуют стандарты поведения уполномоченных на принятие решений менеджеров в странах общего права.

Заслуживает также внимания еще одна проблема, на которую уже было обращено внимание в отечественной доктрине. Речь идет о нелогичной формулировке пункта 1 статьи 10 ГК РФ, в со-

ответствии с которой не допускается заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав. Очевидно, что в изложенном виде норма «злоупотребление правом» подразумевает наличие при таком поведении умысла. Следовательно, в тех случаях, когда доказать наличие умысла не удалось, либо в отсутствие умысла, лицо не может быть ограничено в праве. Безусловно, следует понимать, что используемая в статье 10 ГК РФ формулировка противоречит сущности самого принципа добросовестности. Как неоднократно указывалось в доктрине, злоупотреблением права следует считать всякое недобросовестное поведение, иными словами, – это любое поведение, которое не соответствует принципу добросовестного и разумного поведения¹. Стоит отметить, что суды в целом нашли правильный подход к пункту 1 статьи 10 ГК РФ.

Таким образом, отечественный законодатель не только внедрил в российское законодательство принцип добросовестного и разумного поведения субъектов права, но и разработал некоторые основанные на нем институты. Безусловно, простого закрепления данного принципа на уровне закона недостаточно, а принимая во внимание неудачность используемых формулировок, необходима комплексная доктринальная проработка, в том числе в контексте его реализации в иных правилах поведения.

Не умаляя значимости законодательного закрепления принципов добросовестности и разумности, суды могут напрямую обращаться к ним только в тех случаях, когда выявлена невозможность принятия решения путем толкования и применения существующих законодательных норм.

Синергетический характер категорий добросовестности и разумности обуславливает специфику его реализации в предпринимательских (корпоративных) отношениях. Рисковый характер предпринимательской деятельности предполагает определенный прагматизм в содержании принципов добросовестного и разумного поведения, что исключает их наполнение общечеловеческими ценностями. В противном случае это может привести к сдерживанию деловой активности.

¹ В связи с этим в литературе не зря отмечалось, что запрет злоупотребления правом не является достаточно обоснованным в теоретическом и практическом аспектах, поэтому

целесообразным является его замена положением, закрепляющим требование соответствия поведения принципу добросовестности [3. – 10–11].

Список литературы

1. Абакумова Е. Б. Принципы добросовестности и разумности в корпоративных правоотношениях // Вестник арбитражной практики. – 2020. № 4. – С. 32–40.
2. Агарков М. М. Проблема злоупотребления правом в современном гражданском праве // Известия Академии наук СССР. Отделение экономики и права. – 1946. – № 6. – С. 426–429.
3. Бекназар-Юзбашев Г. Т. Злоупотребление правом и принцип доброй совести в гражданском праве России и Германии. – М., 2010.
4. Брисов Ю. В. Ответственность исполнительного органа юридического лица за недобросовестные действия // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 9. – С. 174–184.
5. Дозорцев В. А. Недобросовестная конкуренция или несправедливая? // Юридический мир. – 1997. – № 4. – С. 29–33.
6. Емельянов В. И. Понятие «разумность» в гражданском праве России // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2002. – № 10. – С. 102–105.
7. Ключарева Е. М. Правило защиты делового решения в делах о привлечении к ответственности директоров: законодательство и практика штата Делавэр (США), Германии и России // Закон. – 2015. – № 11. – С. 132–141.
8. Кодолов В. А., Бармина О. Н. К вопросу о структуре злоупотреблений правом // Российская юстиция. – 2014. – № 2. – С. 60–62.
9. Комиссаров А. В., Могилевский Г. А. Принцип добросовестности в деятельности органов военного управления при реализации социальных гарантий военнослужащих и членов их семей // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 2. – С. 268–270.
10. Коновалов А. В. Еще раз к вопросу о понятии добросовестности // Российский судья. – 2018. – № 1. – С. 15–21.
11. Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. – М. : Статут, 2010.
12. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. – М., 1998. – С. 103–104.
13. Скловский К. И. Применение норм о доброй совести в гражданском праве России // Хозяйство и право. – 2002. – № 9.
14. Сморгунова В. Ю. Доверие: новые смыслы для нового гражданско-правового состояния // История государства и права. – 2008. – № 7. – С. 3–7.
15. Цепов Г. В. Можно ли судить за глупость? Деловое суждение и его объективная оценка // Закон. – 2015. – № 12. – С. 159–178.
16. Janet D. Company law. – Hampshire : Palgrave, 2001.
17. Palm C. W., Kearney M. A. A Primer on the Basics of Directors' Duties in Delaware: the Rules of the Game (Part I) // Villanova Law Review. – 1995. – Vol. 40. – P. 1301–1304.
18. Peebles R. A. The Use and Misuse of the Business Judgement Rule in the Close Corporation // Notre Dame Law Review. – 1984–1985. – Vol. 60. – P. 457–458.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2021-3-26-31>

Особенности современных трендов торговли людьми (на примере Азербайджанской Республики)

С. Г. Каландарли

кандидат юридических наук, доцент, докторант Бакинского государственного университета

Адрес: Бакинский государственный университет, Akademik Zahid Xəlilov küçəsi-23.

E-mail: sona.galandarli@mail.ru

Features of Modern Trends Human Trafficking (on the Example of the Republic of Azerbaijan)

S. H. Kalandarli

PhD in Law, Associate Professor, Doctoral Student at Baku State University.

Address: Baku State University, Akademik Zahid Xəlilov küçəsi-23.

E-mail: sona.galandarli@mail.ru

Аннотация

Проблема торговли людьми – тяжелая и общественно опасная реальность современного мира. Сегодня проблема торговли людьми обретает инновационные тренды, связанные с глобальными достижениями научно-технического прогресса и применением их в преступных целях. Являющийся сам по себе опасно актуальным «живой» трафикинг в условиях открытости границ, неограниченного и недостаточно контролируемого экспорта преступных проявлений, несет в себе жесткую парадигму стремительно развивающихся направлений современного рабства. Исследование в заявленной области направлено на выявление основополагающих факторов и особенностей разнообразных форм торговли людьми в глобальном мире. Успешное противодействие торговле людьми зависит от правового обеспечения решения этой проблемы как на уровне международного, так и внутригосударственного права. Мировое сообщество, осознавая серьезность проблемы, предпринимает многотрендовые усилия, направленные на борьбу с этим преступным явлением. В статье автор определяет причины существования в мире практики продажи и эксплуатации людей, а также направления международных действий по формированию государственных политик в области предотвращения торговли людьми, безусловному и безоговорочному запрету подобного рода деяний, нивелированию условий, способствующих их развитию. Для достижения целей и выполнения задач исследования автором проанализированы документы международной политики, научная литература и другая информация в области торговли людьми, подходы и меры противодействия этому феномену, а также изучена ситуация с торговлей людьми в Азербайджанской Республике в сравнительном контексте с глобальными и международными тенденциями. Реализация международных правовых стандартов в сфере торговли людьми направлена на полное нивелирование как собственно этого явления, так и условий и причин его порождающих. Борьба с этим тяжким преступлением, имеющим глубокие социальные причины и последствия, стала частью международных и государственных программ, стратегий и концепций развития, что в конечном итоге ведет к достижению социальной справедливости по отношению к человеку и реализации его прав на безопасность жизни.

Ключевые слова: международный опыт, национальный опыт, право, законодательство.

Abstract

The problem of human trafficking is a difficult and socially dangerous reality of the modern world. Today, the problem of human trafficking is acquiring innovative trends associated with the global achievements of scientific and technological progress and their use for criminal purposes. The “live” trafficking in itself, which is dangerously topical under the conditions of open borders, unlimited and insufficiently controlled export of criminal manifestations, carries a rigid paradigm of rapidly developing areas of modern slavery. Research in the stated area is aimed at identifying the underlying factors and characteristics of various forms of human trafficking in the global world. Successful counteraction to trafficking in persons depends on the legal provision of a solution to this problem, both at the level of international and domestic law. The world community, taking into account the serious level of the problem, is making multi-trend efforts to combat this criminal phenomenon. In the article, the author defines the reasons for the existence in the world of the practice of selling and exploiting people, as well as the directions of international actions to form state policies in the field of preventing trafficking in persons, unconditional and

unconditional prohibition of such acts, leveling the conditions conducive to their development. To achieve the goals and objectives of the study, the author analyzed international policy documents, scientific literature and other information in the field of human trafficking, approaches and measures to counter this phenomenon, and also studied the situation with human trafficking in the Republic of Azerbaijan in a comparative context with global and international trends. The implementation of international legal standards in the field of human trafficking is aimed at completely leveling both this phenomenon itself and the conditions and causes of it. The fight against this grave crime, which has deep social causes and consequences, has become part of international and state programs, strategies and development concepts, which ultimately leads to the achievement of social justice in relation to a person and the realization of his rights to a safety of life.

Keywords: international experience, national experience, law, legislation.

Постановка задачи

Торговля людьми как специфический институт рабской зависимости, претерпев изменения временем, возрождается, причем достаточно активно и угрожающе. Согласно Всеобщей декларации прав человека (1948 г.), свобода человека является одной из главных общечеловеческих ценностей, а обеспечение неприкосновенности личности – основной функцией государства.

Подавляющая часть государств и правительств признает, что торговля людьми является острой проблемой. Многие страны принимают активное участие в собственных законодотворческих и законодательных процессах по полной ликвидации преступной торговли людьми и минимизации негативных последствий, связанных с ней. На сегодняшний день вызов для законодотворческих (законодательных) органов, правоприменительных политик и практик заключается в том, чтобы значительно увеличить масштабы эффективных мер в борьбе с торговлей людьми.

Торговля людьми стала одной из самых серьезных форм попрания прав человека. Эта проблема с каждым днем охватывает все большее количество людей. Прибыль от преступлений в сфере торговли людьми соответствует общему доходу от мирового валового потребительского товарооборота. Получателями сверхприбылей являются транснациональные корпорации и многочисленные организации торговцев и сутенеров. Статистические данные неопровержимо указывают на тенденцию возрастания темпов торговли людьми во многих государствах мира. Сегодня торговля людьми – в ряду самых доходных видов криминального бизнеса, грубо нарушающего права и свободы человека, что представляет транснациональную угрозу и вызов обществу.

Являясь крупнейшим международным бизнесом, торговля людьми занимает значительную нишу в системе международной организованной преступности. Эти преступления сопоставимы с

международной торговлей наркотиками или незаконным оборотом оружия.

Исследовательская часть

На выстраивание позитивной ситуации в странах оказывает безусловное влияние существование эффективных государственных систем противодействия торговле людьми, функционирующих в тесной связи с международно-правовыми стандартами и рекомендациями.

Движущими силами торговли людьми как современного тренда рабства являются бедность (нищета), гендерное и другие виды неравенства, отсутствие равных возможностей, экономическое неравенство внутри государств и между ними, коррупция как результат определенных несоответствий судебной и правоохранительной систем, гражданской нестабильности и невыполнения государствами своих функций по защите прав граждан, наличие спроса на платные сексуальные услуги и дешевую рабочую силу и т. п.

Значительно усиливают тенденции распространения торговли людьми в ее разнообразных проявлениях международные миграционные потоки. Миграционный кризис, создав благоприятные условия для преступников, подтолкнул торговлю людьми, поскольку позволил им воспользоваться тяжелым социальным и материальным положением, в котором оказались беженцы и мигранты. Кроме того, в смешанных миграционных потоках остро стоит проблема идентификации жертв торговли людьми.

Для торговли людьми как преступного явления глобального масштаба не является препятствием формат административно-государственных и национальных границ. Имея направленность как против личности, так и против государств, торговля людьми обладает транснациональным (наднациональным) составом. Зачастую торговля людьми фактически безопасна для сутенеров с точки зрения возможности правового и социального контроля.

«За последние 20 лет стало еще более очевидным, что торговля людьми, рабство, принудительный труд и другие формы эксплуатации являются системными компонентами экономики и рынков во всем мире» [3. – С. 13].

Исследование международной практики противодействия торговле людьми эксперта А. Ястребовой свидетельствует о том, что «современные формы порабощения и торговли людьми определяются следующими явлениями: комплексные проблемы незаконной миграции, главное из которых представляет собой латентность преступных деяний в отношении таких лиц и отсутствие должного иммиграционного контроля; преобладание таких трудовых мигрантов, которые готовы на все ради минимального заработка за рубежом вследствие крайне трудных материальных и социальных условий, зачастую просто нищеты; уязвимое положение женщин и детей, в связи с их зависимостью от семьи и ее традиций» [5. – С. 17].

Вместе с тем росту миграции населения в значительной степени способствует увеличение беспрепятственного проникновения через границы маргинальных масс. Масштабная глобализация открывает границы государств, распространяя на них преступное влияние, размывает различия между схожими преступлениями, стирает преграды между преступной и законной деятельностью в ряде явлений (например, между трудоустройством и трудовой эксплуатацией, принудительными брачными отношениями и сексуальной эксплуатацией и т. п.). Торговля людьми приобретает разнообразные формы в зависимости от социально-экономического (политического) контекста.

Пробелы и коллизии в международном праве также порождают проблемы в межгосударственных отношениях при решении задач, связанных с торговлей людьми. Ряд исследователей и экспертов указывают на неполный перечень в международном праве форм торговли людьми¹, недостаточность международно признанных определений элементов торговли людьми, что свидетельствует об отсутствии единого подхода к этому вопросу [3. – С. 9].

Очевидно, что такая обширная сфера преступной деятельности, как торговля людьми, предполагает борьбу не с отдельными случаями, а с рынком в целом, т. е. необходимо правовое нивелирование спроса и предложения. Кроме того, важно обеспечить международный правозащитный подход.

Одним из распространенных направлений развития рынка торговли людьми является продажа с целью использования частей тела человека. Следует отметить, что этот рынок в последние годы не достиг катастрофических масштабов, во-первых, в силу установления жестких юридических заслонов и активизации правоприменительной практики. Во-вторых, стремительно развивающийся научно-технический прогресс в области биомедицины предлагает другие (гуманистические) пути создания хранилищ «запасных» человеческих органов. В Конвенции о правах человека и биомедицине провозглашено (статья 21): «Тело человека и его части не должны как таковые являться источником получения финансовой выгоды»².

Вместе с тем появившиеся новые информационно-коммуникационные технологии и инновационная техника также способствуют развитию современной преступной торговли людьми. Создание Интернета, глобальной онлайн-инфраструктуры сделало эти новейшие средства важнейшим инструментом для торговцев людьми на всех этапах преступного процесса, начиная с вербовки и заканчивая эксплуатацией.

К новым тенденциям в эволюции преступных действий в сфере торговли людьми относится изменение статуса стран – от происхождения до назначения и транзита торговли людьми. Массовые миграционные потоки, недостаточный таможенный контроль вносят чрезвычайную хаотичность в устоявшиеся системы миграций.

При этом новые тенденции в сфере торговли людьми формируются в связи с обвальной мировой потребностью в дешевой рабочей силе, что способствует переориентации трудовой эксплуатации в преступном сегменте. В этом же контексте прослеживается негативное влияние на феномен торговли людьми фактора сохраняющейся и даже прогрессирующей бедности значительной части населения, социального и расового неравенства, насилия в семьях, участившихся сексуальных домогательств в производственных коллективах (которые ранее считались глубоко личным, не афишируемым, не акцентируемым судебным преследованием явлением).

Преступная область торговли людьми представляет собой специфический рынок, в котором упор делается на экономические и социальные аспекты проблемы и в котором существуют предложение и спрос на дешевый труд (услуги).

¹ URL: online.zakon.kz/Document/?doc_id=1010760

² Конвенция о правах человека и биомедицине // Bioetika: sənədlər, terminlər / red. A. Mustafayeva. 2009. – С. 181.

По-прежнему сохраняется высокий уровень коррупции в институтах правоприменения, что является достаточно серьезным фактором негативного влияния на рычаги и механизмы противодействия преступлениям в сфере торговли людьми.

Ситуация в Азербайджанской Республике

Стремительно и динамично развивающаяся независимая Азербайджанская Республика привержена демократическим ценностям и формирует свое законодательство с ориентацией на имплементацию положений международно-правовых актов. Вместе с тем в эпоху глобализации в республике неизбежно проявляются тенденции в эволюции феномена торговли людьми, схожие с общими тенденциями в мире.

Главные тенденции и достижения последних лет в правоприменительной практике в сфере торговли людьми связаны с развитием международного сотрудничества в этой области, использованием (имплементацией) международных правовых документов в национальном законодательстве, расширением области научных исследований, применением информационно-коммуникационных технологий в судопроизводстве и следственных процессах, противодействием коррупции, борьбой с бедностью, развитием профессионального потенциала специалистов, повышением информационной осведомленности населения.

В 2005 г. в Азербайджанской Республике принят Закон «О борьбе с торговлей людьми» и ряд сопутствующих правовых актов. Уголовный кодекс республики содержит специальные статьи, относящиеся к преступлениям, связанным с торговлей людьми, разработан государственный проект «Повышение потенциала в борьбе с торговлей людьми в Азербайджане». С 2004 г. реализуется Национальный план, в формате которого Азербайджан вносит свой вклад в борьбу с торговлей людьми на международном уровне. В настоящее время правительство готовит предложения для присоединения страны к Конвенции Совета Европы о борьбе с торговлей человеческими органами.

Правовая система, законодательство и правоприменительная практика Азербайджанской Республики в области противодействия торговле людьми адаптированы к международно-правовым документам. Азербайджанское государство исполняет одну из главных своих функций: обеспечивает права на свободу и неприкосновенность личности как основную ценность современного цивилизованного общества.

Научные исследования, касающиеся сферы торговли людьми, нацелены на обеспечение устойчивости мер противодействия ей, совершенствование нормативно-правовой базы и институциональных механизмов, способствуют повышению эффективности взаимодействия государственных органов, негосударственного сектора, регуляции правовых и организационных основ профилактики, защиты жертв торговли людьми, оказания им психологической реабилитации и поддержки, материальной помощи.

Наличие в Азербайджане криминологических исследований и большого количества ратифицированных международных документов в области борьбы с торговлей людьми обуславливает эффективную законотворческую (законодательную) деятельность, целенаправленную правоприменительную практику.

Азербайджанская Республика принимала активное участие в деятельности Рабочей группы по торговле людьми (Вена 27–29 января 2010 г.), которая оказывает поддержку государствам в пресечении всех форм торговли людьми, способствует реализации результатов исследований в правоприменительной практике.

В Азербайджане, обозначившем свою позицию присоединения к международным договорам и объявившем обеспечение прав и свобод каждого человека главным направлением своей государственной политики, организованы образовательные мероприятия, осуществляется совместная межведомственная (межсекторальная) деятельность.

В контексте сотрудничества с институтами гражданского общества и широкого просвещения населения в сфере противодействия торговле людьми автором настоящего исследования проведен социологический обзор и анализ мнений 100 респондентов из разных категорий, который показал достаточно низкий уровень осознания рисков и вызовов, связанных с трафикингом людей. Так, лишь 16% респондентов понимают неотвратимость угроз и необходимость борьбы с преступными проявлениями, а также порождающими их причинами.

По данным статистики Главного управления по борьбе с торговлей людьми, МВД Азербайджанской Республики за последние 12 лет было рассмотрено 1 078 уголовных дел, к ответственности привлечены 486 лиц, была установлена 761 жертва. Из 26 916 уголовных дел в 2015 г. 128 преступлений были связаны с торговлей людьми, что составляет менее 1% от всех преступных деяний, совершенных в течение года.

Свыше 100 преступных группировок привлечены к уголовной ответственности¹. В 2016 г. правительство республики выделило 150,5 манат (88,030 долларов по курсу того времени) на каждую жертву трафика.

В докладе Государственного департамента США «О торговле людьми» за 2009 г. отмечается, что правоохранительные органы Азербайджанской Республики оказывают активное противодействие торговле людьми, правительство в полной мере соблюдает необходимые стандарты по ликвидации торговли людьми и прилагает к этому значительные усилия. Согласно докладу, Азербайджанская Республика демонстрирует активную деятельность по информированию общественности². В феврале 2009 г. правительство приняло Общенациональный план действий по борьбе с торговлей людьми, который включает в себя, в числе прочих мер, проект государственного механизма направления потерпевших в социально поддерживающие службы.

Несмотря на то, что торговля людьми в республике имеет общемировую правовую тенденцию, она обладает определенными национальными особенностями, касающимися общественного отношения к проблеме, особенно в части сексуальной торговли и вовлечения жертв в среду проституции и сутенерства. Как правило, факты нарушения прав человека в этой сфере не афишируются и скрываются, поскольку общественное мнение складывается не в пользу подвергающихся сексуальной эксплуатации девушек, женщин, нередко и детей. Особо следует заметить, что явление торговли людьми противоречит национальной нравственной морали.

Кардинально меняющаяся ситуация в мире, в том числе криминологическая, перенаправляет и перепрофилирует людские потоки, завязанные на преступной торговле. Одни страны превращаются в страны назначения торговли, другие – в страны транзита. Азербайджанская Республика благодаря географическому положению и геополитической роли беспрепятственно волилась в русло людского трафика. Став независимым, Азербайджан обрел границы с государствами с военными конфликтами, неблагоприятной правовой обстановкой (наркооборот, насыщенность оружием). Кроме

того, внутри республики длительное время сохранялась проблема беженцев, трудовой миграции. Очевидно, что мигранты с неурегулированным статусом и беженцы гораздо более уязвимы по отношению к торговле людьми и разного рода эксплуатации.

В соответствии с мнением исследователя А. Юнусова, «карабахский конфликт имел и имеет до сих пор неизбежное следствие незавершенности и «временных» экономических и социальных неурядиц. А главное, все это носило эпизодический характер и потому не привлекло особого внимания. Кроме того, появились новые тенденции – Азербайджан стал частью международной сети трафика» [4. – С. 17].

В 1990-е гг. в республике имела место колоссальная безработица, в городах формировались неофициальные рабские рынки, где собирались безработные мужчины в большинстве своем беженцы и вынужденные переселенцы, готовые на любую работу, в том числе и на торговлю своим телом. Переизбыток внутренней рабочей силы, в том числе женской, повлек за собой перенаправление массовых людских потоков за рубежи страны.

Согласно экспертным оценкам и международным исследованиям, Азербайджан является источником и транзитным пунктом для торговли мужчинами, женщинами и детьми, а также многих других преступных направлений в этой сфере (принудительное попрошайничество, порноуслуги и др.).

Отдельно стоит отметить, что пандемия COVID-19 оказывает значительное негативное влияние на ситуацию с торговлей людьми, поскольку она увеличивает шансы заболеть для потенциальных жертв торговли людьми посредством фактора бедности, безработицы.

Результаты исследования

Настоящее исследование глобальных тенденций и вызовов в сфере торговли людьми показало, что меры, предпринятые мировым правовым сообществом, оказали и продолжают оказывать положительное влияние на ситуацию в мире посредством разработки международных актов и их реализации. Это позволяет эффективно предотвращать и сокращать рост распространения преступной деятельности.

¹ URL: <https://news.day.az/society/905301.html>

² Доклад Государственного департамента США за 2009 г. «О торговле людьми». – URL: http://sartraccc.ru/Traffic/i.php?oper=read_file&filename=scien_rep/0008.htm

Помимо противодействия разнонаправленным проявлениям торговли людьми, нивелированию порождающих их условий, необходимо принимать социально-экономические, правовые, законодательные меры по устранению глубинных причин существования торговли людьми, таких как неравенство в развитии не только индивидов, но и целых стран, высокий спрос на сексуальные услуги и дешевую рабочую силу, привлечение к медицинским экспериментам, фармакологическим исследованиям, трансплантациям и т. п.

Современные глобальные тенденции в сфере торговли людьми проявляются в определенном размытии признаков того или иного действия – преступного или законного. Например, ввоз мигрантов и торговля ими, сексуальная эксплуатация, насильственное принуждение к труду, работа по найму и много других ситуаций из этого ряда имеют достаточно сложную природу правового разбирательства и установления прецедента нарушения закона.

Результаты настоящего исследования свидетельствуют о следующих факторах, негативно воздействующих на реализацию борьбы с торговлей людьми и многочисленными ее проявлениями: сохранившееся с советских времен отсутствие или прозрачность границ большинства стран СНГ; недостаточный уровень миграционного контроля; существование теневого рынка труда; наличие хорошо организованных этнических диаспор и даже сетей по отбору и удержанию потенциально готовых к условиям эксплуатации мигрантов; возможность использовать территорию стран в качестве временной площадки для ожидания последующей переправки, приобретения поддельных документов, формирования групп для скорого отъезда [5. – С. 18].

Усиление в последние десятилетия правозащитных тенденций требует инновационных подходов к выработке международных стандартов, направленных на борьбу с торговлей людьми. Международные эксперты и исследователи сосредоточивают свои усилия на создании межведомственных и межсекторальных связей, органов, координирующих работу по организации более эффективных мер по противодействию торговле людьми (гендерная и миграционная политика, борьба с коррупцией, бедностью и нищетой, бытовым насилием). При этом особое внимание следует уделить развитию нормативно-правовой и законодательной базы, формированию национальной политики, повышению роли исследований и образовательно-просветительного фактора, в том числе учреждению специализированной адвокатуры.

Эффективная политика противодействия торговле людьми включает такие глобальные факторы влияния, как обеспечение необходимого финансирования систем оказания долговременной помощи жертвам, снижение уязвимости жертв и нивелирование условий их вовлечения в «бизнес». Безусловно, на первом плане должно быть повышение эффективности правоприменительной практики, следственного уголовного преследования, профессиональной специализированной подготовки специалистов правоохранительных органов, усиление международного сотрудничества в процессуальном и судебном разрешении случаев торговли людьми.

Являясь посягательством на человеческое достоинство, нарушением прав и свобод человека, провозглашенных Всеобщей декларацией (1948 г.), государственные политики в сфере противодействия торговле людьми, должны строиться на правозащитной основе и реализовываться в интересах жертв.

Список литературы

1. Громов С. В. Торговля людьми и использование рабского труда в контексте международного права // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2007. – № 527.
2. Сакаева О. И. Торговля людьми как самостоятельное проявление международной преступной деятельности // Журнал российского права. – 2013. – № 3 (195).
3. Фомина Т., Ревенко А. Новые тенденции в эволюции феномена торговли людьми в контексте внешних факторов влияния. – Кишинев, 2020.
4. Юнусов А. Демографико-экономические рамки миграции. Пояснительная записка, 2013. – Май.
5. Ястребова А. Пособие по предотвращению торговли людьми для сотрудников консульских учреждений. – СПб., 2009

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2021-3-32-37>

**Критерии давностного владения в условиях реформирования
института приобретательной давности России, Англии,
Гонконга и Австралии**

А. А. Мартынова

аспирантка кафедры гражданского права
Московского государственного юридического университета
имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

Адрес: ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», 125993, Москва, Садовая-Кудринская ул., дом 9.
E-mail: merelery@gmail.com

**Prescription Criteria in Terms of Reforming the Institution
of Acquisitive Prescription Russia, England, Gong Kong and Australia**

A. A. Martynova

Post-Graduate Student of the Department of Civil Law
Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Address: Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Sadovaya-Kudrinskaya Str., 9, Moscow, 125993
E-mail: merelery@gmail.com

Аннотация

Актуальность научных исследований положений института приобретательной давности обусловлена прежде всего планируемой реформой вещного права в России. В то же самое время бесспорна высокая степень разработанности правовой природы приобретательной давности, отдельных ее элементов как в отечественной, так и в зарубежной доктрине гражданского права. Вместе с тем сравнительно-правовых исследований основных элементов института приобретательной давности неродственных правовых систем до настоящего времени проведено не было. Автором рассмотрены актуальные вопросы определения содержания критериев давностного владения исходя из предмета доказывания по спорам о приобретении права собственности на недвижимость в порядке приобретательной давности в России, Англии, Гонконге и Австралии. В представленной статье исследуются элементы института приобретательной давности в континентальной и англо-американской правовых семьях на основе сравнительно-правового анализа проведенной английской реформы и предполагаемых изменений в вещном праве России, Гонконга и Австралии. Сформулированы выводы о содержании критериев давностного владения в рассматриваемых юрисдикциях. В заключение автор делает вывод о недостаточной продуманности отмены критерия добросовестности давностного владения.

Ключевые слова: реформа вещного права, приобретательная давность, давностное владение, прецедентное право, критерии приобретательной давности.

Annotation

The relevance of scientific researches of the provisions of the institute of acquisition prescription is primarily due to the planned reform of the Property law in Russia. At the same time, there is an indisputable high degree of elaboration of the legal nature of the acquisition prescription, its individual elements in both domestic and foreign doctrine of civil law. However comparative legal studies of the main elements of the institute of the acquisition prescription of unrelated legal systems have not been conducted to date. The author considers the most actual issues of determining the content of the prescription ownership criteria based on the subject of evidence in disputes over the acquisition of ownership of real estate in the order of acquisitive prescription in Russia, England, Hong Kong and Australia. In the present article, a study of the elements of the institution of acquisitive prescription in the continental and Anglo-American legal families is carried out on the basis of a comparative legal analysis of the already carried out English reform and the alleged changes in the real law of Russia, Hong Kong and Australia. Conclusions are

formulated about the content of the prescription ownership criteria in the jurisdictions under consideration. In conclusion, the author formulates that the cancellation of the good faith criteria of the prescription ownership is not sufficiently thought out.

Keywords: property law reform, prescription, prescription, case law, prescription criteria.

Вопрос о содержании элементов института приобретательной давности как в науке гражданского права, так и в правоприменительной плоскости относится к числу дискуссионных. В свете предстоящих изменений положений российского института приобретательной давности, направленных на сокращение необходимых элементов давностного владения, проблема об определении их содержания становится все более актуальной.

К рассмотрению спорных положений института приобретательной давности обращались такие известные отечественные цивилисты, как А. Д. Рудковас [3], К. И. Скловский [4], Р. С. Бевзенко [2], В. А. Багаев [1]. Вместе с тем сравнительно-правовых исследований основных элементов института приобретательной давности неродственных правовых систем до настоящего времени проведено не было. Принимая во внимание зарубежный опыт уже реализованных изменений в Англии (The Land Registration Act 2002), а также только готовящихся преобразований положений института приобретательной давности в Гонконге и Австралии (Public consultation paper on adverse possession, Model guidelines for a Harmonious System of Torrens Title) настоящее правовое исследование позволит глубже рассмотреть концепцию реформы института приобретательной давности в России, изложенную в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации¹, Концепции развития законодательства о вещном праве² и Проекте Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³.

В процессе исследования рассмотрены спорные вопросы установления содержания элемен-

тов института приобретательной давности, которые представляют собой предмет доказывания по делам о признании права собственности в порядке приобретательной давности в России, Англии, Гонконге и Австралии.

В этом контексте, безусловно, стоит отметить значение прецедентного права в англо-американской правовой системе.

При этом при рассмотрении специфики английских споров необходимо разграничить давностное владение относительно объектов недвижимости с зарегистрированными и незарегистрированными правами. В случае, если имеется зарегистрированный собственник вещи, то действует модель «10 + 2»: давностное владение в течение 10 лет, подача заявления, направление уведомления о подаче заявления зарегистрированному собственнику (paper owner), возражения от собственника в течение 2 последующих лет (подача иска) и продолжение давностного владения сквоттером, регистрация сквоттера в качестве нового собственника. Однако имеются исключения для безусловной регистрации давностного владельца, которые действуют даже в случае наличия поданных возражений от собственника. Для незарегистрированной недвижимости применяется старая процедура – осуществление давностного владения в течение 12 лет и получение права собственности без регистрации.

Таким образом, главным элементом, подлежащим доказыванию по английским делам о приобретении права собственности в порядке приобретательной давности, является владение. Отдельные характеристики правовой категории «владение» раскрываются именно в конкретных решениях судов. Так, одним из ключевых по рассматриваемой категории споров является решение по делу *Mulcahy v Curramore Pty Ltd 1974*, которое

¹ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. – URL: <http://privlaw.ru/sovetskodifikacii/conceptions/konceptsiya1/> (дата обращения 10.12.2020).

² Концепции развития законодательства о вещном праве. – URL: <http://privlaw.ru/sovetskodifikacii/conceptions/konceptsiya5/> (дата обращения 10.12.2020).

³ Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса РФ, а также в отдельные законодательные акты РФ» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 19. – Ст. 2314.

утвердило следующие признаки давностного владения – открытость (владелец не скрывает факта нахождения имущества у себя), бесконфликтность (ненасильственность) владения, отсутствие согласия собственника [9]. Характеристика фактической стороны владения содержится в решении по делу *Powell v McFarlane* 1979. В этом случае важно показать достаточную степень сохранения физического контроля над недвижимостью. Также указанное решение подтверждает необходимость доказательства намерения обладать землей¹.

Окончательно разрешило споры относительно предмета доказывания при рассмотрении вопроса о приобретении права собственности на основании права приобретательной давности решение палаты лордов по делу *JA Pye (Oxford) Ltd v Graham* 2003. Данное решение указало на необходимость доказывания юридической стороны владения (*animus possidendi*), а именно намерение отстранить от владения всех лиц, включая настоящего собственника².

Согласно действующему Закону о приобретательной давности, в Гонконге для того, чтобы предъявить иск о признании права собственности в порядке приобретательной давности, сквоттер должен доказать наличие следующих элементов:

1) осуществление владения земельным участком;

2) владение должно быть давностным;

3) владение продолжается в течение установленного законом срока. Что касается элемента владения, то сквоттер должен доказать осуществление фактического физического владения землей и наличие намерения обладать землей (*intention to possess*) [6].

В Гонконге аналогичными по значимости по рассматриваемой категории споров стали решения по делам *Wong Tak Yue v Kung Kwok Wai David* 1998, *Hong Kong Buddhist Association v Cheung Ka Leung Michael* 2007.

Решением по делу *Hong Kong Buddhist Association v Cheung Ka Leung Michael* 2007 установлено, что для доказательства такого элемента приобретательной давности, как намерение владеть (*intention to possess*), осуществления дей-

ствия смены замка в двери спорной недвижимости недостаточно³. Кроме того, указанное решение подтвердило конституционное соответствие положений доктрины приобретательной давности.

В целом содержание характеристик владения – фактический физический контроль над вещью (*factual possession*) и намерение обладать (*intention to possess*) – в английской и гонконгской судебной практике совпадает; решения по делам *Wong Tak Yue v Kung Kwok Wai David* 1998, *Chu Kwok Wai v Tang Wing Tung Anthony* 2013 and *Lam Kin Chun v Lin Xiumei* 2011 подтверждают указанный вывод.

Стоит отметить, что между английским и гонконгским законодательством существует разница в отношении заявления о предполагаемой готовности платить арендную плату или лицензионный сбор, если это требуется. В деле *Wong Tak Yue v Kung Kwok Wai David* 1998 приобретатель был готов платить арендную плату собственнику земли, если бы подобное требование имелось. Апелляционный суд Гонконга постановил, что приобретатель может не выиграть иск о приобретении права собственности в порядке приобретательной давности в Гонконге, поскольку его готовность платить арендную плату указывает на то, что он не намерен отстранить от владения настоящего собственника земельного участка, и поэтому не имеет намерения владеть им, что является решающим элементом приобретательной давности в Гонконге⁴. Однако с 2002 г. наблюдается расхождение между позициями Англии и Гонконга. В английском деле *JA Pye (Oxford) Ltd v Graham* 2003 палата лордов постановила, что до тех пор, пока приобретатель сохраняет владение землей, факт готовности платить арендную плату, если его об этом попросят не имеет значения [6]. Тем не менее по вопросу о готовности платить арендную плату, в соответствии с доктриной *stare decisis*, нижестоящие суды Гонконга связаны решением Апелляционного суда Гонконга по делу *Wong Tak Yue v Kung Kwok Wai David*.

Ввиду того, что население австралийских колоний состояло из переселенцев из Англии, на их территории были переняты большинство положе-

¹ *Powell v McFarlane* [1979]. – URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=63071095-8fbb-4a2c-8e9a-a38febb0e728> (дата обращения: 19.12.2020).

² *JA Pye v Graham* [2003]. – URL: <https://publications.parliament.uk/pa/ld200102/ldjudgmt/jd020704/graham-1.htm> (дата обращения: 19.12.2020).

³ *Hong Kong Buddhist Association v Occupiers & Another*, [2006] HKEC 1693.

⁴ *Wong Tak Yue v Kung Kwok Wai David*. – URL: <https://hklandlaw.wordpress.com/2010/11/02/willingness-to-pay-rent-is-fatal-to-adverse-possession/> (дата обращения 19.12.2020).

ний общего права Англии по отношению к поселенцам (но не к коренному населению). При этом важно помнить о такой особенности австралийского правового регулирования, как различия по штатам в отношении взаимосвязи доктрины приобретательной давности и регистрационной системы титулов Торренса. Однако равным образом по рассматриваемой категории споров требуется доказательство обеих сторон правовой категории владения (намерение владеть и фактическое владение), что подтверждается решениями по делам *Harnett v Green* 1883, *Riley v Penttila* 1974, *Mulcahy v Curramore Pty Ltd* 1974, *Quach v Marrickville Municipal Council* 1990, *Guggenheimer v Registrar of Titles* 2002, *Kierford Ridge Pty Ltd v Ward* 2005 [5]. Стоит обратить внимание на более строгое правовое регулирование в штате Тасмания, где доктрина приобретательной давности не имеет ограничений в применении относительно зарегистрированной и незарегистрированной недвижимости. При этом сами критерии давностного владения изложены непосредственно в Законе о земельных титулах 1980 (the Land Titles Act 1980 (Tas):

1) осуществление владения как будто владелец обладает соответствующим правом (а не намерением);

2) имеется ли основание полагать, что в течение срока приобретательной давности владение было насильственным или тайным, либо осуществлялось на основании соглашения сторон;

3) юридическая природа и период владения;

4) были ли произведены улучшения при осуществлении владения (когда и кем они были произведены);

5) было ли осуществлено обособление земельного участка;

6) были ли произведены арендные либо иные платежи в отношении недвижимости;

7) свидетельские показания в поддержку заявления давностного владельца от незаинтересованного лица¹.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что перечисленные критерии практически не затрагивают содержания правового элемента владения – *animus possidendi*. При этом осуществлен-

ные улучшения недвижимости и показания незаинтересованного лица добавляются в качестве необходимых элементов при доказательстве признаков давностного владения. Что касается уплаты платежей в отношении недвижимости имеются две особенности, а именно:

1) исключение из периода давностного владения периодов, в которые производилась уплата налога собственником;

2) вышеуказанное правило не применяется, если будет представлено письменное доказательство о неясности относительно того, кем именно уплачен налог².

Австралийские ученые отмечают, что такое необычное правило было закреплено после решения по делу *Woodward v Wesley Hazell Pty Ltd* 1994, по которому суд пришел к выводу о том, что факт уплаты налога собственником в течение всего периода давностного владения не имеет правового значения, если остальные критерии согласно доктрине общего права соблюдены [6].

Таким образом, несмотря на принадлежность Англии, Гонконга и Австралии к одной правовой семье, а также исторический аспект в развитии данных территорий, имеются довольно существенные отличия в предметах доказывания по делам о приобретении права собственности по давности владения. Элементом, который практически не находит отличий в содержании в рассматриваемых юрисдикциях, является сам факт владения (фактическое обладание вещью, соединенное с намерением относиться к ней как к своей).

Обращаясь к предмету доказывания по российским делам о приобретении права собственности в порядке приобретательной давности, необходимо отметить, что критерии изложены в статье 234 Гражданского кодекса Российской Федерации: «Лицо – гражданин или юридическое лицо, – не являющееся собственником имущества, но добросовестно, открыто и непрерывно владеющее как своим собственным недвижимым имуществом, если иные срок и условия приобретения не предусмотрены настоящей статьей, в течение пятнадцати лет либо иным имуществом в течение пяти лет, приобретает право собственности на это имущество (приобретательная давность)»³.

¹ Section 138V of the Land Titles Act 1980 (Tas). – URL: <https://www.legislation.tas.gov.au/view/html/inforce/current/act-1980-019#GS138V@EN> (дата обращения 17.12.2020).

² Там же.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 8 декабря 2020 г.). – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 14.12.2020).

При этом содержание критериев давностного владения отражено в пункте 15 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации № 10, Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав». Исходя из анализа судебной практики по делам рассматриваемой категории суды в целом не отходят от разъяснений указанного совместного Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации № 10/22, однако к единообразию прийти так и не удалось.

Так, судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации в ряде случаев (по делам В. А. Сердюка (2015 г.), А. В. Комар (2019 г.), Н. Б. Захаркиной (2019 г.) оперирует следующей формулировкой по отношению к установлению содержания критерия добросовестности давностного владения: «Наличие титульного собственника само по себе не исключает возможность приобретения права собственности другим лицом в силу приобретательной давности»¹. Указанная формулировка свидетельствует об отходе от строгого подхода к пониманию критерия добросовестности давностного владения и расширению его содержания. Также зачастую в судебных постановлениях не даются полные интерпретации критериев приобретательной давности. В частности, в судебном постановлении по делу Н. Б. Захаркиной² Московский областной суд, ссылаясь на пункт 15 упомянутого выше Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации № 10/22, полностью воспроизводит текст Определения судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации от 22 октября 2019 г.³, не добавляя авторской мотивировки относительно установления содержания спорного в данном деле критерия добросовестности.

Вместе с тем в статье 242 Проекта федерального закона № 47538-6 о критериях приобретательной давности предлагается закрепить следующее: «Лицо, не являющееся собственником вещи, но открыто и непрерывно владеющее как своей собственной недвижимой вещью в течение пятнадцати лет либо движимой вещью в течение пяти лет, приобретает право собственности на эту вещь (приобретательная давность)»⁴.

Здесь может показаться, что стоит высказать предположение о возможности гармонизации рассматриваемых правовых конструкций ввиду отмены реквизита добросовестности. Однако данное предположение поспешно по крайней мере ввиду того, что отсутствие критерия добросовестности давностного владения в юрисдикциях Англии, Гонконга и Австралии не означает достаточности критериев открытости и непрерывности владения (выше были изложены дополнительные критерии прецедентного права). В Российской Федерации вместе с отменой реквизита добросовестности речь не идет о появлении новых критериев, которые однозначно бы свидетельствовали об установлении действительного владения по давности. На наш взгляд, упразднение критерия добросовестности в российском институте приобретательной давности приведет к несправедливой легитимизации самозахватов недвижимого имущества, для возникновения права собственности на которое будет достаточно истечения определенного промежутка времени. Полагаем, что это также свидетельствует о недостаточной продуманности отмены критерия добросовестности давностного владения.

Таким образом, рассмотрев правовые конструкции приобретательной давности в России, Англии, Гонконге и Австралии, а также изучив зарубежный опыт реализованной английской реформы и готовящихся реформ в России, Гонконге и Австралии, можно сформулировать следующие выводы:

1) несмотря на принадлежность одной правовой семье содержание элементов института приобретательной давности в рассматриваемых

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 сентября 2019 г. № 78-КГ19-29. – URL: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.12.2020).

² Апелляционное определение Московского областного суда от 2 декабря 2019 г. по делу № 33-37021/2019. – URL: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.12.2020).

³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 октября

2019 г. № 4-КГ19-55, 2-598/2018. – URL: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.12.2020).

⁴ Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 19. – Ст. 2314.

юрисдикциях (Гонконг, Англия и Австралия) обладает своими особенностями;

2) установлено сходство содержания характеристики открытости владения в рассматриваемых юрисдикциях;

3) отмечена непродуманность предложения об отмене критерия добросовестности давностного владения.

Список литературы

1. Багаев В. А. Значение добросовестности владения для приобретательной давности // Закон. – 2013. – № 12. – С. 163–174.
2. Бевзенко Р. С. Защита добросовестно приобретенного владения в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2002.
3. Рудоквас А. Д. Спорные вопросы учения о приобретательной давности : монография. – М. : Издательская группа «ЗАКОН», 2011.
4. Скловский К. И. Отношения собственника с незаконным владельцем и приобретательная давность // Хозяйство и право. – 2001. – № 5.
5. Burns F. Adverse Possession and Title-by-Registration Systems in Australia and England // Melbourne University Law Review 773. – 2011. – N 35 (3).
6. Chen L. Whither Adverse Possession in Hong Kong? A comparative and statistical study // Conveyancer and Property Lawyer. – 2014. – Issue 5. – P. 413–429.
7. Dixon M. J. Adverse Possession in Three Jurisdictions // Conveyancer & Property Lawyer. – 2006, March/April.
8. Lokan A. From Recognition to Reconciliation: the Functions of Aboriginal Rights Law // Melbourne University Law Review Association Inc.; 1999.
9. Mulcahy v Curramore Property Ltd. Squatting in Residential Buildings and Adverse Possession // L. & T. Review. – 2020. – N 24 (2). – P. 46-49.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2021-3-38-44>

Современная экономическая система КНР в фокусе китайского языка для специальных целей

О. Р. Очиров

кандидат культурологии, доцент, начальник отдела УМД, доцент кафедры иностранных языков № 3,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова;
приглашенный доцент Школы востоковедения факультета мировой экономики
и мировой политики НИУ ВШЭ.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова», 117997, Москва, Стремянный пер., д. 36;
Научно-исследовательский университет
«Высшая школа экономики», 101000, Москва, Мясницкая, д. 20
E-mail: Otchirovossor@mail.ru

К. К. Васильева

доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник НИЦ-2 НИИ ФСИН.
Адрес: ФКУ «Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний»,
125130, Москва, ул. Нарвская, 15А, стр.1.
E-mail: klavdiya5@yandex.ru

The Modern Economic System of the People's Republic of China in the Focus of the Chinese Language for Special Purposes

O. R. Ochirov

PhD (Cultural Studies), Head of the Department for International Development,
Associate Professor of the Academic Department
of Foreign Languages № 3,
Associate Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE;
Visiting scholar of the School of Asian Studies
of the Faculty of World Economy and International Affairs of the Higher School of Economics.
Address: Plekhanov Russian University of Economics (PRUE), 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation;
National Research University Higher School of Economics (HSE),
20 Myasnitskaya St., Moscow, 10100, Russian Federation
E-mail: Otchirovossor@mail.ru

K. K. Vasilyeva

Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service
of the Russian Federation.
Address: Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
Bld. 1 15A Narvskaya St., Moscow, 125130, Russian Federation.
E-mail: klavdiya5@yandex.ru

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы становления и развития современного китайского языка для специальных целей, который формировался в ходе комплексной реформы экономической системы КНР. Рассматриваются особенности развития экономической терминологии рыночной экономики в диахроническом плане.

Язык рыночной экономики современного китайского языка объективируется в китайской экономике и функционирует на уровне близком к понятийному, в него привносятся коррективы, продуцированные спецификой собственно китайской экономики. Все это нашло отражение в китайском языке и способствовало интенсивному росту специальной лексики. В статье проанализированы аутентичные источники на китайском языке и китайские экономические термины «专用语言» *zhuānyòng yǔyán* «чжуаньюн ю'янь», «专门用途语言» *zhuānmén yòngtù yǔyán* «чжуаньюн юнту ю'янь», «专用目的语言» *zhuānyòng mùdì yǔyán* «чжуаньюн муди ю'янь», «社会主义市场经济专用目的语言» *shèhuìzhǔyì shìchǎng jīngjì zhuānyòng mùdì yǔyán* «шэхуйчжу'и шичан цзинцзи чжуаньюн муди ю'янь». В статье использованы практики применения названий китайских терминов в иероглифике, в русской и китайской транскрипциях.

Ключевые слова: термин, китайская терминология, язык для специальных целей, language for special purposes, социалистическая рыночная экономика, современный китайский язык, китайские экономические термины «专用语言» *zhuānyòng yǔyán* «чжуаньюн ю'янь» «специальный язык», «专门用途语言» *zhuānmén yòngtù yǔyán* «чжуаньюн юнту ю'янь» «язык для специального использования», «专用目的语言» *zhuānyòng mùdì yǔyán* «чжуаньюн муди ю'янь» «язык для специальных целей», «社会主义市场经济专用目的语言» *shèhuìzhǔyì shìchǎng jīngjì zhuānyòng mùdì yǔyán* «шэхуйчжу'и шичан цзинцзи чжуаньюн муди ю'янь».

Abstract

The article examines the issues of the formation and development of the language for special purposes of the modern Chinese language, which was formed in the course of the comprehensive reform of the economic system of the PRC. The features of the development of the economic terminology of the market economy in the diachronic sense are considered. The language of the market economy of the modern Chinese language is objectified in the Chinese economy and functions at a level close to the conceptual one; adjustments are made to it, produced by the specifics of the Chinese economy itself. All this was reflected in the Chinese language and contributed to the intensive growth of special vocabulary in the NKL. The article analyzes authentic Chinese sources and Chinese economic terms «专用语言» *zhuānyòng yǔyán* «zhuanyun yu'yan», «专门用途语言» *zhuānmén yòngtù yǔyán* «zhuanyun yuntu yu'yan», «专用目的语言» *zhuānyòng mùdì yǔyán* «zhuanyun mundi yu'yan», «社会主义市场经济专用目的语言» *shèhuìzhǔyì shìchǎng jīngjì zhuānyòng mùdì yǔyán* «shehuizhu'i shichang jingji zhuanyun mui yu'yan». In the article, we will adhere to the practice of using the names of Chinese terms in hieroglyphics, in Russian and Chinese transcriptions.

Keywords: term, Chinese terminology, language for special purposes, language for special purposes, socialist market economy, modern Chinese language, NJC, Chinese economic terms «专用语言» *zhuānyòng yǔyán* «zhuanyun yu'yan» «special language», «专门用途语言» *zhuānmén yòngtù yǔyán* «zhuanyun yuntu yu'yan» «language for special use», «专用目的语言» *zhuānyòng mùdì yǔyán* «zhuanyun mundi yu'yan» «language for special purposes», «社会主义市场经济语言» *shèhuìzhǔyì shìchǎng jīngjì zhuānyòng mùdì yǔyán* «shehuizhu'i shichang jingji zhuanyun mui yu'yan».

Отечественные исследователи, проанализировав специфику экономической системы КНР, представляют ее как «...неоднородную картину в связи с существованием в рамках социалистического способа производства различных общественно-экономических укладов: социалистического, государственно-капиталистического, капиталистического мелкотоварного и различных смешанных форм, которые в целом сформировали новую экономическую систему «социализма с китайской спецификой», или «открытого социализма», ...позволяющую в условиях открытого

рынка успешно конкурировать с режимом транснациональных корпораций и развитыми странами, благодаря соединению рыночных механизмов и государственного макрорегулирования, когда сила общественных корпораций оказывается соединенной с силой социалистического государства» [12. – С. 9].

Отправным пунктом комплексной реформы экономической системы стал 3-й пленум ЦК КПК XI созыва, состоявшийся в декабре 1978 г., на котором китайское руководство приняло важное решение об изменении экономической политики,

опирающейся на сверхцентрализованное государственное планирование, командно-административную систему, на формирование рыночной экономики с сохранением преимуществ прежней социалистической системы, а также на проведение политики реформ и открытости [4. – С. 78–80].

Китайская наука является одной из древних в мире, ее обширный категориально-понятийный аппарат применяется учеными разных стран, прописывается в транскрибированном виде, который отображает аутентичный звуковой комплекс слова. Практика применения китайских терминов в транскрибированном виде позволяет сохранить их аутентичность, этимологию, ввести аутентичные китайские термины в научный оборот. В статье используется практика применения названий китайских терминов в иероглифике, в русской и китайской транскрипциях. Авторами проведен анализ аутентичных источников и экономических терминов, а также выполнен их перевод на китайский язык: «专用语言» *zhuānyòng yǔyán* «чжуаньюн ю'янь», «专门用途语言» *zhuānmén yòngtù yǔyán* «чжуаньюн юнту ю'янь», «专用目的语言» *zhuānyòng mùdì yǔyán* «чжуаньюн муди ю'янь», «社会主义市场经济专用目的语言» *shèhuìzhǔyì shìchǎng jīngjì zhuānyòng mùdì yǔyán* «шэхуйчжуй шичан цзинцзи чжуаньюн муди ю'янь».

При переходе к рыночной экономике в КНР была выработана своя теория социалистической рыночной экономики «社会主义市场经济» *shèhuìzhǔyì shìchǎng jīngjì* «шэхуйчжуй шичан цзинцзи» [8. – С. 898], пересмотрена прежняя концепция плановой экономики и проанализированы базовые основы теории рыночной экономики. Реформы постепенно изменили характер экономических отношений, ускорили темпы развития экономики и, соответственно, привели к изменению языка, обслуживающего эту сферу. В связи с этим необходимо было создать терминосистему китайской рыночной экономики для выработки современного китайского языка (СКЯ) для специальных целей и теоретического и практического осмысления терминотворческих проблем. Проблема теории экономического терминообразования обусловлена кардинальными социально-экономическими преобразованиями со-

временного китайского общества, которые в течение последних тридцати лет способствовали появлению новых терминов рыночной экономики в языке для специальных целей (ЯСЦ) [5. – С. 116–125].

Исследование языка для специальных целей «专用目的语言» *zhuānyòng mùdì yǔyán* «чжуаньюн муди ю'янь» относится к актуальному и перспективному направлению современного мирового терминоведения в целом. Авторы предлагают использовать данный термин в транскрибированном виде «专用目的语言» *zhuānyòng mùdì yǔyán* «чжуаньюн муди ю'янь». В научных спорах все чаще звучит словосочетание «язык для специальных целей», наблюдается высокая частотность применения этого термина и его интернационального эквивалента на английском языке *language for special purposes* (LSP). Наряду с номинацией LSP применяется близкая по смыслу номинация «профессиональный язык» (или «профессиональный подязык») [10. – С. 3]. В китайском же языке используется номинация

«专用语言» *zhuānyòng yǔyán* «чжуаньюн ю'янь» «специальный язык», или «专门用途语言» *zhuānmén yòngtù yǔyán* «чжуаньюн юнту ю'янь» «язык для специального использования» [11. – С. 14] или «专用目的语言» *zhuānyòng mùdì yǔyán* «чжуаньюн муди ю'янь» «язык для специальных целей» [9. – 23]. В статье авторы использовали русскую аббревиатуру ЯСЦ исходя из соображений удобства.

Анализ исследовательской литературы показывает, что ЯСЦ остается объектом пристального внимания не только собственно терминоведения, но и других смежных с ним научных дисциплин. Семантический анализ экономических терминов и их коннотации позволяют рассмотреть разные аспекты деловой культуры Китая [6. – С. 101–105]. К. Я. Авербух исследует проблему соотношения общелитературного языка и языка для специальных целей [1. – С. 3–252].

В исследованиях А. И. Комаровой термин «язык для специальных целей» – это «особая разновидность языка, которая характеризуется выраженными категориальными, понятийными и языковыми свойствами. Термин ЯСЦ применяется для обозначения той разновидности языка, которая обладает определенной понятийной

ориентацией (т. е. используется для общения на ту или иную специальную тему) и характеризуется рядом языковых свойств, в известной мере ограничивающих и уточняющих нормы бытового общения. Данное определение подчеркивает специфичность языка для специальных целей, которая вытекает из особенностей профессиональной понятийной системы. Являясь одной из подсистем национального языка, язык для специальных целей обеспечивает профессиональное общение людей в научной и производственно-технической сфере, имея при этом письменную и устную формы...» [3; 12. – С. 42].

В ЯСЦ современного китайского языка «现代汉语专用目的语言» xiàndài hànyǔ zhuānyòng mùdì yǔyán «сяньдай ханьюй чжуаньюн муди ю'янь» актуальна и проблема многоаспектности, которая отмечается многими отечественными и зарубежными исследователями в других языках. Например, в ЯСЦ рыночной экономики современного китайского языка (СКЯ) также можно выделить вполне самостоятельные терминосистемы, такие как «макроэкономика» «宏观经济» hóngguān jīngjì «хунгуань цзинцзи», «микроэкономика» «微观经济» wēiguān jīngjì «вэйгуань цзинцзи», «фондовый рынок» «股票市场» gǔpiào shìchǎng «гупяо шичан», «маркетинг» «营销» yíngxiāo «инсяо», «менеджмент» «管理» guǎnlǐ «гуаньли» и т. д. Несмотря на то, что эти терминосистемы могут выступать как самостоятельные, объединяющим их в одно единое системное образование фактором, будет язык экономики и его разновидность – язык рыночной экономики.

С точки зрения теории терминоведения большой интерес представляют особенности развития экономической терминологии рыночной экономики в диахроническом плане. Тенденции развития ЯСЦ СКЯ «现代汉语专用目的语言» xiàndài hànyǔ zhuānyòng mùdì yǔyán «сяньдай ханьюй чжуаньюн муди ю'янь» обусловлены спецификой экономической политики китайских властей, выразившейся в сохранении созданного ранее социально-экономического потенциала страны в строгой последовательности проводимых реформ на пути движения к рынку, в повышении жизненного уровня народа и сохранении

контроля Компартией Китая на всех этапах, проводимых реформ.

На примере современного китайского языка представляется интересным рассмотреть тенденции в развитии ЯСЦ современного китайского языка. Образование и формирование новых понятий, терминов осуществлялось вследствие экономических и социальных нововведений как в плоскости топографии (местности), так и во времени.

Процесс возникновения и формирования ЯСЦ рыночной экономики современного китайского языка состоит из трех последующих основных периодов, которые отражают особенности его становления и развития.

Особенность экономических реформ в Китае проявилась в том, что они начались сначала в деревне, а затем в городе. В 1978 г. на пленуме было принято решение о переходе китайской деревни на систему семейного (подворового) подряда «家庭联产承包责任制» jiāting liánchǎn chéngbāo zérénzhì «цзятин лянчань чэнбао цзэжэньчжи». В результате экономическая лексика пополнилась рядом новых специальных слов и терминов, отражающих возникшие новые реалии. Начальный этап реформ (декабрь 1978 г. – сентябрь 1984 г.) [4. – С. 38–39] проводился под лозунгом «плановая экономика – основа, рыночное регулирование – дополнение». В китайском словаре дается толкование данному терминологическому словосочетанию «计划经济为主 市场调节为辅» «цзихуа цзинцзи вэй чжу, шичан тяоцзе вэй фу» jìhuà jīngjì wèi zhǔ shìchǎng tiáojié wèi fǔ [8. – С. 488].

В исследованиях реформ того периода отмечается факт их нацеленности на деревню. Вместе с тем реформировалась и хозяйственная деятельность предприятий, открывались специальные экономические зоны. Экономическая терминология современного китайского языка пополняется новой лексикой: «经济特别开发区» jīngjì tèbié kāifāqū «цзинцзи тэбе кайфацуй», «经济特区» jīngjì tèqū. «цзинцзи тэцуй». В сельском хозяйстве вводится семейный подряд. Соответственно в ЯСЦ СКЯ были сформулированы новые понятия: «двухуровневая система хозяйствования в деревне», основу которой заложил семейный подряд; «рынок сельскохозяйственной продукции», «урбанизация и индустриализация

села», «модернизация сельского хозяйства посредством развития его специализации» и др.

Первый этап реформ заложил основы многоукладной экономики («经济多元化» jīngjì duōyuánhuà «цзинцзи доюаньхуа»), начал формироваться рынок средств производства, рынок недвижимости и ценных бумаг.

С октября 1984 г. по декабрь 1991 г. центр тяжести реформ, по словам Ли Теина, переместился из деревни в город. Лозунгом этого этапа реформ стала «плановая товарная экономика», и закрепляется термин «计划货物经济» jìhuà huòwù jīngjì «цзихуа хо'у цзинцзи». При этом реформе цен уделялось повышенное внимание. Существенной особенностью второго этапа явилось то, что для эффективности экономических реформ необходимо было обеспечить теоретическую и методологическую основу экономических и социальных преобразований. Экономические реформы распространились на социальную сферу, науку, технику, образование и т. д. Все это отразилось в языке и дальнейшем развитии ЯСЦ рыночной экономики. Для дальнейшего развития и формирования ЯСЦ рыночной экономики немаловажным фактором стала теория реформы рыночной системы, в которой факторы производства (капитал, рабочая сила, информация), как и средства производства, признавались в качестве товара и имели свою цену.

ЯСЦ «专用目的语言» zhuānyòng mùdì yǔyán «чжуаньюн муди ю'янь» пополняется новыми понятиями и терминами: 技术市场 jìshù shìchǎng «рынок технологий», 资本市场 zīběn shìchǎng «рынок капитала», 劳务市场 láowù shìchǎng «рынок рабочей силы» и др. В результате реформы системы ценообразования появляются новые для ЯСЦ рыночной экономики понятия, связанные с сочетанием плановой и рыночной экономик [4. – С. 38–39].

Период с 1992 по 2000 г. характеризуется дальнейшим развитием социалистической рыночной экономики. Этот этап получил название «социалистическая рыночная экономика» «社会主义市场经济» shèhuìzhǔyì shìchǎng jīngjì «шэхуйчжу'и шичан цзинцзи». В управлении государственными предприятиями совершается переход к современным рыночным формам управления. Соответственно, в ЯСЦ «专用目的

语言» zhuānyòng mùdì yǔyán «чжуаньюн муди ю'янь» появляется новая специальная лексика, которая отражает изменения в системе менеджмента компаний, а также новые термины и понятия, такие как «аренда», «продажа», «подряд», «слияние» и т. д.

В теории социалистической рыночной экономики важное место занимают реформы системы макроэкономического контроля. По мнению китайских исследователей, «цели реформы системы макроконтроля заключаются в построении системы макроконтроля, отвечающей требованиям рынка и осуществляемой в основном за счет экономических рычагов» [4. – С. 28–29].

В становлении и развитии ЯСЦ социалистической рыночной экономики в современном китайском языке («社会主义市场经济专用目的语言» shèhuìzhǔyì shìchǎng jīngjì zhuānyòng mùdì yǔyán «шэхуйчжу'и шичан цзинцзи чжуаньюн муди ю'янь») важную роль сыграли заимствования из английского языка как языка международного профессионального общения. В ходе межкультурного взаимодействия также произошли заимствования из японского языка [2. – С. 1–179]. В настоящее время выявить различия в указанных заимствованиях весьма непросто. Для того чтобы выявить, например, так называемые обратные заимствования из японского языка необходимо произвести специальное исследование. Это справедливо не только в отношении ЯСЦ рыночной экономики, но и ЯСЦ в других предметных областях. Специфика ЯСЦ современного китайского языка «现代汉语专用目的语言» xiàndài hànyǔ zhuānyòng mùdì yǔyán «сяньдай ханьюй чжуаньюн муди ю'янь» заключается в том, что необходимо обеспечить адекватный перевод терминов на китайский язык, которые были бы приняты на понятийном уровне и послужили бы основой для построения соответствующих терминосистем.

Изучение ЯСЦ современного китайского языка «现代汉语专用目的语言» xiàndài hànyǔ zhuānyòng mùdì yǔyán «сяньдай ханьюй чжуаньюн муди ю'янь» сопряжено с особенностями философии культуры и языка. В силу объективных социокультурных факторов и причин язык рыночной экономики, привнесенный извне, например, английский, объективируется в китайской экономике,

т. е. язык начинает функционировать, условно говоря, на уровне близком к понятийному. Вместе с тем в него привносятся коррективы, продуцированные спецификой собственно китайской экономики. Ли Теин справедливо отмечает, что реформы в КНР сочетают плановую экономику с рыночной, что приводит к улучшению жизни китайского народа [4. – С. 44–45].

В результате проводимых в КНР реформ направленно формировались в ЯСЦ современного китайского языка и основы правовой системы рыночной экономики, ее нормативные положения и законы. Все это способствовало укреплению правового сознания, созданию нормативной рыночной экономики, интеграции китайской экономики в мировую. Соответственно, на основе перечисленных выше факторов формировалась специальная лексика в СКЯ. Перспективы развития экономики Китая ставят задачу рационализации и упорядочения специальной лексики. За последние тридцать лет в экономике Китая произошла смена одной экономической системы на другую, что привело к изменению значения экономических терминов и появлению новых терминов. ЯСЦ «专用目的语言» *zhuānyòng mùdì yǔyán* «чжуаньюн муди ю'янь» повторяет тенденции развития национальной экономики. Становление ЯСЦ современного китайского языка «现代汉语专用目的语言» *xiàndài hànyǔ zhuānyòng mùdì yǔyán* «сяньдай ханьюй чжуаньюн муди ю'янь» происходило постепенно. Одними из основных особенностей

становления ЯСЦ рыночной экономики являются последовательность и комплексность, а также относительная длительность по сравнению, например, с ЯСЦ рыночной экономики русского языка.

В настоящее время китайская экономика стала ведущей экономикой мира, сохранив свои национальные черты. Перспективы развития экономики Китая ставят задачу рационализации и упорядочения специальной лексики.

По мнению российских и китайских исследователей, таких как О. Очиров и Ч. Линь «...современный этап развития китайского терминоведения характеризуется его интеграцией в мировые исследования и, соответственно, оно применяет новейшие методы и достижения ведущих мировых терминологических школ» [7. – С. 195].

Китайское терминоведение успешно и продуктивно движется вперед. Современное состояние китайской терминологии сочетает теоретические и прикладные исследования. Обращаясь к практике современной мировой терминологии, китайские лингвисты руководствуются принципом сохранения традиций китайского терминотворчества. Они прилагают немало усилий и по разработке принципов, методов и способов формирования международной унификации терминов [7. – С. 196].

В целом китайские терминоведы стремятся реализовать конфуцианскую идею: «Если названия не соответствуют сути, то и со словами неблагоприятно. Если со словами неблагоприятно, то и дела не будут ладиться» [7. – С. 194].

Список литературы

1. Авербух К. Я. Общая теория термина. – Иваново, 2004.
2. Иванов В. В. Терминология и заимствования в современном китайском языке. – М.: «Наука» ГРВЛ, 1973.
3. Комарова А. И. Язык для специальных целей (LSP): Теория и метод. – М.: МААП, 1996.
4. Ли Теин. Теория и практика экономических реформ в КНР / пер. с китайского А.В. Островского. – М.: ООО «МК-Полиграф», 2000.
5. Очиров О. Р. Становление китайского терминоведения: традиции и современность // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2013. – № 4. – С. 116–125.
6. Очиров О. Р. Китайская деловая культура // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета имени Н. Г. Чернышевского. – 2019. – № 4 (27). – С. 101–105.
7. Очиров О. Р., Ч. Линь. Вопросы китайского терминоведения: от традиции «упорядочения названий» к современной теории // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2015. – № 3. – С. 192–199.

8. Современный экономический словарь / под ред. Лю Шучэн – Нанкин: Народное изд-во пров. Цзянсу, 2004. – С. 488 = 现代经济词典/中国社会科学院经济研究所编·刘树成主编。- 南京：凤凰出版社·江苏人民出版社·2004。12-1609-488.
9. У Ликунь. Исследования по российскому терминоведению. – Серия «Становление китайского терминоведения» / главный ред. Лу Юнсян. – Пекин: Изд-во «Шан-у иншугуань», 2009. = 俄罗斯术语学探究 / 吴丽坤.- 北京: 商务印书馆
10. Федорченко Е. А. Становление и развитие терминологической лексики таможенного дела в русском языке : автореф. дисс. ...д-ра филол. наук. – М., 2004.
11. Чжэн Шупу. Современное российское терминоведение. – Пекин: Шанву иншуагуань, 2005. = 俄罗斯当代术语学/郑述谱著. – 北京: 商务印书馆, 2005.
12. Чупанов А. С. Государственный строй Китайской Народной Республики (конституционно-правовой аспект) : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2006.

Анализ нормативно-правовой базы внешней политики и приграничного сотрудничества в России¹

Т. А. Витульева

старший преподаватель междисциплинарной кафедры,
научный сотрудник отдела науки
Улан-Баторского филиала РЭУ им. Г. В. Плеханова,
соискатель кафедры государственного и муниципального управления
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: Улан-Баторский филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова,
210351, Монголия, г. Улан-Батор, проспект Мира, д. 131
E-mail: t-vituleva@mail.ru

Analysis of the Regulatory Framework of Foreign Policy and Cross-Border Cooperation in Russia²

T. A. Vitulyeva

Candidate of the Department of State and Municipal Management
Plekhanov Russian University of Economics.

Address: Ulan Bator branch of Plekhanov Russian University of Economics,
131 Peace Avenue, Ulan-Bator, 210351, Mongolia
E-mail: t-vituleva@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы реализации внешней политики Российской Федерации и их относительная последовательность с развитием приграничных регионов страны. Цель исследования – изучить взаимосвязь внешней и внутренней политики Российской Федерации, а также их взаимовлияние друг на друга через анализ нормативно-правовой базы. В ходе проведения исследования были использованы методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, сравнения и сопоставления различных нормативно-правовых актов Российской Федерации. Автор рассматриваются положения основополагающих документов, относительно внешнеполитического курса и приграничного сотрудничества в Российской Федерации. В статье сделаны авторские выводы, позволяющие соотнести вектор внешней политики с развитием приграничного сотрудничества с зарубежными странами-соседями. Автор выявлено, что рассматриваемые документы взаимосвязаны и не противоречат друг другу. В свою очередь планомерная, взвешенная, грамотно выстроенная внешняя политика Российской Федерации свидетельствует о следовании намеченному курсу развития страны с учетом отстаивания национальных интересов и приоритетов государства на мировой арене. Однако внешняя политика страны не имеет устойчивой стратегии осуществления деятельности относительно приграничного сотрудничества, так как в документах четко не прописан эффективный механизм такой деятельности, а также в них не прописаны целевые показатели механизма реализации по отдельным статьям.

Ключевые слова: внешняя политика, внутренняя политика, приграничное сотрудничество, Россия, нормативно-правовая база, приграничные регионы.

Abstract

The article considers the issues of the implementation of the foreign policy of the Russian Federation and their relative sequence with the development of the border regions of the country. The purpose of the study is to study

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта «Шаг в науку-2021» РЭУ им. Г. В. Плеханова «Особенности механизма управления приграничной территорией на основе анализа устойчивости социально-экономического развития регионов ДФО РФ».

² The article was prepared with the support of the grant "Step into Science-2021" of Plekhanov Russian University of Economics "Features of the management mechanism of the border area based on the analysis of the sustainability of socio-economic development of the regions of the Far Eastern Federal District of the Russian Federation".

the relationship between the foreign and domestic policies of the Russian Federation, as well as their mutual influence on each other through the analysis of the regulatory framework. In the course of the study, methods of analysis, synthesis, induction, deduction, comparison and comparison of various regulatory legal acts of the Russian Federation were used. The author examines the provisions of the fundamental documents concerning the foreign policy course and cross-border cooperation in the Russian Federation. The author's conclusions are made in the article, which make it possible to correlate the vector of foreign policy with the development of cross-border cooperation with foreign neighboring countries. The author revealed that the documents under consideration are interrelated and do not contradict each other. In turn, the planned, balanced, well-structured foreign policy of the Russian Federation testifies to the adherence to the planned course of development of the country, taking into account the defense of national interests and priorities of the state on the world stage. However, the country's foreign policy does not have a sustainable strategy for implementing activities regarding cross-border cooperation, since the documents do not clearly prescribe an effective mechanism for such activities, nor do they prescribe clear targets for the implementation mechanism for individual articles.

Keywords: foreign policy, domestic policy, cross-border cooperation, Russia, regulatory framework, cross-border regions.

Введение

Основополагающим фактором обогащения любого государства является установление и развитие отношений с другими государствами и народами. Взаимоотношения между государствами осуществляются на различных уровнях через проведение грамотной внешней и внутренней политики. При этом внешняя политика страны как часть политического процесса является продолжением внутренней политики и отождествляет приоритеты государства во взаимоотношениях с миром за пределами ее границ. Основные цели внешней политики – обеспечение благоприятных условий для реализации международных интересов государства, национальной безопасности и благополучия народа.

Россия, занимая ведущую позицию в современном мире, имеет огромную территорию, богатую залежами природных ресурсов, мощный оборонный комплекс, огромный интеллектуальный потенциал, входит в состав пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН. Проводимая внешнеполитическая стратегия Российской Федерации оказывает влияние на решение международных проблем, формирование мировой повестки дня, организацию нового порядка в мире.

Все вышеизложенное обуславливает актуальность и высокую значимость выбранной темы исследования.

Вопросы внешней политики государства затронуты в работах таких отечественных ученых, как В. К. Егоров¹, М. М. Лебедева², Р. Т. Мухаев³, М. Ю. Зеленков⁴, Е. М. Щербина [31], Л. В. Милова [20], Ю. Я. Терещенко [26], А. В. Филиппов⁵, А. А. Борисенков [4].

Вопросы приграничного взаимодействия в различных сферах сотрудничества России с зарубежными странами рассмотрены в трудах Л. Б. Вардомского [6], С. С. Артоболевского [2], В. В. Котилко, Ф. С. Пашенных, Х. М. Джантаева [15], В. А. Колосова [22], А. Б. Володина [23], О. Ю. Дубровина, О. В. Плотникова [12].

Международное приграничное сотрудничество России с позиции взаимодействия с европейскими странами рассмотрено в работах А. В. Кузнецова, О. В. Кузнецовой [16], П. В. Дружинина [11], Г. В. Федорова [28], И. В. Логвинова [18] и др.

Детальные многолетние исследования в различных аспектах приграничного сотрудничества России и Беларуси проведены такими авторами, как Р. А. Абрамов, М. Н. Кулапов, М. С. Соколов [1], М. Н. Сурилов [25] и др. Б. А. Досова [10], А. С. Ивочкина [13], О. Г. Орлова [21] и др. в своих исследованиях рассматривают особенности приграничного сотрудничества регионов России и Казахстана.

В последнее время множество исследований были посвящены аспектам приграничного сотрудничества российских регионов Дальневосточного

¹ Энциклопедия государственного управления в России : в 2 т : 995 понятий, терминов и статей-справок / под общ. ред. В. К. Егорова. – М. : РАГС, 2008.

² Лебедева М. М. Мировая политика : учебник для бакалавров. – М. : КноРус, 2013.

³ Мухаев Р. Т. Политология : учебник для студентов юридических и гуманитарных факультетов. – М. : ПРИОР, 2000.

⁴ Зеленков М. Ю. Политология : учебник. – М. : Дашков и К°, 2015.

⁵ Филиппов А. В., Новейшая история России, 1945-2006 гг. – М. : Просвещение, 2007.

федерального округа Российской Федерации с приграничными территориями Монголии и Китая. Авторы А. Е. Лысенко¹, С. Цзоу [29], А. Л. Вороненко, С. В. Грейзик [7], М. В. Триняк, Т. Н. Кучинская [27], С. Ю. Черников [30] и др. рассматривают основные направления, тенденции и перспективы приграничного и регионального сотрудничества России и Китая. Такие исследователи, как Н. И. Атанов, В. С. Потаев, Г. Ю. Субанакоев [24], Э. В. Батунаев, Ю. Г. Григорьева [3], З. Ю. Д. Дондоков, Г. О. Борисов, В. О. Намжилова [8] и др. в своих работах подробно анализируют торгово-экономические, культурные, образовательные сферы взаимодействия приграничных российских регионов с аймаками Монголии.

Проблема исследования заключается в отсутствии единой и понятной траектории развития приграничного сотрудничества, нехватке четкого механизма реализации управления приграничными территориями, в том числе по целевым критериям и показателям эффективности приграничного международного сотрудничества и развития.

Целью исследования выступает изучение современной нормативно-правовой базы Российской Федерации в сферах внутренней и внешней политики с учетом развития международного сотрудничества и взаимодействия через приграничные территории Российской Федерации.

Задачами работы являются изучение, последовательное рассмотрение и анализ основных документов современной нормативно-правовой базы внешней и внутренней политики Российской Федерации, формирующих стратегическое направление развития приграничного взаимодействия регионов с зарубежными странами-соседями.

Результаты

В ходе исследования были проанализированы варианты дефиниций различных авторов к терминам «внешняя политика», «внешнеполитическая стратегия», «приграничное сотрудничество», а также рассмотрены особенности положений нормативно-правовой базы.

Так, В. К. Егоров под внешней политикой предлагает понимать «деятельность государства на международной арене, регулирующую отношения

с другими субъектами внешнеполитической деятельности – государствами, их союзами и блоками, зарубежными общественными объединениями, всемирными и региональными международными организациями»².

А. Ю. Мельвиль определяет внешнюю политику как «действия государства и его институтов за пределами своей суверенной территории для реализации национальных интересов»³. Однако такое определение содержит неточности, так как действия институтов государства могут быть приняты высшими учреждениями только в пределах такого государства, а также направлены на решение задач как внутренней, так и внешней политики. Г. Монгентау отмечает, что государство в рамках реализации внешней и внутренней политики преследует главную цель – борьбу за господство, а «разница заключается лишь в модификации условий во внутренней и международной сферах» [32. – С. 4–15].

В свою очередь А. А. Борисенков подходит к определению как пониманию сущности политики вообще, а также с позиции ее назначения [4].

Внешнеполитическая стратегия является частью внешней политики государства. Для стратегии характерно то, что она разрабатывается на определенный временной промежуток, обладает вектором направленности, обусловленным темпами реализации политики.

С. А. Проскурин обращает внимание на схожесть внешней политики и внешнеполитической стратегии, но при этом считает, что последнее понятие включает в себя основную концепцию реализации внешней политики, а также ресурсы государства, необходимые для обеспечения национальных интересов как в мирное, так и военное время. А. А. Косорукова также отмечает важность использования имеющихся у государства ресурсов в изменяющейся системе отношений [14].

Понятия «внешняя политика» и «приграничное сотрудничество» неразрывно связаны между собой. Приграничное сотрудничество может рассматриваться как часть стратегии реализации внешней политики, способной оказать влияние на уровень развития и качество приграничного взаимодействия граничащих государств.

¹ Политология / под ред. В. И. Буренко, В. В. Журавлева. – М., 2005. – С. 142.

² Энциклопедия государственного управления в России : в 2 т : 995 понятий, терминов и статей-справок / под общ. ред. В. К. Егорова. – М. : РАГС, 2008. – С.111–112.

³ Политология / А. Ю. Мельвиль и др. М., 2010. – С. 520.

В целом под приграничным сотрудничеством следует понимать действия органов власти, направленные на взаимодействие с сопредельными территориями в целях достижения их устойчивого развития, активизации международного сотрудничества и добрососедства. Ведущая роль при формировании стратегии приграничного сотрудничества возложена на законодательные и исполнительные органы власти федерального значения. Вопросы реализации и исполнения относятся к прерогативе органов исполнительной власти нижестоящих уровней бюджетной системы, так как они в большей степени взаимодействуют с органами власти сопредельных территорий.

Основополагающим документом взаимодействия Российской Федерации с зарубежными странами в приграничной сфере выступает Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 179-ФЗ (ред. от 8 декабря 2020 г.) «Об основах приграничного сотрудничества». В документе отражены главные доктрины приграничного сотрудничества России, здесь же дается основополагающее определение понятия «приграничное сотрудничество», под которым следует понимать международные и внешнеэкономические связи России с субъектами сопредельных государств на всех уровнях бюджетной системы (национальном, региональном, местном).

Реализация взаимодействия сотрудничества с зарубежными странами и их приграничными территориями возложена на органы власти и заинтересованные сообщества, осуществляющие приграничное сотрудничество на основе международных нормативно-правовых документов. Главной целью развития приграничного взаимодействия выступает поиск совместных решений аналогичных проблем на сопредельных территориях, укрепление внешнеполитических и экономических связей.

В своей работе П. Е. Доронина отмечает, что тематике приграничного сотрудничества придается значимость «важного резерва формирования атмосферы добрососедства во взаимоотношениях нашей страны (России) с сопредельными государствами» [9. – С. 300].

Рассматривая приграничное сотрудничество, стоит отметить, что на его уровень развития оказывают влияние геополитические факторы (географическое положение, развитость инфраструктуры, наличие природных ресурсов, сходство климатических условий, культуры, традиций и обычаев), которые способствуют взаимному совершенствованию

мер, направленных на улучшение качества жизни населения приграничных регионов.

Несмотря на то что на политической карте мира около 200 государств, интерес исследователей и политиков вызывает лишь небольшая группа из них, которая проводит активную внешнюю политику [17]. К данной группе относятся государства, которые занимают лидирующие позиции в современном мире. Стратегия внешней политики Российской Федерации также заслуживает внимания, так как оказывает влияние на события, происходящие на мировой арене.

Активная трансформация мирового порядка и современная структура международного сообщества воздействуют и на формирование стратегии внешней политики Российской Федерации. Выходят на первый план конкурентные преимущества стран, предъявляются требования к четкому планированию курса внешней политики государства, а также к разработке международных стратегий. Ключевыми компонентами России при переходе на демократический уклад после 1991 г. стали поиск ответов на вызовы и угрозы современности с целью формирования национально-государственных интересов, разработки внешнеполитических стратегий и концепций, в том числе приграничного сотрудничества.

Основные положения внешней политики Российской Федерации отражены в таких нормативно-правовых документах, как:

1. Конституция Российской Федерации. В данном документе установлена основа для реализации внешней политики государства. Роль внешнеполитической деятельности напрямую зависит от интеграционных процессов, стремления человечества к справедливому мировому правопорядку и повышения роли норм международного права. В основополагающем документе определены положения внутриполитического регулирования и курс внешней политики Российской Федерации. Следует отметить, что данный документ в новой редакции с изменениями и дополнениями был одобрен всенародным голосованием 1 июля 2020 г. Так, в статье 67 отмечается, что Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности (статья 67.1, пункт 1), является правопреемником СССР на своей территории, а также правопродолжателем международных отношений (статья 67, пункт 2.1).

В соответствии со статьей 71 Конституции Российской Федерации в ведении Российской Федерации находятся в том числе внешняя политика и международные отношения, международные договоры; вопросы войны и мира, внешнеэкономические отношения, координация международных и внешнеэкономических связей субъектов Федерации, выполнение международных договоров. Полномочия, определяющие основные направления внутренней и внешней политики Российской Федерации, а также право представлять Россию внутри страны и в международных отношениях возложены на Президента Российской Федерации.

В статью 79 Конституции Российской Федерации внесено изменение от 1 июля 2020 г., согласно которому решения межгосударственных органов, основанные на положениях международных договоров Российской Федерации не подлежат исполнению, если они противоречат Конституции Российской Федерации. Однако на основании пункта 5.1 статьи 125 Конституции Российской Федерации Конституционный Суд Российской Федерации имеет право решать вопросы, указанные в статье 79. Отмечается также, что Россия принимает меры по поддержанию и укреплению международного мира и безопасности, обеспечению мирного сосуществования государств и народов, недопущению вмешательства во внутренние дела государства (статья 79.1).

2. Концепция внешней политики Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. представляет «систему взглядов на базовые принципы, приоритетные направления, цели и задачи внешней политики Российской Федерации». В Концепции отражены ключевые положения внешнеполитической деятельности России, не противоречащие национальным интересам и стратегическим приоритетам. Особое внимание в документе уделено вопросам ценностных ориентиров регионов внешней политики страны, приоритетам Российской Федерации в решении глобальных проблем, состоянию и оценке современного мира и внешнеполитической деятельности Российской Федерации.

В новой редакции Концепции были учтены изменения современной геополитической ситуации в части возрастающей роли фактора силы России в международных отношениях. Впервые отмечено намерение препятствовать попыткам вмешательства во внутренние дела государств. Внимание уделено также рискам региональных конфликтов и эскалации кризисов.

В документе обозначена роль «мягкой силы», инструменты которой становятся неотъемлемой составляющей современной политики при решении внешнеполитических задач. Обращается внимание на усиление экономического соперничества и перераспределение сил в мире из-за смены технологического уклада в отраслях экономики.

3. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Документ является базовым по отношению к стратегическому планированию действий государства на его территории и за его пределами. На основании данного документа определяются национальные интересы и приоритеты Российской Федерации, ставятся главные цели, задачи в области внутренней и внешней политики. Все действия органов власти государства должны быть направлены на укрепление национальной безопасности России и обеспечение устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу.

Основной целью ставится закрепление за Российской Федерацией статуса одной из лидирующих мировых держав, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях полицентричного мира.

Реализация внешней политики неразрывно связана с обеспечением национальных интересов страны. Так, все внешнеполитические действия уполномоченных органов власти России должны быть направлены на образование стабильной и устойчивой системы международных отношений, основанной на международном праве и принципах равноправия и взаимного уважения. Недопускается вмешательство во внутренние дела государств, в приоритет ставится реализация взаимовыгодного сотрудничества, политического урегулирования глобальных и региональных кризисных ситуаций. В качестве центрального элемента такой системы международных отношений Россия рассматривает ООН и ее Совет Безопасности.

4. Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию (утв. Указом Президента Российской Федерации от 20 апреля 2014 г. № 259). В данной концепции определена система взглядов на цели, задачи, принципы и направления государственной политики в сфере содействия международному развитию. В документе отмечена важность участия в международных процессах, рассматриваемых в качестве одного из

эффективных механизмов решения глобальных и региональных проблем, противодействия новым вызовам и угрозам. Со стороны Российской Федерации оказывается помощь в данной сфере на двусторонней и многосторонней основе тем государствам, которые придерживаются курса добрососедства и союзничества с Россией. Кроме того, Россия оказывает помощь государствам, сотрудничество с которыми входит в национальные приоритеты страны.

Положения относительно военной, морской политики, информационной безопасности, противодействия терроризму в Российской Федерации прописаны в отдельных документах, содержащих официально принятые в Российской Федерации взгляды, не противоречащие Конституции Российской Федерации и друг другу.

Взаимосвязь основополагающих документов внешнеполитического курса Российской Федерации, безусловно, должна быть направлена и на внутреннее развитие субъектов Федерации, в частности речь идет о приграничных регионах, расположенных стратегически ближе к территориям соседних стран.

Основные положения относительно организации приграничного сотрудничества прописаны в Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации и Федеральном законе №179-ФЗ «Об основах приграничного сотрудничества».

В Концепцию приграничного сотрудничества в Российской Федерации были внесены изменения после обновления положений Конституции Российской Федерации. Так, согласно документу, в ней отражены цели, факторы и направления деятельности органов власти различных уровней в сфере приграничного сотрудничества. В концепции описана роль приграничного взаимодействия через увязку с международной деятельностью государства. В основу принципов сотрудничества поставлена важность «взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности других государств». В документе также отмечено значение развития приграничных связей субъектов Российской Федерации с сопредельными территориями иностранных государств, что способствует устойчивому социально-экономическому развитию регионов и муниципалитетов Российской Федерации, создает благоприятные условия для повышения благосостояния населения и стимулирует создание точек роста на приграничных территориях. В Концепции также отмечены различные виды и

направления деятельности приграничного сотрудничества. Отдельным разделом отмечены меры по стимулированию развития приграничного сотрудничества, в частности, направления совершенствования российской нормативно-правовой базы, сближения законодательства Российской Федерации и сопредельных государств по вопросам приграничного сотрудничества.

Отметим, что наблюдается ряд несоответствий в действующей Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации (утр. силу Распоряжением Правительства Российской Федерации от 7 октября 2020 г. № 2577) и положениях Федерального закона от 26 июля 2017 г. № 179-ФЗ «Об основах приграничного сотрудничества» (в ред. Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 429-ФЗ), а именно: разный состав основополагающих документов, регламентирующих деятельность в рамках приграничного сотрудничества, различия в упоминании принципов сотрудничества, в формулировке определения форм трансграничного взаимодействия. В связи с вышеизложенным требуется внести ряд поправок в части положений основных документов, регламентирующих приграничное сотрудничество в Российской Федерации.

Анализ нормативно-правовых документов в части внешней политики и приграничного сотрудничества России позволил сделать следующие основные выводы:

1) ключевые положения вышеизложенных документов взаимосвязаны и не противоречат друг другу;

2) правовой основой каждого из документов выступает Конституция Российской Федерации, федеральные законы Российской Федерации, нормативно-правовые акты Российской Федерации, а также принципы и нормы международного права. Концепция приграничного сотрудничества Российской Федерации тесным образом взаимосвязана с Концепцией внешней политики Российской Федерации;

3) национальные интересы, отраженные во всех концепциях и доктринах, направлены на защиту граждан во всех сферах жизнедеятельности; обеспечение национальной безопасности страны, сохранение ее территориальной целостности и суверенитета, противодействие глобальным угрозам и вызовам, соблюдение международного права и договоров;

4) документы являются основой для формирования и эффективной реализации государственной

политики, развития общественных отношений в различных областях, а также для разработки мер совершенствования систем обеспечения безопасности страны с учетом национальных приоритетов и интересов Российской Федерации;

5) наряду с развитием внешнеполитического курса Российской Федерации обоснована взаимосвязь с общей стратегией внутриполитического развития, в том числе приграничного сотрудничества, напрямую связанного с развитием регионов и муниципалитетов Российской Федерации, имеющих сопредельную территорию с иностранными государствами.

Планомерная, взвешенная, грамотно выстроенная внешняя политика Российской Федерации свидетельствует о следовании намеченному курсу развития страны с учетом отстаивания национальных интересов и приоритетов государства на мировой арене. Россия сегодня – один из главных акторов современных международных отношений.

Заключение

Внешнелитическая стратегия Российской Федерации направлена на обеспечение равноправного и активного участия в современной системе мирохозяйственных связей. При реализации стратегии внешней политики страна добивается учета российских интересов, создает условия для укрепления России на мировых рынках, расширяет внешнеэкономические связи, стремится развивать равноправный диалог со странами-партнерами, выступает за развитие международного сотрудничества.

Приграничные территории выступают важным объектом внешней политики современного курса развития государств и привлекают наибольший интерес исследователей. Как составляющая

часть международных отношений приграничное сотрудничество направлено на выстраивание конструктивного диалога в решении актуальных пограничных проблем на сопредельных территориях. В связи с глобальными и региональными изменениями барьеры, связанные с наличием границы, перестали существовать, а приграничные территории стали рассматриваться в качестве контактной зоны с возможностью осуществления эффективного социально-экономического и культурного сотрудничества.

Важно отметить, что внешняя политика России характеризуется открытостью, но не имеет четкой устойчивой стратегии. При этом документы не содержат эффективного механизма подготовки и осуществления деятельности во внешней политике и приграничном сотрудничестве, в них также не прописаны четкие целевые показатели механизма реализации по отдельным статьям, нет опоры на систему стратегического планирования на кратко-, средне-, долгосрочную перспективу внешнеполитических решений, однако присутствует последовательность и преемственность мероприятий.

В связи с вышеизложенным необходимо проведение последовательного и систематического обновления нормативно-правовой базы внутреннего и внешнего политического курса страны с учетом национальных приоритетов, территориальных особенностей каждого региона, международного права. Принимая во внимание специфику социально-экономического развития регионов и определение взаимоувязанных приоритетных направлений с учетом согласованности действий органов власти граничащих государств, особое внимание должно быть уделено вопросам приграничного взаимодействия с иностранными субъектами.

Список литературы

1. *Абрамов Р. А., Кулапов М. Н., Соколов М. С.* Тренды управления развитием приграничного сотрудничества геостратегических территорий в процессе формирования Союзного государства России и Беларуси // *Инновации и инвестиции*. – 2020. – №10. – С. 26–29.
2. *Артоболевский С. С.* Западный опыт реализации региональной политики: возможности и ограничения практического использования // *Региональные исследования*. – 2008. – № 3 (18). – С. 3–16.
3. *Батунаев Э. В., Григорьева Ю. Г.* Приграничное сотрудничество России и Монголии (на примере Республики Бурятия) // *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. – 2020. – Т. 22. – № 1. – С. 30–45.

4. Борисенков А. А. О некоторых особенностях внешней политики // Социодинамика. – 2012. – № 1. – С. 55–79.
5. Вардомский Л. Б. Новые факторы приграничного сотрудничества стран СНГ [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.hse.ru/data/522/480/1238/Varmodsky.pdf> (дата обращения: 10.07.2021).
6. Вардомский Л. Б. Российское порубежье в условиях глобализации. – М., 2009.
7. Вороненко А. Л., Грейзик С. В. История и перспективы развития российско-китайского межрегионального приграничного сотрудничества на Дальнем Востоке // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. – 2020. – № 3 (104). – С. 22–23.
8. Дондоков З. Ю. Д., Борисов Г. О., Намжилова В. О. Россия – Монголия – Китай: перспективы трехстороннего сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. – 2016. – № 1. – С. 93–101.
9. Доронина П. Е. Новая концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации: общая характеристика // Наукосфера. – 2021. – № 3–2. – С. 299–303.
10. Досова Б. А. Приграничное сотрудничество Казахстана и России – важнейшее звено двусторонних отношений между странами // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2020. – Т. 10. – № 12 (69). – С. 2911–2918.
11. Дружинин П. В. Особенности развития приграничных регионов // Регионоведение. – 2017. – Т. 25. – № 2 (99). – С. 200–216.
12. Дубровина О. Ю., Плотникова О. В. Международные связи регионов государств: характеристика и особенности. – М. : Норма; Инфра-М, 2016.
13. Ивочкина А. С. Приграничное сотрудничество России и Казахстана на современном этапе // Вестник ученых-международников. – 2020. – № 4 (14). – С. 28–39.
14. Косоруков А. А. Внешнеполитическая стратегия: концептуализация понятия. – URL: file:///C:/Users/%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C/Downloads/Vneshnepoliticheskaya_strategiya_kontseptualizatsiya_ponyatiya.pdf
15. Котилко В. В., Пашенных Ф. С., Джантаев Х. М. Приграничные регионы России и опыт развития приграничных районов за рубежом. – М., 2016.
16. Кузнецов А. В., Кузнецова О. В. Изменение роли приграничных регионов в региональной политике стран ЕС и России // Балтийский регион. – 2019. – Т. 11. – № 4. – С. 58–75.
17. Лебедева М. М. Внешняя политика: исчезновение или перезагрузка? // Внешняя политика: вопросы теории и практики / под ред. П. А. Цыганкова. – М. : МГУ, 2009. – С. 32–42.
18. Логвинова И. В. Правовые и институциональные основы развития европейского межрегионального и приграничного сотрудничества // Социально-политические науки. – 2021. – № 3. – С. 112–118.
19. Лысенко А. Е. Проблемы и перспективы приграничного сотрудничества России и Китая // Modern Science. – 2020. – № 10–2. – С. 455–458.
20. Милова Л. В. История России XX начало XXI века. – М., 2006.
21. Орлова О. Г. Приграничное сотрудничество Волгоградской области и Республики Казахстан: направления, динамика, негативные факторы развития // Юг России: вызовы времени, открытия, перспективы : материалы XVI Ежегодной молодежной научной конференции. – Ростов н/Д., 2020.
22. Российское пограничье: вызовы соседства / под ред. В. А. Колосова. – М., 2018.
23. Российское пограничье: социально-политические и инфраструктурные проблемы / под ред. В. А. Колосова и А. Б. Володина. – М., 2016.
24. Российско-монгольское приграничье: современное состояние и перспективы развития. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского государственного университета, 2020.
25. Соколов М. С., Сурилов М. Н. Перспективы развития молодежного инновационного предпринимательства в условиях приграничного сотрудничества России и Беларуси // Инновации и инвестиции. – 2021. – № 3. – С. 27–30.
26. Терешенко Ю. Я. История России XX-XXI вв. – Ростов н/Д., 2004.
27. Триняк М. В., Кучинская Т. Н. Приграничное сотрудничество в рамках региональной модели «Северо-Восток КНР – Дальний Восток РФ»: современное состояние и перспективы // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия : сборник Восточного центра. – 2020. – №23. – С.14–19.

28. Федоров Г. М. Приморские субъекты Российской Федерации как особый тип приграничных регионов // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика. – Смоленск, 2016. – С. 364–369.
29. Цзоу С. Российско-китайские зоны приграничного сотрудничества: перспективы взаимодействия РФ и КНР // Россия и АТР. – 2020. – № 3 (109). – С. 134–150.
30. Черников С. Ю. Особенности торгово-инвестиционного взаимодействия России с Китаем // Экономика: проблемы, решения и перспективы. – 2016. – № 3. – С. 113–118
31. Щербина Е. М., Щербина Н. Г. Новые форматы и условия международного экономического сотрудничества для России // Universum: экономика и юриспруденция. – 2015. – № 7 (18). – С. 1–15
32. Morgenthau H. J. Politics among nations. The Struggle for power and peace. – New York, 1955. – P. 4–15.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2021-3-54-60>

Цифровой рубль: теория и перспективы правового регулирования

Н. В. Свечниковакандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Svetchnikova.NV@rea.ru**М. В. Шильдина**аспирант ИСиСП при Правительстве Российской Федерации,
преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Shildina.MV@rea.ru

Digital Ruble: Theory and Perspectives of Legal Regulation

N. V. Svechnikova PhD, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines
of the Plekhanov Russian University of Economics.Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny per., Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: Svetchnikova.NV@rea.ru**M. V. Shildina**Post-Graduate Student of ISiSP under the Government of the Russian Federation,
Teacher of the Department of Civil Law Disciplines
of the Plekhanov Russian University of Economics.Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny per., Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: Shildina.MV@rea.ru

Аннотация

Данная статья посвящена вопросам трансформации классического законного средства платежа – денег. Мировое пространство пытается найти альтернативу наличным деньгам и безналичным расчетам. Речь идет о криптовалюте, которая основывается на распределенном реестре хранения информации о транзакциях. В связи с ростом популярности криптовалют возникает вопрос о доверии общества к государству. Аналитики данную ситуацию связывают с разными факторами, в том числе с тем, что у граждан не было широких альтернатив в выборе законных средств платежа. В статье авторы излагают свои взгляды по этому поводу. Кроме того, рассматривается вопрос о выпуске национальных цифровых валют. Авторами анализируется перспектива правового закрепления цифрового рубля как нового вида национальной платежной единицы, отмечаются его преимущества и недостатки, а также риски. Авторы ведут дискуссию о целесообразности законодательного закрепления цифрового рубля. В статье рассматриваются противоречия в подходах к определению понятий, используемых в сфере регулирования цифровых валют. Также идет речь о правовой природе цифрового рубля и его соотношении с криптовалютой, сделаны выводы, касающиеся сущности цифрового рубля. Тема исследования является новой для научной юридической литературы в связи с новизной отношений, возникающих в сфере цифровых валют. Этим фактором обусловлена актуальность исследования.

Ключевые слова: денежные средства, законное средство платежа, национальная валюта, биткоин, блокчейн, национальная цифровая валюта, фиатная валюта, цифровое право, распределенный реестр, криптовалюта, наличные деньги, безналичные денежные средства, электронные денежные средства, пандемия.

Abstract

This article focuses on the transformation of the classic legal tender - money. The world space is trying to find an alternative to cash and non-cash payments. We are talking about cryptocurrency and other forms of virtual currencies, which are based on a distributed ledger for storing information about transactions. In connection with the growing popularity of cryptocurrencies, the question of public confidence in the state arises. Analysts associate this situation with various factors, including the fact that citizens did not have broad alternatives in choosing legal means of payment. The authors in the article set out their views on this matter. In addition, the issue of issuing national digital currencies is being considered. The authors analyze the prospect of legal consolidation of the digital ruble as a new type of national payment unit, note its advantages and disadvantages, as well as risks. The authors analyze the discussion about the advisability of legislative consolidation of the digital ruble. The article discusses the contradictions in approaches to the definition of concepts used in the field of regulation of digital currencies. We are also talking about the legal nature of the digital ruble and its relationship with cryptocurrency. The research topic is new for scientific legal literature due to the novelty of relations arising in the field of digital currencies. This factor determines the relevance of the study. The article discusses the issues of the ratio of the digital ruble and cryptocurrency, and draws conclusions regarding the essence of the digital ruble.

Keywords: cash, legal tender, national currency, bitcoin, blockchain, national digital currency, fiat currency, digital law, distributed ledger, cryptocurrency, cash, non-cash money, electronic money, pandemic.

В настоящее время в юридической литературе активно обсуждаются проблемы в сфере использования цифрового рубля. Следует отметить, что цифровой рубль не имеет легального определения, его понятие формируется в научной литературе. В этой связи интерес для исследования представляет правовая природа цифрового рубля, его сущность, значение для расчетов. В цивилистической науке последние годы были высказаны мнения относительно таких объектов гражданских прав, как цифровые права. Применительно к цифровому рублю также высказываются мнения относительно его принадлежности к средствам платежа, т. е. деньгам.

На наш взгляд, своевременным является формирование правовой позиции в отношении определения места цифрового рубля среди объектов гражданских прав.

Разработка и постепенное введение цифровых национальных валют всеми государствами в будущем повлечет за собой переход к постоянному пользованию безналичными деньгами с полным отказом от бумажной формы. Этому процессу будут способствовать как психологическая готовность общества, так и решение правовых задач, связанных с рисками использования цифрового рубля, хранением, обработкой и безопасностью персональных данных плательщиков. Презюмируя безусловную прозрачность расчетов цифровым рублем, необходимо обеспечить правовую защиту

его пользователей. В связи с этим важно правильно оценивать правовую и экономическую целесообразность введения новых средств платежа.

При этом стоит учесть такие факторы, как наличие у пользователей технической возможности использовать цифровой рубль и средств для приобретения соответствующих гаджетов, поддерживающих необходимую платформу. Считаем, что непосредственной обязанностью государства должно являться обеспечение полной прозрачности и доступности информации, касающейся новой формы денег.

Деньги представляют собой объект материального мира в виде монет и бумажных знаков. Однако сейчас происходит их трансформация в электронный неосязаемый формат. Это обстоятельство выражается не только в новом историческом витке денег, но и в самом инновационном их восприятии.

Опыт последних лет демонстрирует активный поиск новых средств платежа. В частности, обращает на себя внимание внедрение в мировую практику криптовалюты.

В этой связи следует обратить внимание на обсуждаемые в юридической литературе понятия фиатных и антифиатных денег. Так, М. А. Рожкова отмечает, что «фиатные деньги – это национальная валюта, обеспечение которой гарантирует государство. Другими словами, знаки, имеющие потребительную стоимость и выпускаемые центробанком от имени государства в бумажной,

электронной или монетных формах, вне зависимости от стоимости материала, из которого они изготовлены, являются обязательством государства по их обеспечению» [1]. Таким образом, наличные, безналичные, электронные денежные средства являются фиатными деньгами.

Представляется, что к антифиатным деньгам можно отнести криптовалюту, выпуск которой основывается на распределенном реестре хранения информации о транзакциях, называемом системой блокчейн. Широкую популярность криптовалюте принес факт снижения государственного контроля в этой сфере, что в свою очередь обеспечило распространение криптовалют среди субъектов теневых рынков, поскольку законодателем установлен прямой запрет на совершение платежей криптовалютой¹. В этой связи криптовалюта не может быть средством платежа при исполнении обязательств по сделкам как в классической форме, так и осложненных электронным элементом. Например, быть встречным исполнением в смарт-контрактах.

Опираясь на позицию государства, законодатель оценивает необходимость установления нормативного регулирования тех или иных общественных отношений, учитывая совокупность факторов (статье 309 Гражданского кодекса Российской Федерации)². Применительно к теме настоящей статьи, фактором, который оказывает активное влияние на формирование новых общественных отношений в сфере средств платежа, является цифровизация процессов, связанных с использованием различных видов платежей, а также поиск такой формы денежных средств, которая была бы применима к сделкам, заключаемым в электронной форме с применением информационных технологий, т. е. таких денежных средств, которые технологически отвечали бы требованиям разновидностей сделок, совершаемых в электронной форме, например, в форме смарт-контрактов. Имеющийся в законодательстве инструмент (электронные денежные средства)³, не соответствует современным технологиям, ко-

торые применяются участниками оборота в гражданских правоотношениях. Кроме того, важно учитывать расширяющуюся потребность в использовании криптовалют в различных странах для обеспечения взаимодействия субъектов гражданско-правовых отношений.

Постоянное применение и развитие цифровых технологий, появление широкого спектра криптовалют в совокупности обеспечили давление на крупнейшие центральные банки мира в части продвижения их планов по выпуску цифровых денег. Именно такая форма национального средства платежа, по мнению регуляторов, позволит отразить угрозы, связанные с распространением криптовалют.

Центральные банки мира до недавнего времени крайне неоднозначно относились к национальным цифровым деньгам и цифровым деньгам вообще. Происходящие в последнее время изменения в цифровой сфере обусловили как непринятие отдельными банками самой идеи национальной цифровой валюты, так и запуск пилотных проектов в этой сфере. На наш взгляд, те организации, которые используют выпуск криптовалюты, могут превратиться в мировой центробанк, эмитирующий глобальную цифровую валюту, а это пугает сами банки, а также создает препятствия в установлении правового статуса криптовалют. Например, социальная сеть Facebook, пользователем которой является примерно каждый четвертый житель планеты, в состоянии создать такую валюту.

Эпидемия коронавируса значительно усилила популярность онлайн- и бесконтактных платежей, а также увеличила спрос потребителей на быстрые, низкочастотные и надежные денежные транзакции. Это в свою очередь ускорило процессы разработки цифровой национальной валюты. В связи с этим появилась задача найти способ снижения операционных рисков платежных систем.

Представляется, что в настоящий момент альтернативную форму оплаты использует значительная часть потребителей, что несомненно влияет на формирование новой тенденции в развитии си-

¹ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – URL: <http://www.consultant.ru>

² «Условиями сделки может быть предусмотрено исполнение ее сторонами возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного

дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки». См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 9 марта 2021 г.). – URL: <http://www.consultant.ru>

³ Пункт 18 статьи 3 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе». – URL: <http://www.consultant.ru>

стемы платежей, а именно появляется объективная необходимость в переходе к таким средствам платежа, как цифровой рубль.

На рис. 1 приведены статистические данные, указывающие на изменение объемов потребительских платежей.

Рис. 1. Изменение объемов наличных платежей во время пандемии в 2020 г.¹

В свою очередь центральные банки зарубежных стран учитывают те риски, которые могут проявиться в инновационных платежах, поэтому как регуляторы рассматриваемой сферы они вносят свои предложения по нормативному установлению правил использования цифровых денег.

Зарубежный опыт показывает, что имеющиеся теоретические исследования и практика реализации криптовалют в настоящий момент не дают ответа на ряд вопросов, связанных с выпуском цифровых денег. В Российской Федерации также отсутствует единое мнение в отношении введения цифрового рубля.

По этому поводу представляется необходимым отметить следующее: по мнению экспертов Международного валютного фонда, цифровая валюта центрального банка «будет представлять собой широко принимаемую цифровую форму фиатных денег и будет являться законным платежным средством. По-видимому, цифровая валюта центрального банка является естественным этапом в процессе эволюции официальной эмиссии (от металлических денег до денег, обеспеченных драгоценными металлами, и фиатных денег, имеющих физическое представление)» [6].

Опираясь на данные, приведенные в таблице, мы можем сделать вывод о том, что ведущие

банки мира активно разрабатывают и тестируют цифровые деньги – электронные версии своих национальных валют.

Обзор опыта зарубежных стран по внедрению, разработке, выпуску цифровой национальной валюты

Страна	Степень разработки
Китай	Народный банк Китая стремится стать первым крупным центральным банком, выпустившим цифровую национальную валюту
Англия	Европейский центральный банк и Банк Англии начали консультации
Швеция	Шведский Riksbank начал тестирование электронной кроны
Канада	Банк Канады ускорил работу над своей цифровой валютой
Южная Корея	Проводятся эксперименты с цифровой национальной валютой
Европейский союз	Произвел запуск пилотного проекта цифрового евро в 2020 г. В настоящее время анализируется опыт других стран, а также возможные риски использования цифрового евро
США	Изучаются технологии, позволяющие выпускать цифровой вариант наличных. К запуску в 2021 г. планируется 5 вариантов цифрового доллара

Позиция Банка России представлена, в частности, в докладе для общественных консультаций «Цифровой рубль» (далее – Доклад Банка), где цифровая национальная валюта определяется как еще одна форма денег, приравненная к наличным и безналичным деньгам².

¹ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4519972> (дата обращения: 17.02.2021).

² Цифровой рубль. Доклад для общественных консультаций (октябрь 2020 г.) (утв. Банком России). – URL: <http://www.consultant.ru>

Отмечается также возможность выбора гражданами формы денег, которые они хотели бы получать в качестве заработной платы, социальных выплат и т. п.

Обращает на себя внимание тот факт, что 12 апреля 2021 г. Банк России опубликовал концепцию цифрового рубля, согласно которой цифровой рубль станет третьей формой валюты. Отмечаются дополнительные преимущества цифрового рубля, которые повысят его привлекательность как платежного средства.

В концепции указывается, что бизнес будет иметь:

- доступ к кошельку через любую финансовую организацию, в которой обслуживают клиента;
- тарифы на обслуживание не выше, чем в системе быстрых платежей;
- возможности расчетов без доступа к Интернету (офлайн-режим);
- высокий уровень надежности (цифровой рубль – обязательство Банка России);
- расширение инновационных сервисов и продуктов на финансовом рынке;
- уникальные номера цифровых рублей (благодаря им станет проще восстановить права при хищении).

Для реализации проекта потребуется пройти следующие этапы:

- создание прототипа платформы цифрового рубля – декабрь 2021 г.;
- разработка изменений законодательства – январь 2022 г.;
- запуск тестирования прототипа – I квартал 2022 г.

Тестирование запланировано на 2022 г. По его результатам будет разработана дорожная карта по внедрению платформы цифрового рубля. Ожидается, что это даст правительству Российской Федерации новые обширные инструменты для мониторинга экономики.

Отметим, что опасения специалистов в отношении введения цифрового рубля связаны с появлением у государства дополнительным инструментом для отслеживания расходов отдельных

лиц в режиме реального времени. Некоторые аналитики указывают, что постепенно цифровой рубль вытеснит банкноты и монеты¹.

Вместе с тем конструкция цифрового рубля вызывает множество вопросов в сравнении с уже понятными наличными и безналичными денежными средствами.

Исходя из тех подходов, которые используются в докладе Банка и Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 259)², можно сделать вывод о том, что при определении понятия «цифровой рубль» мнения Центрального банка и законодателя расходятся. В частности, названный федеральный закон вводит понятие «цифровая валюта», под которой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций, в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему. При этом согласно ее правилам и Федеральному закону № 259, цифровая валюта не является денежной единицей Российской Федерации, т. е., следуя мысли законодателя, цифровая валюта в контексте Федерального закона № 259 представляет собой некий код, не являющийся денежной единицей Российской Федерации.

В свою очередь Банк России называет цифровой рубль цифровой валютой³ и говорит о цифровой форме выражения национальной валюты и обладании ей всеми необходимыми свойствами для выполнения функций денег. Целесообразно

¹ URL: <https://www.wsj.com/articles/china-creates-its-own-digital-currency-a-first-for-major-economy-11617634118>. (дата обращения: 26.04.2021).

² Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении

изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – URL: <http://www.consultant.ru>

³ Согласно Толковому словарю Ожегова под валютой понимается денежная система страны, а также денежные единицы этой системы. – URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=2563> (дата обращения: 24.05.2021).

считать цифровой рубль дополнительной формой денег, участвующей в обороте наряду с наличными и безналичными денежными средствами.

Учитывая разницу в подходах законодателя и Банка России к решению указанной проблемы, отметим, что Федеральный закон № 259 не включает в понятие денежной единицы Российской Федерации цифровую валюту и устанавливает прямой запрет на использование цифровой валюты в качестве законного средства платежа.

В связи с этим следует определить понятие цифрового рубля, выявить признаки, позволяющие отличить его от смежных понятий, а также раскрыть его правовую природу.

С целью выявления отличительных признаков цифрового рубля рассмотрим его соотношение с криптовалютой, поскольку данные понятия на первый взгляд являются схожими и зачастую используются участниками оборота как синонимы. Эксперты отмечают, что цифровой рубль отличается от криптовалюты. Это проявляется, например, в том, что устойчивое функционирование цифрового рубля будет поддерживаться Центральным банком. В докладе Банка для общественных консультаций «Цифровой рубль» (октябрь 2020 г.) также отмечается, что одной из моделей технической реализации цифровой валюты национального банка выступает централизованная блокчейн-технология, имеющая возможность контролировать и управлять определенным кругом лиц (цифровой рубль), в отличие, например, от биткоина – криптовалюты, основанной на децентрализованной блокчейн-технологии, управление которой принадлежит участникам, свободно подключившимся к сети. Однако наравне с централизованной технологией представлены также варианты с использованием технологии децентрализованного реестра и гибридная модель, включающая в себя две названные технологии (комбинацию централизованного и децентрализованных реестров).

Кроме того, важно указать, что и определение цифрового рубля в виде цифрового кода, а также предложенные регулятором технические варианты реализации оборота цифрового рубля на основе блокчейн-технологии, делает цифровой

рубль в отдельных элементах схожим с криптовалютой. Нет смысла отрицать, что в основе цифрового рубля лежит криптографическая сущность. Пожалуй, это единственное сходство с криптовалютой, основанной на распределенном реестре хранения информации.

В отличие от цифрового рубля такие криптовалюты банки не могут «майнить», криптовалюты не выполняют главной функции денег – законного средства платежа. Отметим, что криптовалюты не обеспечены и не эмитируются государством, и их курс колеблется без участия контроля со стороны банков.

Таким образом, цифровой рубль – это цифровой код, выпущенный и обеспеченный государством, выполняющий роль законного средства платежа на всей территории Российской Федерации и между всеми участниками гражданского оборота наравне с наличными и безналичными денежными средствами.

По нашему мнению, в случае законодательного закрепления цифрового рубля в качестве средства платежа новая фиатная валюта сможет применяться всеми без исключения субъектами с учетом курса цифрового рубля 1 к 1.

Факт того, что регулятор усматривает возможность использования цифрового рубля в качестве законного средства платежа, подтверждает признание его оборотоспособности. В том случае, если цифровой рубль будет признан национальной цифровой валютой в Российской Федерации, его можно будет рассматривать в качестве объекта гражданских прав, что потребует соответственного изменения положений статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- 1) цифровой рубль необходимо рассматривать в качестве денежного средства, имеющего криптографическую сущность;
- 2) следует нормативно закрепить понятие цифрового рубля, тем самым отнеся его к фиатной валюте, что позволит наделить его оборотоспособностью.

Список литературы

1. Рожкова М. А. Цифровые деньги: мобильная фиатная валюта, валюта виртуальных миров, валюта корпоративного значения, криптовалюта и национальная криптовалюта [Электронный ресурс] // Закон.ру. – 2019. – 7 октября.

2. Свечникова Н. В., Свечников В. А. Роль права в решении задач цифровой экономики // Стратегия России: взгляд в завтрашний день : сборник статей X Международной научной конференции «Абалкинские чтения». – М. : ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2021. – С. 95–101.
3. Шильдина М. В. Цифровой рубль – будущий инструмент исполнения денежного обязательства // Стратегия России: взгляд в завтрашний день : сборник статей X Международной научной конференции «Абалкинские чтения». – М. : ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2021. – С. 101–107.
4. Цифровая экономика. Концептуальные основы правового регулирования бизнеса в России : монография / отв. ред. В. А. Лаптев, О. А. Тарасенко. – М. : Проспект, 2021.
5. Правовое регулирование цифровой экономики в современных условиях развития высокотехнологического бизнеса в национальном и глобальном контексте / под общ. ред. В. Н. Синюкова, М. А. Егоровой. – М. : Проспект, 2019.
6. Mancini-Griffoli T., Martinez M. S. Casting Light on Central Bank // IMF Staff Discussion Note. – 2018. С. 6–30

Юридическая квалификация цифровых прав

М. Ю. Кузьменков

аспирант кафедры международного частного права
Московского государственного юридического университета
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Адрес: ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», 125993, Москва, Садовая-Кудринская ул., дом 9.
E-mail: kuzmenkov.m.u@yandex.ru

Legal Qualification of Digital Rights

M. Yu. Kuzmenkov

Postgraduate Student of the Department of International Private Law
of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Address: Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Sadovaya-Kudrunskaya Str., 9, Moscow, 125993, Russian Federation.
E-mail: kuzmenkov.m.u@yandex.ru

Аннотация

С каждым годом гражданский оборот все глубже погружается в цифровой мир. Это приводит к появлению новых объектов права, таких как цифровые финансовые активы, утилитарные цифровые права. Однако существующие в разных юрисдикциях подходы к правовому регулированию таких цифровых активов не отличаются терминологическим единством. Между тем различные определения одних и тех же правовых явлений или их отсутствие порождают известную в международном частном праве проблему, именуемую проблемой квалификации. Предметом данной работы является юридическая квалификация цифровых прав. Автор статьи проводит сравнительно-правовой анализ законодательства о цифровых правах России и других юрисдикций, чтобы выяснить, существуют ли зарубежные аналоги данной терминологии и каковы последствия квалификации их по законодательству различных государств. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что теоретически возможно применять как классическую коллизионную привязку *lex fori* в целях квалификации юридических понятий, так и иной правопорядок, чем закон страны суда. Особый акцент автор делает на сложной правовой природе цифровых активов, которую необходимо учитывать при проведении исследования в данной сфере.

Ключевые слова: утилитарные цифровые права, токены, ICO, информационные системы, цифровые финансовые активы, юридическая квалификация, *lex fori*, цифровые права, международное частное право, цифровизация.

Annotation

Every year, the civil turnover plunges deeper into the digital world. It leads to the emergence of new objects of law: digital financial assets, utilitarian digital rights. However, the existing approaches to the legal regulation of such digital assets in different jurisdictions do not differ in terminological unity. Meanwhile, different definitions of the same legal phenomena or their absence in general give rise to a well-known problem in private international law, called the problem of qualification. The subject of this paper is the legal qualification of digital rights. The author of the article conducts a comparative legal analysis of the legislation on digital rights in Russia and other jurisdictions to find out whether there are foreign analogues of this terminology and what is its legal qualification. The analysis allows us to conclude that it is theoretically possible to apply both the classic conflict-of-laws binding *lex fori* for the purposes of qualification, and the rule of law other than the law of the country of the court. The author places special emphasis on the complex legal nature of digital assets, which must be taken into account when conducting research in this area.

Keywords: utilitarian digital rights, tokens, ICO, information systems, digital financial assets, legal qualification, *lex fori*, digital rights, private international law, digitalization.

Одним из важных аспектов трансграничных правоотношений является установление единообразного понимания юридических терминов, используемых сторонами, т. е. речь идет о квалификации юридических понятий. Например, такие термины, как «договор», «доверительная собственность» могут значительно отличаться по своему содержанию в различных юрисдикциях или отсутствовать в законодательстве некоторых стран. Классическим примером важности квалификации юридических терминов является сравнение содержания понятия «место заключения сделки» в отечественном и английском законодательстве [4]. Так, в России, согласно статье 444 ГК РФ, договор признается заключенным по месту жительства гражданина или месту нахождения юридического лица, направившего оферту. В то же время в Англии местом заключения договора признается место отправления акцепта. Таким образом, содержание идентичных юридических терминов в России и Англии различается. Такое разное понимание одного и того же юридического термина может привести к серьезным последствиям для контрагентов. Во избежание потенциальных проблем, вытекающих из различного толкования терминов, многие государства устанавливают правила квалификации юридических терминов. Эти правила говорят нам о том, право какого государства должно применяться для толкования терминов, которые известны в различном смысловом значении или которые отсутствуют в зарубежном или отечественном законодательстве. В данной статье автор исходит из узкого подхода к квалификации юридических понятий. Согласно данному подходу, квалификация юридических понятий означает определение их объема и привязки коллизионных норм разных государств друг к другу [2].

Что касается квалификации цифровых прав (ЦП), то содержание скрыто в самом термине.

Существуют ли аналогичные правовые категории за рубежом? Каковы последствия квалификации данного термина по законодательству разных государств?

В отечественном законодательстве ЦП были определены в статье 141.1 ГК РФ, согласно которой цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и

иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Из определения также следует, что цифровыми правами являются только те права, которые названы таковыми в отдельном законе. На сегодняшний день в явном виде цифровые права определяют два специальных закона: «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ и «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»².

В первом из названных законодательных актов указано, что под цифровыми правами понимаются утилитарные цифровые права (УЦП). УЦП – это имущественные права, приобретенные инвестором в результате инвестирования денежных средств через инвестиционную платформу. К таким правам статья 8 закона относит следующие права: требование передать вещь, требование передать исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности, требование выполнить работы или оказать услуги. Таким образом, можно соотнести ЦП и УЦП как родовое и видовое понятия.

Несмотря на внушительный объем понятия «утилитарное цифровое право», его содержание и оборот весьма ограничены законом. Распоряжаться такими правами (например, их залог) возможно только в рамках инвестиционной платформы, при этом сами утилитарные права не могут предоставлять право требования на имущество, право на которое подлежит государственной регистрации [2].

Вступивший в силу 1 января 2021 г. новый закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», вводит еще одну разновидность цифровых прав. Здесь из родового понятия «цифровое право», которое закреплено в ГК РФ, выделяется видовое понятие «цифровой финансовый актив» (ЦФА). В статье 1 данного закона указано, что ЦФА являются цифровыми правами, которые включают в

¹ Федеральный закон от 2 августа 2019 г. N 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. – 2019. – № 172.

² Федеральный закон от 31 июля 2020 г. N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. – 2020. – № 173.

себя следующие права: денежные требования, требования, вытекающие из обладания эмиссионными ценными бумагами, а также требование участия в капитале непубличного акционерного общества. Оборот таких прав возможен только в рамках информационных систем, основанных на распределенном реестре.

Таким образом, в России цифровые права можно охарактеризовать как родовое понятие, обозначающее некий набор прав, которые можно получить и которыми можно распорядиться только в рамках информационной системы по правилам этой информационной системы. В свою очередь цифровые права делятся на видовые понятия (УЦП, ЦФА и иные цифровые права). Понятие «иные цифровые права» фигурирует только в законе о цифровых финансовых активах.

В законодательство зарубежных стран также включены положения, регулирующие оборот цифровых прав. Однако сам термин «цифровое право» может и не использоваться в других юрисдикциях. Более того, термины, подменяющие понятие «цифровое право», могут значительно отличаться по своему содержанию. В таком случае возникает классический для международного частного права вопрос о квалификации юридических терминов.

Другими словами, необходимо решить, право какого государства применять в случае существенного терминологического расхождения между пониманием цифровых прав в различных государствах. Например, как уже было указано выше, УЦП могут включать в себя право требования передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности. Однако некоторые государства не оговаривают такую возможность в своем законодательстве и ограничивают роль утилити-токенов только удостоверением прав на товары и услуги. Например, законодательство США и Швейцарии устанавливает, что утилити-токены подтверждают права владельца токена на товары и услуги, но не на исключительные права.

Утилитарные цифровые права в России, напротив, предусматривают наличие права требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности. Поэтому способ квалификации таких токенов может коренным образом изменить дальнейшую юридическую судьбу этого актива. При квалификации по российскому законодательству можно говорить о наличии ути-

литарных цифровых прав. Однако при квалификации по праву другого государства юридические последствия могут быть не вполне ясными.

Для более глубокого анализа последствий юридической квалификации рассмотрим те страны, где наблюдается наибольшее расхождение используемых терминов и проблема квалификации юридических понятий наиболее очевидна (Белоруссия, США, Франция).

Прежде всего, необходимо обозначить некий общепринятый доктринальный подход относительно используемой терминологии. В целом деление цифровых прав на категории основано на экономических характеристиках соответствующих активов (токенов). Точное описание основания выделения того или иного вида токена можно встретить в отечественной правовой доктрине (А. П. Алексеенко, В. С. Белых [1], Л. Ю. Василевская [2]). В частности, в работе Л. Ю. Василевской указывается, что токены в гражданском обороте выступают, как:

- цифровая единица цены;
- цифровой аналог бездокументарных ценных бумаг;
- цифровой аналог иных объектов гражданских прав.

Приведем характеристики трех видов токенов, известных как платежный токен (криптовалюта), токен-актив и утилити-токен соответственно.

Возвращаясь к проблеме юридической квалификации, нужно сказать, что во многих юрисдикциях термин «цифровое право» не обозначает специальный объект гражданских прав. Здесь под цифровым правом понимают нечто абстрактное, обозначающее целое направление в юриспруденции, а именно все нормы, которые регулируют правоотношения в цифровом пространстве. Иными словами, в законодательстве зарубежных стран едва ли можно встретить термин «цифровое право», который определяет цифровое право как специальный объект права, а не как новое направление в юриспруденции. Однако отсутствие идентичного термина не означает отсутствие таких же экономических отношений. Имеются в виду отношения по выпуску и обороту цифровых прав.

Так, в США был разработан законопроект, *Crypto-Currency Act of 2020*¹, нацеленный на внесение окончательной ясности относительно полномочий государственных органов в сфере регулирования различных видов криптоактивов. С этой же целью секция 2 законопроекта делит криптоактивы на три вида:

1. Криптовалюты (*crypto commodity*) – товары и услуги, которые:

- имеют полную или частичную взаимозаменяемость;

- основаны на децентрализованных технологиях.

2. Криптовалюта (*cryptocurrency*) – представление национальной валюты США или деривативов, основанных на децентрализованных технологиях, включая:

- криптовалюты, обеспеченные средствами на банковских счетах;

- криптовалюты, обеспеченные криптоценными бумагами, криптовалютами или другими криптовалютами;

- криптовалюты, обеспеченные смарт-контрактами.

3. Криптоценные бумаги (*crypto security*) – по общему правилу все виды ценных бумаг, которые основаны на блокчейне или других децентрализованных технологиях.

Законопроект вводит новое понятие «цифровые активы». Данный термин является собирательным и включает криптовалюты, криптовалюту и криптоценные бумаги.

Определение «цифровые активы» можно встретить и в валютно-финансовом кодексе Франции. Поправки к кодексу от 2019 г. ввели статью L54-10-1², которая устанавливает, что цифровыми активами являются:

1) любое цифровое представление стоимости, которое не выпущено или не гарантировано центральным банком или государственным органом, не имеет правового статуса валюты, но которое принимается физическими или юридическими лицами в качестве средства обмена и может быть передано, сохранено или обменено в электронном виде;

2) любое нематериальное имущество, представляющее в цифровой форме одно или несколько прав (за исключением финансовых инструментов), которые могут быть выпущены, зарегистрированы, сохранены или переданы через общую электронную систему, позволяющую прямо или косвенно идентифицировать владельца этого имущества.

С точки зрения французского законодательства цифровой актив включает в себя только первые два типа токенов: утилити-токены и криптовалюту. Токены-активы (т. е. представление ценных бумаг) не входят в термин «цифровой актив» Франции, что противоречит законодательству США, где этим же термином обозначаются все виды выпущенных активов.

Таким образом, в США и Франции существуют различные подходы к определению терминологии. Во-первых, идентичный термин «цифровой актив», используемый в двух государствах, определяет разный объем понятий (в США этим термином обозначены все три вида токенов, а во Франции два – утилити-токен и криптовалюта). Во-вторых, криптовалютами в США, согласно данному выше определению, является «представление национальной валюты США...», в то время как законодательство Франции отрицает представление национальной валюты в такой форме, указывая, что такое «цифровое представление не имеет статуса валюты...». Соответственно, термины в этих государствах имеют одинаковое название («цифровые активы»), но различаются по смысловой нагрузке. Исходя из этого можно допустить ситуацию, когда одна и та же криптовалюта при квалификации по праву США будет признаваться цифровым активом, а при квалификации по праву Франции – нет.

Интересный подход правового регулирования к цифровым активам используется в Беларуси. Здесь Декретом Президента № 8 устанавливается термин «цифровой знак (токен)». Он определен как «запись в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе, которая удостоверяет наличие у владельца цифрового знака (токена) прав на объекты

¹ Crypto-Currency Act of 2020. – URL: [https://www.congress.gov/bills/116/congress/house-bills/6154/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22crypto-currency+act%22%5D%7D&r=1&s=2#:-:text=Introduced%20in%20House%20\(03%2F09%2F2020\)&text=To%20clarify%20which%20Federal%20agencies,assets%2C%20and%20for%20other%20purposes.](https://www.congress.gov/bills/116/congress/house-bills/6154/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22crypto-currency+act%22%5D%7D&r=1&s=2#:-:text=Introduced%20in%20House%20(03%2F09%2F2020)&text=To%20clarify%20which%20Federal%20agencies,assets%2C%20and%20for%20other%20purposes.) (дата обращения: 04.11.2020).

² Финансовый Кодекс Франции. Статьи L54-10-1 (в ред. от 24 мая 2019 г. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/article_lc/LEGIARTI000038509570/2020-10-14 (дата обращения: 29.12.2020).

гражданских прав и (или) является криптовалютой». Из этого определения можно сделать вывод, что цифровой знак (токен) в Беларуси – довольно широкое понятие. Оно может включать в себя утилити-токены, криптовалюту и токены-активы. Надо отметить, что обязательным признаком криптовалюты, согласно Декрету, является ее использование в качестве универсального средства обмена в международном обороте. Поэтому простого создания криптовалюты или определения выпущенных активов в качестве криптовалюты в документации ICO-проекта будет недостаточно для того, чтобы выпущенный актив действительно приобрел правовой статус криптовалюты, т. е. законодательство Беларуси использует термин «криптовалюта», но с весьма специфичным содержанием. Эта же особенность правового режима парка высоких технологий подчеркивается и в аналитических обзорах законодательства Беларуси¹. Таким образом, не всякий токен, выполняющий только платежную функцию, является криптовалютой. В большинстве юрисдикций такой критерий не используется. Поэтому можно столкнуться с ситуацией, когда термин «криптовалюта», имея одинаковое словесное выражение в нескольких юрисдикциях, по квалификации белорусского законодательства не будет признан криптовалютой ввиду несоответствия критерию универсального средства обмена в международном обороте.

Анализ зарубежного законодательства и используемых за рубежом терминов для обозначения видов ЦП приводит к выводу, что одни и те же явления могут быть известны в разном словесном выражении или различаться по объему понятия. Такие противоречия поднимают вопрос о проблеме квалификации юридических понятий, согласно нормам международного частного права. Как уже было указано выше, квалификация утилити-токена, криптовалюты или токена-актива по законодательству того или иного государства может иметь существенные юридические последствия.

В России для целей квалификации понятий применяется статья 1187 ГК РФ, где указано, что, «при определении права, подлежащего применению,

толкование юридических понятий осуществляется в соответствии с российским правом». Но рассмотренные выше термины «цифровой актив», «криптовалюта» и др. не известны российскому праву. Для таких случаев существует часть 2 статьи 1187 ГК РФ, которая гласит, что «если при определении права, подлежащего применению, юридические понятия, требующие квалификации, не известны российскому праву или известны в ином словесном обозначении либо с другим содержанием и не могут быть определены посредством толкования в соответствии с российским правом, то при их квалификации может применяться иностранное право». По мнению автора, хотя данные термины и не известны российскому праву, они могут быть истолкованы по российскому праву, так как в законодательстве закреплено их иное словесное выражение. Соответственно, значение таких терминов может быть определено российским правом, и их квалификация должна проводиться согласно отечественным нормам. Так, известным за рубежом понятиям *Initial Coin Offering (ICO)*, *payment tokens*, *utility tokens* и *token assets* корреспондируют следующие понятия из российского законодательства: выпуск цифровых прав, цифровая валюта, утилитарные цифровые права и цифровые финансовые активы соответственно. В абсолютном большинстве случаев классическая коллизионная привязка «закон страны суда» (*lex fori*) будет работать и в случае с классификацией данных терминов. Однако правовая неопределенность может возникнуть, когда обе юрисдикции ссылаются на свое национальное законодательство в целях квалификации понятий. Как было указано выше, такие квалификации в некоторых случаях могут быть противоречивы и давать разную правовую оценку различным явлениям.

Также стоит отметить, что, согласно статье 1187 ГК, в тех редких случаях, когда содержание выпущенного за рубежом токена не совпадает с тем содержанием, которое вложено отечественным законодательством, и это не позволяет провести надлежащую квалификацию по российскому праву, его квалификацию необходимо проводить по зарубежному праву.

¹ В Беларуси введен уникальный правовой режим для участников криптоэкономики. – URL: <https://www2.deloitte.com/>

Список литературы

1. *Алексеев А. П., Белых В. С.* Криптовалюта как цифровое представление стоимости: опыт Сингапура. Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 15 (7). – С. 180–187.
2. *Василевская Л. Ю.* Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 5. – С. 111–119.
3. *Глинщикова Т. В.* Проблема квалификации в международном частном праве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 4. – С. 221–223.
4. *Гузов А., Михеева Л., Новоселова Л.* Цифровые активы в системе объектов гражданских прав // Закон. – 2018. – № 5. – С. 16–25.
5. *Дмитриева Г. К.* Цифровые финансовые активы: проблемы коллизионного регулирования // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 5. – С. 120–128.
6. *Канашевский В. А.* Международное частное право. – М. : Международные отношения, 2016. – С. 117.
7. *Луткова О. В.* Расщепление статута в международном частном праве // Журнал Российского права. – 2016. – № 4. – С. 133–137.
8. *Нажинова Ю. А.* Цифровые права как объекты гражданского права // Форум молодых ученых. – 2019. – № 12. – С. 596–600

Цифровое право

М. Г. Терехов

инспектор отдела международного сотрудничества
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.
Адрес: ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В. Я. Кикотя»,
117997, Москва, улица Академика Волгина, д. 12.
E-mail: Maxxx47@inbox.ru

Digital law

M. G. Terekhov

Inspector of the International Cooperation Department
of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation named after V. Ya. Kikotya.
Address: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation named after V. Ya. Kikotya, 12 Street Akademika Volgina,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: Maxxx47@inbox.ru

Аннотация

В статье автор поднимает вопрос о современном этапе развития различных сфер общественных отношений в государстве. Новые процессы цифровизации в различных сферах жизни общества – достаточно дорогое и сложное экономико-правовое явление, которое необходимо интегрировать в существующую систему права. Процесс цифровизации общества в наши дни не является исключением. Развитие общественных отношений в Интернете, а также оборот цифровых объектов и предметов, которые используются исключительно в цифровой среде, указывают на существующие гражданско-правовые правоотношения с особой спецификой в рамках правового поля. Характерная взаимосвязь однородности цифровых правоотношений и гражданско-правовых правоотношений бесспорна, но существующие предпосылки развития феномена «цифровизация» внутри общества дают основания полагать, что с точки зрения экономики и права они самостоятельно формируют среду однородных цифровых правоотношений новой отрасли – цифрового права. На базе устоявшихся структурных экономико-правовых межотраслевых институтов в науке юриспруденции и экономики образуются новые межотраслевые институты. Процессы формирования, развития и ведения пользовательской деятельности в цифровой среде (сети Интернет) обуславливают потребность в формировании подробного теоретического представления о феномене нашего времени «цифровизация».

Ключевые слова: цифровые активы, цифровые правоотношения, отрасль права, гражданское право, цифровизация, «мертвое» право, цифровые финансовые активы, наука, технологическая революция, экономика, право, безопасность, межотраслевые институты права, научные исследования.

Abstract

In this article, the author raises the question of the current stage of development of various spheres of public relations in the state, the new processes of digitalization in various spheres of life for society is quite expensive and complex economic and legal phenomenon that needs to be integrated into the existing system of law. The process of digitalization of society today is no exception. The development of public relations on the Internet, as well as the turnover of digital objects and objects that are used exclusively in the digital environment, indicates the existing civil legal relations with special specifics within the legal field. Distinctive interplay of homogeneity digital relations and civil legal relations is undeniable, but any existing prerequisites for the development of the phenomenon of digitalization in society suggests that, from the point of view of Economics and law, independently form a homogeneous medium of digital relationships of a new industry - digital rights. On the basis of well-established structural economic and legal intersectoral institutes in the science of jurisprudence and economics, new intersectoral institutes are being formed. The processes of formation, development and management of user activity

in the digital environment (the Internet) determine the need for the formation of a detailed theoretical understanding of the phenomenon of our time "digitalization".

Keywords: digital assets, digital legal relations, branch of law, civil law, digitalization, dead law, digital financial assets, science, technological revolution, economics, law, security, intersectoral institutes of law, scientific research.

Наука на современном этапе развития общества переживает процесс формирования цифровой экономики. Однако ученые с определенными опасениями отражают в научных трудах процессы интеграции общества с цифровыми объектами в различных сферах жизни [5].

В отчете ЮНКТАД за 2019 г. содержится подробный анализ, свидетельствующий о глобализации процессов, связанных с развитием объемов интернет-трафика (в 1 500 раза к 2020 г.), что также указывает на дальнейшее развитие цифровых технологий¹.

Как отмечает М. В. Ершов, цифровизация общества остается по настоящее время terra incognita, своего рода «территорией неизведанного», а науке и государству, стоящих на заре цифровой эпохи, только предстоит найти ответы на многие вопросы [1].

В повседневную жизнь общества активно приносятся новые словосочетания, связанные с цифровыми технологиями.

Применение цифровых технологий обуславливает необходимость формирования новой области права – цифрового права. Одно из наиболее часто используемых понятий – «цифровые правоотношения граждан». На сегодняшний день это достаточно широкая сфера общественных правоотношений, формирующихся посредством появления новых правовых норм, регулирующих оборот цифровых объектов, использование цифровых данных и цифровых технологий в сети Интернет.

Цифровые правоотношения в рамках правового поля в настоящее время не имеют детального и уточненного законодательного закрепления. В свою очередь существующие нормы права не обладают практической реализацией (работающего правоприменения) при возникающих цифровых правоотношениях. В статье 141.1. ГК РФ² под цифровыми правами признаются названные в таком качестве законом обязательственные и

иные права, содержание и условия, осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу.

Государственная реализация Национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации» в рамках реализации Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» обуславливает тесную взаимосвязь между государственными федеральными проектами и программами по правовому регулированию цифровой среды³. Государство стремится тем самым выстроить единую законодательную экосистему правовых положений, регулирующих гражданско-правовые и цифровые правоотношения. Данный процесс по выстраиванию единой правовой экосистемы является достаточно явной предпосылкой к формированию отдельной отрасли права, которая объединит в себе множество межотраслевых институтов различных правоотношений с отличительным признаком «цифровое правоотношение», например, медицинское право, гражданское право, административное право, аграрное право, экономическое право и др.

Исходя из задач ряда реализуемых в настоящее время национальных проектов определяется, что экономическая и социальная сферы в России действительно постоянно испытывают необходимость в нормативно-правовом регулировании цифровых правоотношений граждан, государства и бизнеса. Основной причиной этих проблем является отсутствие достаточного правового обоснования цифровых отношений, в частности,

¹ Доклад о цифровой экономике. 2019. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/der2019_overview_ru.pdf

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 декабря 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 8 декабря 2020 г.).

³ Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921>

наиболее распространенного – оборота цифрового имущества, из которого выделяется межотраслевой институт цифровых активов, ставший неотъемлемой частью жизни, и которым ежедневно пользуется общество по формально сложившимся и установленным правилам в интернет-сервисах.

Логичным законодательным шагом стало принятие Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ именно в сфере регулирования оборота цифровых финансовых активов. Это еще раз подтверждает особую важность уделяемого государством внимания экономической безопасности граждан в развивающихся условиях цифровых правоотношений.

Экономико-правовой анализ данного Федерального закона предопределяет наряду с позитивными и негативные законотворческие тенденции. Так, в данном законе отсутствуют рабочие правовые механизмы регуляторного характера для оборота цифровых финансовых активов [8]. Вопрос рабочего законодательного регулирования цифровых правоотношений указывает на еще одну проблему, которая взаимосвязана с недостатком новых специалистов, имеющих сложную специфику в законотворчестве (навыки совмещенного характера: юридические, экономические, IT-познания в цифровой среде).

Для законодательной власти данная проблема хорошо прослеживается на примере Федерального закона № 259-ФЗ, а именно:

1) отсутствие систематизированного понимания теоретических истоков цифровых правоотношений, а также правовой природы формируемой и пока не признанной науки именуемой цифровым правом;

2) отсутствие определения гражданско-правового режима цифровых правоотношений.

Процессы цифровизации общества, несомненно, напрямую связаны с необходимостью законодательного закрепления гражданско-правового регулирования подобных правоотношений. В силу того, что в настоящий момент общество подвержено большому количеству угроз, связан-

ных с использованием оборота цифровых объектов и иных правоотношений цифрового характера, принадлежащих на праве частных договорных сделок, остро встает проблема необходимости быстрого закрепления рабочего правового режима для данной сферы правоотношений граждан. Государство вследствие этого стремится в самые короткие сроки придать гражданско-правовой режим данным правоотношениям.

Разрешение проблемы законодательного закрепления и регулирования принципиально новой сферы – цифровых правоотношений – поможет решить многие актуальные проблемы государственного механизма управления обществом в цифровой среде. Наиболее нуждающимися в развитии и проработке данной проблематики, безусловно, являются органы исполнительной и судебной власти при принятии процессуальных и иных решений в своей деятельности.

Причины и условия, создающие проблемы для законодательной власти по четкому разграничению законодательного закрепления гражданско-правового режима цифровых правоотношений в обществе, как для различных предметов цифрового права, так и для участников цифровых правоотношений, рассматриваемые на примере оборота цифровых финансовых активов, однозначно должны иметь цивилистические истоки. При исследовании сложившихся проблем в данной сфере правоотношений исходя из слабого и поверхностного теоретического понимания правовой природы цифровых правоотношений как с точки зрения экономики, так и с точки зрения права, предпосылки формирования самостоятельной отрасли права в системе права России, а также централизованного понимания феномена, который следует именовать цифровым правом, на сегодняшний день существенно затруднены из-за разрозненности научных мнений ученых в области гражданского права.

Для подробного теоретического рассмотрения обозначенной проблематики отсутствия единого мнения о цифровых правоотношениях в научных трудах отечественных ученых, а также употребления понятия цифрового права, необходимо выдвинуть аксиому.

¹ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении

изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – URL: <https://www.consultant.ru>

Сущность предлагаемой аксиомы заключается в том, что общественные отношения, складывающиеся в связи с оборотом цифровых объектов во всех сферах жизни так или иначе связаны с цифровой средой как одной из составляющих большой отрасли права. Данные правоотношения требуют особого и систематизированного понимания, создания специальной системы принципов в самостоятельной отрасли права. В первую очередь в научных трудах на тему цифрового права необходимо создать единую модель, которая будет органично дополняться и развиваться, помогая законодательным органам власти совершенствовать национальную нормативно-правовую базу.

В дополнение к приводимой аксиоме следует привести сформированное наиболее общее понятие *цифрового права*, которое основывается на анализе множества научных мнений и теоретических позиций в существующих научных трудах, а также личных умозаключениях автора. Цифровое право – это самостоятельная отрасль права (элемент системы права), которая представляет собой совокупность норм права, регулирующих однородную группу общественных отношений, возникающих в сети Интернет (цифровые правоотношения) как наиболее специфическую и особую черту этой отрасли права. Данную отрасль права можно охарактеризовать по ее *предмету* – во многом это цифровая среда и цифровые объекты, с появлением которых складываются правоотношения.

Предметом наиболее пристального анализа послужили схожие и систематизированные научные труды о цифровых правоотношениях, написанные А. А. Карцхия. Так, А. А. Карцхия определяет правоотношения, которые складываются в обществе в связи с оборотом цифровых объектов, особым институтом гражданского права, приводя

довод о сопоставлении с основными свойствами предмета гражданского права [2]. Данная позиция носит достаточно поверхностный характер с точки зрения устоявшихся теоретических постулатов теории государства и права. Сфера цифровых правоотношений, которые складываются в особой среде, говорит об основном признаке качественно однородной группы отношений, указывающем на самостоятельную отрасль права, а следовательно, не выдерживает подробной и аргументированной критики в настоящем научном труде автора, но позволяет развивать следующую научную мысль на основе первичных мнений А. А. Карцхия о достаточно схожем характере складывающихся правоотношений.

Однозначно сформулированное понятие цифрового права как самостоятельной отрасли права наводит на мысль о том, что данная отрасль права (цифровое право) содержит в себе совокупность собственных институтов, которые имеют особое значение для дальнейшего развития Российского законодательства в области цифровизации сфер общественной жизни. Особое внимание следует уделить цифровой экономике, которая, по мнению автора, тесно связана со всеми цифровыми правоотношениями (цифровым правом) в совокупности и играет в нем роль ключевого института права.

В частности, цифровые активы и иное цифровое имущество, включающее в себя цифровые договорные правоотношения (смарт-контракты и иное, например, устные сделки, которые возникают между физическими лицами в сети Интернет), имеет межотраслевой характер, интегрированный с гражданским правом, но является межотраслевым институтом цифрового права [4].

Список литературы

1. Ершов М. В. О некоторых проблемах цифровизации // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2019. – № 6. – С. 144–151.
2. Карцхия А. А. Цифровые права и правоприменение // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 2 (31). – С. 43–46.
3. Никонов В. А. Социальная вредность «мертвых» правовых норм и их ревизия в процессе мониторинга нормативных правовых актов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – № 2 (15). – С. 145–149.
4. Тумаков А. В., Терехов М. Г. Создание финансовых пирамид с использованием цифровых активов // Вестник экономической безопасности. – 2020. – № 3. – С. 91–94.
5. Ушакова Е. В., Ткаченко Д. Г. Цифровое право и цифровая экономика – дуэт во внешнеэкономической деятельности // Государственная служба и кадры. – 2020. – № 1. – С. 44–46.

Некоторые аспекты правового регулирования цифровых прав в зарубежных странах

Р. Х. Давыдов

аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: davydovnet@ya.ru

Some Aspects of the Legal Regulation of Digital Rights in Foreign Countries

R. Kh. Davydov

Post-Graduate Student of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: davydovnet@ya.ru

Аннотация

В современных условиях изучение норм цифрового права является актуальной проблемой на международной арене. Это связано с высокой степенью развития информационных технологий и массовых коммуникаций, а также популяризацией процесса глобализации в современном пространстве. Цифровые права – это обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются по правилам информационной системы, отвечающим установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу (статья 141.1 ГК РФ). Стоит отметить, что цифровые права как новый объект гражданских прав появился в результате развития киберпространства и информационных систем, причем такие права материализуются только в электронной форме в виде цифрового кода. Цель настоящей статьи – исследование правового регулирования цифровых прав в Российской Федерации и в зарубежных странах. Методология исследования – анализ научной литературы по заданной проблеме, а также практического зарубежного опыта. Автор рассматриваются вопросы внедрения цифровых прав в гражданское законодательство Российской Федерации, анализируется различная терминология цифровых прав, приводятся законодательные пробелы в сфере регулирования цифровых прав в отечественном праве.

Ключевые слова: объекты гражданских прав, цифровизация экономики, информационные системы, токены, криптовалюта, цифровые финансовые активы, цифровая среда, интернет-технологии, информационные технологии, электронная коммерция.

Abstract

In modern conditions, the research of digital law provisions is an urgent problem in the international arena. This is due to the sound development of information technology and mass-media, as well as the popularization of the process of globalization in modern space. Digital rights are obligations and other rights, which content and conditions of their realization are determined by the rules of the information system that meet the characteristics established by law. Implementation, order, including transfer, pledge, encumbrance of digital rights in other ways or restriction of the disposal of digital rights are possible only in the information system without contacting a third party (Article 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation). It should be noted that digital rights as a new object of civil rights appeared as a result of the development of cyberspace and information systems, and such rights are materialized only in electronic form in the form of a digital code. The purpose of this article is to study the legal regulation of digital rights in the Russian Federation and in foreign countries. Research methodology - analysis of scientific literature on a given problem, as well as practical foreign experience. The author examines the implementation of digital rights in the civil legislation of the Russian Federation, analyzes various terminology of digital rights, provides legislative gaps in the regulation of digital rights in domestic law

Keywords: objects of civil rights, digitalization of the economy, information systems, tokens, cryptocurrencies, digital financial assets, digital environment, internet technologies, information technologies, e-commerce.

Термин «цифровые права» часто употребляется в контексте построения национальной цифровой экономики. Сам термин «цифровые права» появился с развитием интернет-технологий.

В зарубежной практике цифровое право изначально рассматривалось в качестве некой совокупности разных правовых норм, а не в качестве отдельной отрасли права. Цивилисты считают, что институт цифровых прав динамично развивается вместе с информационными технологиями. В связи с этим сфера цифровых прав охватывает разные отрасли, начиная от защиты интеллектуальных прав и заканчивая отраслью информационной безопасности при обработке больших массивов данных.

Среди специалистов ведутся принципиальные споры, касающиеся отношений, связанных с цифровыми правами. Однако сфера цифровых прав в целом не подвергается изменениям из-за стремительного развития интернет-технологий. Кроме того, с развитием интернет-технологий появились новые положения законодательства и правовые институты, которые сегодня позволяют регулировать сферу передачи и обработки персональных данных, обеспечивают информационную безопасность пользователей Интернета.

Информационные технологии делятся по способу предоставления информации на аналоговые и цифровые. Сегодня широкое распространение получили именно цифровые технологии.

Под цифровым правом в зарубежной практике необходимо понимать совокупность правовых институтов и норм, с помощью которых регулируются отношения, выстраиваемые на основе использования цифровых технологий. Данные нормы не могут регулироваться при помощи какого-то одного метода, поскольку относятся к разным отраслям права. Цифровое право следует рассматривать в качестве расширяющегося правового образования, которое охватывает разные сферы взаимодействия человека с цифровыми сервисами и технологиями, начиная от электронных платежей и заканчивая сферой защиты прав потребителей.

При рассмотрении зарубежного опыта регулирования цифровых прав необходимо обратить внимание на действие Digital Economy Act 2010 в Великобритании¹, куда и входит правовое регулирование цифрового права. Указанный выше закон был принят парламентом Великобритании в 2010 г. (с дополнениями в 2017 г.).

В законе содержатся правовые нормы, которые касаются цифровизации экономики, предоставления государственных услуг в цифровом виде, защиты цифровых прав с использованием защищенных каналов для передачи данных, системы подтверждения электронных платежей и т. д. Закон обеспечивает защиту цифровых прав в отношении произведений и их несанкционированного копирования и распространения. В дополнениях к закону в 2017 г. предусмотрены положения, связанные с предоставлением услуг в цифровом виде, а также правовые нормы для регулирования отношений в рамках выстраивания электронных коммуникаций. Институт цифровых прав в Великобритании обеспечивает защиту пользователей Интернета от кражи их персональных данных, защиту авторских прав в отношении произведений, которые нелегальным образом могут копироваться и распространяться через Интернет.

В вышеуказанном законе приводятся механизмы правовой защиты, связанные с обменом данными, а также способы защиты государственных и общественных интересов с применением фильтров, блокировкой отдельных ресурсов и установлением запретов на торговлю определенными товарами через Интернет.

Аналогичный закон о цифровых правах действует во Франции. Принятие Закона от 7 октября 2016 г. № 2016-1321 «О цифровой республике»² совпало с разработкой государственной программы по построению цифровой экономики. После принятия закона о цифровой экономике потребовалось внести изменения в принятые ранее законы, которые тем или иным образом связаны с цифровым правом. В частности, с принятием закона механизмы защиты авторских прав были распространены и на те случаи, когда произведения

¹ Закон Великобритании «О цифровой экономике» (Digital Economy Act 2010). – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/24/contents/> (дата обращения: 07.02.2021).

² Закон от 7 октября 2016 г. «О цифровой республике». – URL: <https://www.legifrance.gouv.fr> (дата обращения: 07.02.2021).

незаконно копировались и распространялись через Интернет. Законом были внесены нормы правового регулирования электронной коммерции, изменены требования к предоставлению электронных услуг правительства и т. д.

Вместе с тем с принятием вышеуказанных законов система правового регулирования цифровых прав так и не стала совершенной. В частности, закон Франции о защите интеллектуальных прав хотя и предусматривает возможность обращения к судебной защите нарушенных прав, но не позволяет эффективно расследовать преступления, совершенные в киберпространстве. Трудности возникают с установлением личности нарушителя. Отследить цепочки распространения нелегально скопированного контента через Интернет практически невозможно. Притом что защита цифровых прав в отношении объектов интеллектуальной собственности гарантируется законом, на практике это не реализуется. Аналогичным образом обстоит дело и со сферой интернет-торговли. Так, торговля заграничными товарами осуществляется через сайты, зарегистрированные за рубежом, т. е. используются специальные программы для скрытия данных пользователя. Единственное, что могут французские власти сделать в отношении таких сайтов – это заблокировать их на территории страны [1]. Однако и на этот случай у нарушителей закона есть свои способы противодействия. Это использование многочисленных «зеркал» или системы переадресации с одного сайта на другой. Поэтому при использовании таких ресурсов французское правительство не может гарантировать гражданам защиту цифровых прав, а также не может закрыть доступ несовершеннолетних к заграничному контенту, который размещается на таких сайтах.

Проблему представляет и тот факт, что при взаимодействии с тем или иным интернет-ресурсом его владельцы получают доступ к данным пользователей пусть даже в обезличенном виде. Эти данные позволяют отследить местоположение пользователя, его пол, возраст, предпочтения в потреблении услуг и товаров и т. д. Многие из интернет-ресурсов даже не считают нужным уведомить пользователей о сборе таких данных, так как все это осуществляется в коммерческих целях. Краткий анализ французского законодательства позволяет

убедиться в существовании проблем, связанных с защитой цифровых прав, а именно с обеспечением защиты персональных данных.

В сфере экономики, построенной на основе электронных технологий, тоже существует конкуренция. Сегодня ни одно государство мира не может обеспечить эффективную защиту цифровых прав граждан и представителей бизнеса, связанных с соблюдением антимонопольного законодательства. Эта проблема продолжает усугубляться на фоне развития новейших технологий. Сложившиеся методы регулирования рынка практически бесполезны в отношении интернет-торговли.

Существенного прорыва в этой области удалось добиться США с принятием Digital Millennium Copyright Act¹, а также серии законов в сфере правового регулирования цифровых прав. Анализ основных правовых норм указывает на то, что на пользователей, покупающих товары в сети, распространяются те же нормы законов о защите прав потребителей, что и на обычных покупателей в магазине [1].

Товары, приобретенные через Интернет, можно вернуть, обменять, потребовать за них деньги обратно из-за низкого качества, несоответствия описанию и т. д. Более того, для защиты персональных данных пользователей используются зашифрованные каналы для передачи платежных данных, а также пользователи могут пройти двухфакторную авторизацию для подтверждения платежных поручений и т. д. Предусмотрены и правовые механизмы для защиты персональных данных. Если на интернет-ресурсе осуществляется сбор и хранение данных, то его владелец обязан уведомить нового пользователя об этом, предоставить в любое время возможность как запросить хранящиеся данные и совершаемые с ними действия, так и удалить их по требованию пользователя. Законом об электронном правительстве предусматривается возможность получения государственных услуг в электронном виде. Для этого гражданину США достаточно иметь идентификатор и доступ в Интернет [2].

Несмотря на то что к реализации закона об электронном правительстве были привлечены многие частные компании в сфере информационных технологий, ни одна из них не имеет доступа к

¹ Закон об авторском праве в цифровую эпоху (Digital Millennium Copyright Act). – URL: <http://thomas.loc.gov>. (дата обращения: 07.02.2021).

администрированию собираемых данных пользователей. Тем не менее утечки персональных данных пользователей в США случаются. Законом предусмотрена ответственность за допущение таких утечек. В зависимости от того, было ли преступление умышленным или намеренным, виновному лицу может быть назначен штраф или тюремный срок. При этом предусматривается возможность подачи частного иска от гражданина, чьи данные оказались в базе с открытым доступом. Совершенствованию системы правового регулирования цифровых прав в США мешает широкое использование анонимайзеров самими пользователями Интернета, а также регистрация доменных имен в других странах, которые не попадают под юрисдикцию США [5].

Вместе с тем систему защиты цифровых прав в США можно назвать наиболее развитой в сравнении со странами Европы, поскольку у государства больше функций для блокировки интернет-ресурсов. В качестве примера можно привести указы, принятые в период президентства Д. Трампа. Этими указами на территории США было заблокировано несколько приложений китайских компаний. Повод для блокировки оказался формальным – китайские интернет-компании собирают и хранят данные об американских пользователях. Блокировка указанных приложений подразумевает их удаление из магазина приложений, а также запрет на рассылку обновлений пользователям, у которых такие приложения уже установлены на мобильном устройстве.

В штате Делавэр пошли дальше и приняли закон о наследовании цифровых прав. Передавать по наследству можно аккаунты в социальных сетях и электронную почту. Унаследовать аккаунт в случае смерти или признания своего близкого человека недееспособным могут родственники. Аналогичный закон ранее был принят и в нескольких других штатах США. Однако речь пока не идет о возможности наследования всего цифрового имущества. В остальных странах мира доступ к цифровым устройствам прекращается со смертью человека [7].

Так, политикой американской социальной сети Facebook предусмотрено удаление аккаунта умершего родственника при получении доступа к его цифровым ресурсам или на его странице ставится галочка, указывающая на это. Несмотря на то что институт правового регулирования цифровых прав постоянно развивается, проблемы их защиты не исчезают. Например, в странах ЕС, где до сих пор

не выработано единой политики в отношении защиты цифровых прав, единственным способом защиты является обращение в судебные инстанции, однако и те не всегда могут оказать помощь.

В Германии в 2017 г. был создан фонд для защиты цифровых прав. Его основная задача – укрепление сотрудничества между теми, кто работает в области защиты цифровых прав.

Миссия фонда заключается в том, чтобы эффективнее использовать право на судебную защиту, когда дело касается цифровых прав гражданина. В настоящее время фонд функционирует как отдельная организация, совместная деятельность которой позволяет осуществлять обмен информацией и поддерживать судебные процессы в отношении тех компаний и частных пользователей, которые нарушают цифровые права других граждан.

После изучения международного опыта в правовом регулировании цифровых прав необходимо обратиться к анализу ситуации, сложившейся в России. В России, как и в других странах, есть потребность в правовом регулировании цифровых прав граждан. Под цифровыми правами здесь следует понимать совокупность прав, принадлежащих каждому человеку на использование связи, доступ к цифровым медиа и т. д.

В Федеральном законе от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» в Гражданском кодексе Российской Федерации дано определение цифровых прав: «Цифровые права – обязательственные и иные права, содержание и условия, осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу».

В качестве обладателя цифрового права признается то лицо, которое может распоряжаться таким правом. Без обращения к третьему лицу предусматривается возможность осуществлять это право, распоряжаться им и устанавливать обременение только в информационной системе. Для обеспечения эффективной защиты цифровых прав в России принят Федеральный закон от 1 мая 2019 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О связи” и Федеральный закон

«Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Им были внесены изменения в Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» и в Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В результате в систему правового регулирования цифровых прав был включен так называемый закон «О суверенном Рунете», которым предусматривается создание инфраструктуры и установка технических средств для функционирования российского сегмента Интернет в условиях изоляции.

Пока цифровые права не включены в систему общегражданских прав. Однако эксперты указывают на несовершенство правовых норм в части цифровых прав, что уже привело к проблемам в судопроизводстве. В соответствии с ФЗ-34 предусматриваются цифровые права не только в общем виде, но и в рамках осуществления предпринимательской деятельности, а также заключения договоров.

Ограниченная возможность защиты прав в цифровом пространстве является основной проблемой

для стран ЕС, США и Российской Федерации. В указанных странах популярный способ защиты – блокировка сайтов в сети Интернет. При этом если в США в отдельных штатах предусматривается возможность завещать цифровые права, то в России изначально предусматривается возможность провести сделку по продаже таких прав [4]. Возможность завещать цифровые права в России не предусмотрена. Отсутствие описания правовой природы смарт-контрактов в законах о цифровом пространстве является основной проблемой для России. У многих экспертов возникают вопросы по правам и обязанностям сторон сделки [4].

Таким образом, в Российской Федерации заложены лишь основы института правового регулирования цифровых прав. При этом во Франции и США этот институт уже выстроен и постепенно меняется с учетом появления новых информационных технологий. Общим для проанализированных стран является то, что защита цифровых прав осуществляется через суд. В сравнении с Германией в России пока нет общественных фондов, которые бы пытались бороться за эффективную защиту цифровых прав.

Список литературы

1. Андрюшин С. А. Технология распределенных реестров в финансовой сфере России // Банковское дело. – 2018. – № 2. – С. 4–14.
2. Белых В. С., Егорова М. А. Криптовалюта как средство платежа: новые подходы и правовое регулирование // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 2. – С. 140–147.
3. Бухонова Л. Р. Тенденции и перспективы развития конституционного права частной собственности в современном мире // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 1. – С. 50–57.
4. Давыдов Р. Х. Цифровые права как объект гражданского права // Экономика. Право. Общество. – 2020. – № 5 (3). – С. 18–22.
5. Касаткина В. В. Токен и криптовалюта: их понятие и взаимосвязь в цифровой экономике // Цифровые технологии в экономической сфере: возможности и перспективы : сборник научных статей. – Тамбов, 2017. – С. 22–25.
6. Савельев А. И. Правовая природа виртуальных объектов, приобретаемых за реальные деньги в многопользовательских играх // Вестник гражданского права. – 2014. – Т. 14. – № 1. – С. 127–150.
7. Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Правовая сущность новых цифровых активов // Закон. – 2018. – № 9. – С. 86–89.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2021-3-76-83>

**Сравнительный анализ правоотношений по компенсации ущерба,
причиненного правомерными действиями государственных органов,
и обязательств, возникающих из причинения вреда
в состоянии крайней необходимости**

Н. А. Малышева

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических
и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.
Адрес: ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В. Я. Кикотя»,
117997, Москва, улица Академика Волгина, д. 12.
E-mail: malysheva95@mail.ru

**Comparative Analysis of Legal Relations on Indemnification for Damage Caused
by Lawful Actions of State Bodies and Obligations Arising
from Causing Harm in a State of Extreme Necessity**

N. A. Malysheva

Adjunct of the Faculty for the Preparation of Scientific and Pedagogical and Scientific Personnel
of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after V. Ya. Kikotya.
Address: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
of Russian Federation named after V. Ya. Kikotya,
12 Academician Volgin Street, Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: malysheva95@mail.ru

Аннотация

Действующее гражданское законодательство регулирует правоотношения по компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов. Данные правоотношения имеют много общего с обязательствами, возникающими из причинения вреда в состоянии крайней необходимости. Автор отмечает необходимость разграничения указанных правоотношений, указывает на разнородность данных правовых конструкций. Предметом настоящего исследования выступают правовые нормы, образующие институт крайней необходимости в праве и регламентирующие порядок компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов. В исследовании автор использует общие и частные методы научного познания: анализ и синтез, индукцию и дедукцию, сравнение и аналогию. В статье впервые проведен сравнительный анализ правоотношений по компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов, и обязательств, возникающих из причинения вреда в состоянии крайней необходимости, что указывает на научную новизну проведенного исследования. Автор приходит к выводу, что в законодательстве существуют противоречия, влекущие последствия в виде смешения названных правовых явлений, и предлагает пути совершенствования законодательства.

Ключевые слова: гражданские правоотношения, возмещение вреда, чрезвычайные условия, обязательства вследствие причинения вреда, угроза, баланс интересов, социальное благо, обеспечение прав человека, доступ к правосудию, презумпция правомерности.

Abstract

The number of public relations regulated by civil legislation includes legal relations on compensation for damage caused by lawful actions of state bodies. These legal relations have much in common with obligations arising from causing harm in a state of extreme necessity. The author notes the need to distinguish these legal relations, points out the heterogeneity of these legal structures. The subject of this study is the legal norms that form the institution of extreme necessity in law and regulate the procedure for compensation for damage caused by lawful actions of state bodies. To solve these problems, the author uses general and specific methods of scientific knowledge:

analysis and synthesis, induction and deduction, comparison and analogy. The article presents for the first time a comparative analysis of legal relations on compensation for damage caused by lawful actions of state bodies and obligations arising from causing harm in a state of extreme necessity, which indicates the scientific novelty of the study. The author comes to the conclusion that there are contradictions in the legislation, entailing consequences in the form of a mixture of these legal phenomena, and suggests ways to improve the legislation.

Keywords: lawful actions, compensation for harm, emergency conditions, obligations due to harm, threat, balance of interests, social benefit, ensuring human rights, access to justice, presumption of legality.

Включение возможности компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов, в Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) стало причиной многочисленных научных дискуссий. В данной статье поговорим о разграничении рассматриваемых правоотношений от обязательств, возникающих из причинения вреда в состоянии крайней необходимости.

На первый взгляд обозначенные правоотношения имеют много общего. Но если их сопоставить, то становится ясно, что положения статей 16.1 и 1067 ГК РФ регулируют абсолютно разные виды правоотношений. Поэтому вопрос разграничения указанных групп правоотношений является принципиально важным, их смешение ведет к неправильному применению норм материального права.

Конституция Российской Федерации позволяет гражданам самостоятельно защищать свои права и свободы способами, не запрещенными законом¹. На основании этого ГК РФ допускает самозащиту гражданских прав способами, соразмерными их нарушению. Крайняя необходимость выступает одной из форм самозащиты гражданских прав и возникает тогда, когда нужно устранить опасность, угрожающую самому причинителю вреда или другим лицам, если эту опасность при данных обстоятельствах невозможно устранить иными средствами. Действуя в таких ситуациях, лицо может причинить вред здоровью или имуществу граждан, поэтому крайняя необходимость порождается коллизией двух правоохраняемых интересов [4. – С. 44–47]. Для восстановления баланса интересов законодатель предусмотрел возможность возмещения вреда, причиненного в состоянии крайней необходимости.

Наряду с этим причинение вреда правомерными действиями должностных лиц также обусловлено столкновением интересов: во имя спа-

сения более значимого интереса нарушаются менее значимые интересы в определенной обстановке. Правоотношения по компенсации причиненного ущерба правомерными действиями государственных органов могут быть сгенерированы, например, действиями Вооруженных сил Российской Федерации при пресечении террористического акта, либо при изъятии земельного участка для государственных или муниципальных нужд. Важно, чтобы возможность компенсации причиненного ущерба была закреплена законом.

Говоря о правоотношениях, регулируемых статьей 16.1 ГК РФ, не вызывает сомнений тот факт, что такие правоотношения возникают в результате только правомерных действий. Законом прямо предусмотрено, что компенсации подлежит ущерб, причиненный *правомерными* действиями государственных органов и органов местного самоуправления, чего нельзя сказать об обязательствах, возникающих вследствие причинения вреда в состоянии крайней необходимости. В статье 1067 ГК РФ не указано на правомерное условие возникновения данных правоотношений, притом что в классической доктрине гражданского права вред, причиненный в состоянии крайней необходимости, считается правомерным² [7. – С. 170]. Такое положение выстроено по аналогии с теорией уголовного права, где причинение вреда в состоянии крайней необходимости относится к условиям, исключающим преступность деяния. На сегодняшний день институт крайней необходимости носит межотраслевой характер, но это не значит, что свободно можно переносить правила регулирования отрасли публичного права в сферу частных правоотношений. Особенности предмета и метода правового регулирования предполагают специфику проявления института в той или иной отрасли права.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля

2020 г.) – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 24.12.2020).

² Гражданское право : учебник ; в 2 т / под ред. Б. М. Гонгало. – 2-е изд. перераб. и доп. – Т. 2. – М. : Статут, 2017. – С. 508.

В уголовно-правовом и гражданско-правовом аспекте крайняя необходимость освобождает лицо от юридической ответственности, т. е. от карательного воздействия. Как справедливо отмечают Е. В. Алферова и А. П. Москалец, «если уголовное право ставит на этом точку и отпускает лицо, которое действовало в состоянии крайней необходимости, то гражданское право имеет дело с неблагоприятными имущественными последствиями этого деяния» [1. – С. 23]. Для гражданского права важно реализовать восстановительную функцию путем определения лица, обязанного возместить негативные последствия. Указанная позиция максимально точно описывает соотношение института крайней необходимости в уголовном и гражданском праве.

В уголовном праве состояние крайней необходимости относится к одному из обстоятельств, исключающих преступность деяния, поэтому при его наличии лицо освобождается от любых юридических последствий. Это обусловлено тем фактом, что причинение вреда в состоянии крайней необходимости лишено главного признака преступления – общественной опасности, поскольку такие действия полезны для общества и морально оправданы. В свою очередь А. Н. Трайнин признавал данные действия правомерными, но общественно опасными [8. – С. 328]. По мнению автора, социально полезные действия не могут быть общественно опасными, поскольку положительно влияют на общественный порядок, что обусловлено жертвованием менее значимым благом. Такие действия направлены на минимизацию ущерба, а потому находят поддержку со стороны закона.

Столкнувшись с ситуацией крайней необходимости, лицо осознает наличие угрозы, избежать последствия которой можно только путем причинения вреда. Однако избежать негативных последствий не всегда возможно, поскольку причиняется вред менее значимым интересам.

Уголовный кодекс указывает, что причинение вреда в состоянии крайней необходимости не является преступлением. Поэтому такое поведение является правомерным и исключает наступление ответственности в случае соблюдения условий правомерности, т. е. если не нарушаются пределы крайней необходимости. Расставляя акценты

между правомерным поведением и его пределами, автор отмечает, что в первую очередь состояние крайней необходимости исключает преступность деяния, и только во вторую – допускает наступление уголовно-правовой ответственности. Исходя из этого следует, что причинение вреда в состоянии крайней необходимости в уголовном праве относится к числу правомерного поведения.

Как было определено выше, содержание понятия состояния крайней необходимости в гражданском праве раскрывается частично.

Гражданско-правовая сторона комплексного института крайней необходимости охватывает вопросы возмещения причиненного вреда, поэтому пределы правомерности вреда раскрываются в публичном праве. Особенностью отрасли гражданского права является его возмещающая, а не карательная направленность. Это обусловлено спецификой предмета гражданского права, к которому относятся имущественные отношения. Из анализа статьи 1067 ГК РФ следует, что по общему правилу вред, причиненный в состоянии крайней необходимости, подлежит возмещению. При этом между участниками возникают обязательственные правоотношения из причиненного вреда. И только суд исходя из обстоятельств при разрешении вопроса о причинении вреда в состоянии крайней необходимости может принять одно из следующих решений:

1) освободить причинителя вреда от возмещения вреда и возложить эту обязанность на лицо, в интересах которого действовал причинитель вреда;

2) уменьшить размер подлежащего возмещению вреда;

3) освободить от обязанности по возмещению вреда как причинителя вреда, так и лицо, в интересах которого он действовал¹.

При рассмотрении дела судом устанавливается правомерность или неправомочность действий, совершенных в условиях крайней необходимости. Только суд вправе освободить причинителя вреда от возмещения вреда. Однако изначально к возникшим обязательствам применим принцип генерального деликта, согласно которому причиненный вред считается противоправным, а причинитель вреда обязан его возместить.

¹ Внедоговорные охранительные обязательства = Non-Contractual Enforcement Obligations : учебное пособие / под ред. А. В. Головизнина. – М. : Юстицинформ, 2015. – С. 76.

На основании этого можно заключить, что состояние крайней необходимости в гражданском праве не предполагает безусловного освобождения причинителя вреда от возмещения. Состояние крайней необходимости в первую очередь подразумевает возмещение причиненного вреда, и лишь во вторую очередь лицо может быть освобождено от обязанности по возмещению вреда.

Кроме того, действия по причинению вреда в состоянии крайней необходимости нельзя презюмировать правомерными, таковыми их может признать только суд. В данном случае нельзя предполагать изначальную правомерность действий, как в случаях, предусмотренных статьей 16.1 ГК РФ.

Действия, генерирующие правоотношения, предусмотренные статьей 16.1 ГК РФ, напротив, предполагаются правомерными в силу того, что государство наделяет органы государственной власти правом на причинение вреда в целях достижения социального блага в определенных случаях. Зачастую при реализации служебной деятельности должностные лица государственных органов вынуждены прибегнуть к крайним мерам, действуя при этом в рамках закона, что вызвано спецификой их работы. Действуя в экстремальной ситуации, должностные лица государственных органов выполняют служебные обязанности, руководствуясь должностными инструкциями (регламентами), которые в свою очередь основаны на законе. Сталкиваясь с опасностью, представители государственных органов, так же как и в случаях крайней необходимости, пытаются избежать негативных последствий, что не всегда возможно. В определенных случаях представители власти вынуждены реализовать свое право на причинение вреда. Такое право является особенностью профессионального статуса должностных лиц государственных органов. Случаи возможности причинения вреда государственными органами строго определены законом, в связи с чем нельзя смешивать такие ситуации с состоянием крайней необходимости.

Закрепляя положение, позволяющее государственному органу причинить вред правоохраняемым интересам, законодатель заранее определяет поведение субъектов причинения вреда при

возникновении конкретных ситуаций и соглашается с возможными негативными последствиями. Поэтому можно констатировать некую предсказуемость возникновения правоотношений, предусмотренных статьей 16.1 ГК РФ. Так, в пункте 13 абзаца 2 статьи 30 Закона «О государственной границе Российской Федерации» сказано о том, что пограничные органы могут использовать транспортные средства, принадлежащие предприятиям, учреждениям, организациям, общественным объединениям, и в необходимых случаях – гражданам¹. Указанный закон называет конкретные случаи реализации данного права: для отражения вооруженных вторжений на территорию Российской Федерации, воспрепятствования незаконным массовым пересечениями государственной границы, проведения поисковых мероприятий, доставления лиц, подозреваемых в совершении правонарушений. Закон заранее определяет ситуации, при которых сотрудники могут воспользоваться правом на причинение вреда. Наличие и действительность перечисленных случаев позволяют сотрудникам пограничных органов использовать транспортные средства организаций в служебных целях с причинением вреда. При этом наличие в каждом конкретном случае обстоятельств, указанных в законе, будет охватываться признаком правомерности действий, а не условием крайней необходимости, чего нельзя сказать о возникновении обязательств, возникающих из причинения вреда в условиях крайней необходимости.

Само понятие «ситуация крайней необходимости» охватывает очень широкий спектр возможного поведения субъектов причинения вреда, поэтому невозможно описать в законе каждую конкретную ситуацию. Опасность может исходить как от сил природы, так и от животных, от неисправных механизмов, от физиологических экстремальных ситуаций и других явлений. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» связывает возникновение таких условий лишь

¹ Закон Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» (ред. от 27 декабря 2019 г.). – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 28.12.2020).

фразой «в целях устранения опасности»¹. Приведенная позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации представляется нам удачным и лаконичным решением объемного вопроса, так как характер возникшей опасности может быть различным и трудно определить четкие очертания для его описания.

При уяснении признаков рассматриваемых групп правоотношений следует помнить, что институт крайней необходимости представляет собой один из способов самозащиты прав граждан. Право на причинение вреда в состоянии крайней необходимости является субъективным правом каждого гражданина, поэтому субъектом причинения вреда может выступать любой гражданин независимо от наличия или отсутствия у него профессиональных навыков и умений. Право на самозащиту предусмотрено частью 2 статьи 45 Конституции Российской Федерации, поэтому причинение вреда в состоянии крайней необходимости выступает его частным случаем. В связи с этим представляется неверным рассматривать действия сотрудников полиции и других правоохранительных органов в состоянии крайней необходимости в качестве их правовых обязанностей [6. – С. 27]. Как уже было отмечено выше, закон не регулирует ситуации крайней необходимости, поэтому действия в состоянии крайней необходимости необоснованно называть профессиональной обязанностью. Профессиональные обязанности сотрудников государственных органов характеризуются четкой регламентацией их служебной деятельности, особенно в сфере правоохранительных органов. Это обусловлено спецификой выполняемых государственными органами функций, которые обеспечивают права и свободы граждан, а также властным характером их полномочий. В связи с этим автор считает более верным рассматривать совершение социально полезных действий в условиях крайней необходимости в качестве проявления активной гражданской позиции.

По утверждению Е. М. Гинц, правоотношения по компенсации ущерба вызваны чрезвычайной ситуацией, аналогичной условиям крайней необходимости. Аргументируя различия между рассматриваемыми правоотношениями, Е. М. Гинц находит возможность их разграничения в степени

противодействия угрожающей ситуации. В результате она приходит к выводу, что статьи 16.1 и 1067 ГК РФ имеют общий объект правового регулирования, в связи с чем причинение вреда, причиненного в условиях крайней необходимости, влечет возникновение правоотношений, предусмотренных статьей 16.1 ГК РФ, которая в свою очередь подлежит применению с учетом статьи 1067 ГК РФ [3. – С. 83–84].

Несмотря на явное наличие общих признаков правоотношений, предусмотренных статьями 16.1 и 1067 ГК РФ, их смешение, а тем более отождествление непозволительно для правоприменителя. Данные нормы права обеспечивают возможность лицу, которому был причинен вред, защитить свои права. Безусловно, данные правоотношения объединяет признак чрезвычайности ситуации, в условиях которой причиняется вред. Вместе с тем правовые нормы, предусматривающие возможность причинения вреда государственными органами, изначально содержат в себе элемент крайности ситуации, т. е. заранее предполагают наличие определенной опасности в этих ситуациях. Право на причинение вреда государственными органами обусловлено риском и опасностью реализуемой ими деятельности, в связи с чем санкционирование данного права априори является для государства крайней необходимостью. Иными словами, государство вынуждено наделять государственные органы полномочиями на причинение вреда для обеспечения прав и свобод граждан. Однако такие случаи носят единичный, исключительный характер и сопряжены с деятельностью конкретного государственного органа или должностного лица, в отличие от ситуаций крайней необходимости. Из вышеизложенного следует, что компенсировать такой ущерб необходимо на основании статьи 16.1 ГК РФ и специальной правовой нормы, дающей право причинять вред и обеспечивающей условие правомерности.

Такого же мнения придерживается и О. С. Черепанова, которая полагает, что обладание правом на причинение правомерного вреда является выполнением профессиональных функций государственных органов, а потому не должно охватываться условиями крайней необходимости [9. – С. 122–126]. Так, Федеральный закон «О пожарной

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или

здоровью гражданина». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.09.2020).

безопасности» от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ (далее – Закон) регулирует деятельность органов федеральной противопожарной службы (ФПС), поэтому сотрудники ФПС решают служебные задачи, руководствуясь его нормами, а не нормами УК РФ или ГК РФ. Для успешного тушения пожаров и проведения аварийно-спасательных работ Закон допускает, чтобы сотрудники подразделений пожарной охраны могли проникать в места распространения опасных факторов пожара; создавать условия, препятствующие распространению пожаров; использовать средства связи, транспорт, оборудование собственника; приостанавливать деятельность организаций в зоне пожара и т. д.¹ Из указанных положений Закона очевидно, что деятельность ФПС связана с чрезвычайными обстоятельствами, описание которых не подлежит закреплению в тексте законодательства в силу их непредсказуемости. Поэтому причинение вреда в таких ситуациях охватывается понятием крайней необходимости. Важно отметить, что личный состав пожарной охраны, действовавший в условиях крайней необходимости, освобождается от возмещения причиненного ущерба, что также подтверждает отсутствие возможности обратиться к норме статьи 16.1 ГК РФ. Здесь же следует вспомнить общее правило, установленное статьей 1067 ГК РФ, согласно которому лицо, причинившее вред в условиях крайней необходимости, обязано возместить вред. Налицо противоречие специальной и общей норм права.

Таким образом, мы усматриваем два вида противоречий, существующих между нормами специального законодательства и положениями ГК РФ:

1. Для первого вида коллизии характерно наличие в норме специального законодательства права на причинение вреда и указание на возможность компенсации причиненного ущерба. В таком случае нет специального условия возникновения правоотношений в виде ситуации крайней необходимости. Классическим примером выступает норма, закрепленная в части 2 статьи 18 Федерального закона «О противодействии терроризму», в соответствии с которой, вред, причиненный при пресечении террористического акта правомерными действиями, возмещается за счет средств федерального бюджета в установленном

Правительством Российской Федерации порядке². Норма содержит признак правомерности действий и закрепляет возможность возмещения причиненного вреда. Вместе с тем из положений закона не вытекает, что такие действия совершены в условиях крайней необходимости. В этом случае компенсировать причиненный ущерб необходимо на основании статьи 16.1. Интересной представляется позиция Е. В. Кармановой, по мнению которой вред, причиненный правомерными действиями при пресечении контртеррористической операции, должен возмещаться по правилам крайней необходимости [5. – С. 159]. Однако если руководствоваться правилами крайней необходимости при решении каждого вопроса о возмещении правомерно причиненного вреда, то статья 16.1 ГК РФ будет «лишней нормой» в ГК РФ. При подобном решении вопроса существование данной нормы абсолютно нецелесообразно, так как все случаи причинения вреда правомерными действиями можно подвести к случаям крайней необходимости.

2. Второй вид противоречий характеризуется наличием указаний в тексте закона на условия возникновения правоотношений в виде крайней необходимости и положения на невозможность возмещения причиненного вреда. Наличие такого противоречия связано с несовершенством механизма правового регулирования и негативно сказывается на защите прав граждан и юридических лиц.

Указанные группы противоречий, по нашему мнению, – результат отсутствия понимания существования разных видов правоотношений, а также отсутствия эффективного механизма реализации прав граждан на компенсацию ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов.

Вместе с тем нельзя полностью нивелировать значение института крайней необходимости в профессиональной деятельности государственных органов. На сегодняшний день закон строго ограничивает случаи причинения вреда правомерными действиями государственных органов. Институт крайней необходимости охватывает максимально широкий круг обстоятельств, угрожающих жизни и здоровью, который значительно больше случаев компенсации ущерба. Было бы неверным лишать должностных лиц права на самозащиту.

¹ Федеральный закон «О пожарной безопасности» от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ (последняя редакция). – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 04.09.2020).

² Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. от 18 марта 2020 г.) – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.09.2020).

Должностные лица в первую очередь являются обычными гражданами, а потому вправе реализовывать свои конституционные права. Однако представители государственных органов сталкиваются с ситуациями крайней необходимости в силу служебных обязанностей. Ввиду этого закон освобождает их от ответственности в виде возмещения вреда.

Законодательство должно обладать таким механизмом реализации прав, чтобы граждане, перенесшие негативные последствия от правомерных действий со стороны государства, могли также непринужденно компенсировать ущерб, каким непринужденным образом он и был причинен. Только при наличии такого механизма статья 16.1 ГК РФ обретет смысл: государство добровольно предоставляет гражданам возможность компенсировать ущерб, без причинения которого его деятельность лишается эффективности. Гармоничное сочетание интересов, по сути, является основной проблемой права, а его достижение обеспечивается различными средствами [2. – С. 186]. В данном случае средством достижения баланса интересов могут выступать согласованные нормы законодательства. Создаваемые в стране условия взаимного доверия государства и общества, предусмотренные статьей 75.1 Конституции Российской Федерации, не могут быть реальными без создания соответствующей правовой базы. Включение же статьи 16.1 ГК РФ в текст ГК РФ способствует положительному восприятию гражданами деятельности законодателя и активизирует их правовую сознательность. В связи с этим правовая база государства должна отвечать требованиям времени.

По мнению автора эффективности реализации положений статьи 16.1 ГК РФ способствовало бы принятие Постановления Правительства Российской Федерации «Порядок компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, а также иных лиц, которым государством делегированы властные полномочия». Постановление должно содержать перечень случаев причинения

вреда правомерными действиями государственных органов, подлежащих компенсации, так как на сегодняшний день ни нормы ГК РФ, ни федерального законодательства не содержат указание на то, в каких случаях ущерб, причиненный правомерными действиями государственных органов, подлежит компенсации. Указанное обстоятельство существенно затрудняет доступ граждан к правосудию. В основу такого Постановления должны лечь положения Постановления Правительства Российской Федерации от 13 октября 2008 г. № 750 «О порядке выделения бюджетных ассигнований из резервного фонда Правительства Российской Федерации по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и последствий стихийных бедствий»¹ путем метода поглощения. В этом же Постановлении разумным было бы прописать процедуру компенсации причиненного ущерба, поскольку в действующем ГК РФ порядку возмещения посвящена лишь часть 3 статьи 1064 ГК РФ.

Стоит отметить, что рассматриваемые группы правоотношений отличаются не только по субъекту причинения вреда, но и по стороне, ответственной за причинение вреда. В случаях правомерного причинения вреда государственными органами ответственной стороной выступает государство в лице Министерства финансов, т. е. фактический причинитель вреда, которым выступает должностное лицо, не совпадает с ответчиком. Если же вред причинен в ситуации крайней необходимости, правоотношения вследствие причинения вреда могут складываться как между потерпевшим и причинителем вреда, так и между потерпевшим и третьим лицом, в интересах которого действовало лицо, причинившее вред.

Таким образом, можно заключить, что правоотношения по компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов, – это специфическая группа гражданских правоотношений, ранее известная гражданскому праву лишь в единичных проявлениях. Статьи 16.1 и 1067 ГК РФ имеют разные условия возникновения и относятся к разным правовым конструкциям. Разграничивать данные группы правоотно-

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 13 октября 2008 г. № 750 «О порядке выделения бюджетных ассигнований из резервного фонда Правительства Российской Федерации по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и последствий стихийных бедствий (вместе с «Правилами выделения бюджетных ассигнований из

резервного фонда Правительства Российской Федерации по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и последствий стихийных бедствий») (ред. от 17 августа 2010 г.) // Российская газета. – 2008. – № 220.

шений очень важно с методологической точки зрения. Только зная юридическую природу правоотношения, можно найти общую логику разрешения гражданских дел определенной категории. При возникновении правоотношений по компенсации

ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов, необходимо руководствоваться статьей 16.1 и специальной правовой нормой. Ссылка на статью 1067 ГК РФ недопустима, поскольку в данном случае происходит смешение разных правовых конструкций.

Список литературы

1. Алферова Е. В., Москалец А. П. Обязательства вследствие причинения вреда // Серия «Правовые знания» – Вып. 7. – М. : ВНИИ ГОЧС. 2000.
2. Булавский Б. А. Влияние интеграционных процессов на развитие частного права // Поиск баланса частных и публичных интересов в решениях международных и национальных судов : материалы Международной научно-практической конференции, Москва – Суздаль, 4–6 июня 2012 г. / ред. Т. Н. Нешатаева, С. С. Сафронова, А. В. Попова. – М. : Российская академия правосудия, 2013.
3. Гинц Е. М. Возмещение вреда, причиненного правомерными действиями государственных органов : дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2014.
4. Зайцева Т. С. Вопросы юридической оценки действий, совершенных в состоянии крайней необходимости // Проблемы современной науки и образования. – 2017. – № 31 (113). – С. 44–47.
5. Карманова Е. В. Обязательства вследствие причинения вреда правомерными действиями в российском гражданском праве : дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2012.
6. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / под ред. В. И. Радченко. – М., 1994.
7. Садиков О. Н. Убытки в гражданском праве Российской Федерации. – М. : Статут, 2009.
8. Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. – М., 1957.
9. Черепанова О. С. Возмещение и компенсация вреда, причиненного правомерными действиями правоохранительных органов // Алтайский юридический вестник. – 2016. – № 1 (13). – С. 122–126.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2021-3-84-90>

Особенности правовой политики врачебной тайны в отношениях суррогатного материнства

И. М. Вильгоненко

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Института сервиса, туризма и дизайна (филиал) Северо-Кавказского федерального университета.
Адрес: ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставропольский край, город Пятигорск, улица Партизанская 1Б, корпус 3.
E-mail: vil-irina-m@yandex.ru

Ю. Н. Слепенюк

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института сервиса, туризма и дизайна (филиал) Северо-Кавказского федерального университета.
Адрес: ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставропольский край, город Пятигорск, улица Партизанская 1Б, корпус 3.
E-mail: slep.80@mail.ru

Г. В. Станкевич

доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса Пятигорского государственного университета.
Адрес: ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», Ставропольский край, город Пятигорск проспект Калинина, д. 9.
E-mail: stankevichg@rambler.ru

Features of the Legal Policy of Medical Secret in Relations of Surrogate Maternity

I. M. Vilgonenko

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Civil Law and Process of the Institute of Service, Tourism and Design (branch)
of the North Caucasus Federal University.
Address: North Caucasian Federal University, Stavropol Territory,
Pyatigorsk, Partizanskaya Street 1B, Building 3. Russian Federation.
E-mail: vil-irina-m@yandex.ru

J. N. Slepenuk

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Civil Law and Process of the Institute of Service, Tourism and Design (branch)
of the North Caucasus Federal University.
Address: North Caucasian Federal University, Stavropol Territory,
Pyatigorsk, Partizanskaya Street 1B, Building 3. Russian Federation.
E-mail: slep.80@mail.ru

G. V. Stankevich

Doctor of Political Science, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Pyatigorsk State University
Address: Pyatigorsk State University, Stavropol Territory,
Pyatigorsk, Kalinin Avenue, 9. Russian Federation.
E-mail: stankevichg@rambler.ru

Аннотация

Возрастающая роль суррогатного материнства в современном мире, и как следствие, необходимость морально-правовой адаптации этого института в Российской Федерации обусловили актуальность рассмотрения вопросов, связанных с врачебной тайной субъектов правоотношений суррогатного материнства. Целью исследования явилось выявление пробелов, существующих в сегодняшнем подходе к режиму врачебной тайны сторон в правоотношениях суррогатного материнства. В ходе исследования были сделаны выводы о невозможности реализации в полной мере права человека на врачебную тайну при проведении процедуры лечения бесплодия вспомогательными репродуктивными технологиями. Продиктовано это, во-первых, необходимостью постоянного информационного обмена между потенциальными родителями, суррогатной матерью и медицинской организацией, без которого не может быть достигнут максимально положительный результат процедуры суррогатного материнства, во-вторых, размытием границ врачебной тайны каждого из обратившихся супругов ввиду того, что в данном правоотношении они выступают в качестве единого субъекта – пациента. Практическая значимость данного исследования: устранение одного из пробелов в регулировании нового, одного из сложнейших в современной юридической доктрине института суррогатного материнства. Авторами сделаны следующие выводы: понятие врачебной тайны в суррогатном материнстве модифицировалось и отражает права участников данных отношений, права супругов на врачебную тайну слились в единое целое на базе общего статуса пациента в лечении бесплодия с применением метода суррогатного материнства.

Ключевые слова: пациент, суррогатная мать, генетические родители, репродуктивное право, медицинская организация, прерывание беременности.

Abstract

The increasing role of surrogate motherhood in the modern world, and the need for the moral and legal adaptation of this institution in the Russian Federation as its result, determined the relevance of considering issues related to medical secrecy of subjects of legal relations of surrogate motherhood. The goal was to identify gaps that exist in today's approach to the regime of medical secrecy of the parties in the legal relationship of surrogate motherhood. In the course of the study, conclusions were drawn about the impossibility of fully implementing the human right to medical confidentiality during the infertility treatment procedure by assisted reproductive technologies. This is dictated, firstly, by the need for constant information exchange between potential parents, the surrogate mother and the medical organization, without which the most positive result of the surrogate motherhood procedure can be achieved, secondly, by blurring the medical secrecy of each of the spouses who applied, due to that in this legal relationship they enter as a single subject - the patient. The practical significance of this study: the elimination of one of the gaps in the regulation of the new, one of the most complex in modern legal doctrine, the institution of surrogate motherhood. Conclusion: the concept of medical secrecy in surrogacy has been modified and reflects the rights of participants in these relationships, the rights of spouses to medical secrecy have merged into a single whole on the basis of the general status of the patient in the treatment of infertility using the surrogacy method.

Keywords: patient, surrogate mother, genetic parents, reproductive law, medical organization, abortion.

Суммарный коэффициент рождаемости в Российской Федерации на 2002 г. составил 1,195, 2007 г. – 1,502, 2017 г. – 1,621. Демографическая картина, безусловно, неразрывно связана с социально-экономическими, политическими и культурологическими процессами, протекающими в обществе. Однако было бы несправедливо не отметить особую роль в наблюдающейся положительной динамике рождаемости научного прогресса, позволяющего сегодня людям по определенным причинам самостоятельно не способным к продолжению рода, преодолеть такую болезнь, как бесплодие.

Семья – социальный институт, базовая ячейка общества, основными функциями которой явля-

ются репродуктивная, хозяйственно-экономическая, коммуникативная, регенеративная. Немалозначимым фактором для семейных отношений выступает возможность реализации репродуктивной функции семейной пары.

Свобода репродуктивного выбора представляет собой эвентуальность ответственного решения супружеских пар и отдельных лиц, относительно количества детей, временного промежутка между рождением, а также обладание с этой целью требуемой информацией и средствами. Тем не менее имеют место случаи, когда здоровье не позволяет распорядиться своими репродуктивными правами.

На сегодняшний день медицина способна предоставить человеку широкий спектр средств

для управления собственной фертильностью, активно применяя вспомогательные репродуктивные технологии. Как следствие, это приводит к появлению новых общественных отношений, правовых конструкций, презумпций.

Новизна и уникальность таких правоотношений, как суррогатное материнство, порождает необходимость развития права и устранения пробелов, противоречий в данной области с целью защиты прав и законных интересов соответствующих субъектов.

Законодательство Российской Федерации закрепляет за каждой женщиной право на искусственное прерывание беременности, что по некоторым оценкам является показателем степени демократичности общества¹. Однако, рассматривая данный вопрос в рамках института суррогатного материнства, нельзя не отметить такой законодательный пробел относительно права суррогатной матери, как возможность прервать договорные отношения по вынашиванию ребенка до 12 недель беременности. Поскольку после удачного проведения процедуры переноса эмбрионов со стороны суррогатной матери возможно недобросовестное выполнение соглашения, а именно: шантаж биологических родителей прерыванием беременности в случае невозможного повторного внешнего оплодотворения, либо неспособностью одного из родителей к репродукции. Как правило, генетическими родителями выступают граждане, прошедшие длительное лечение заболевания бесплодия, поэтому сам факт развития эмбриона для них является удачей. На наш взгляд, урегулировать такого рода казусы возможно лишь, дополнив закон нормой о возможности суррогатной матери прервать беременность исключительно по медицинским показаниям, при наличии угрозы жизни и здоровью, что подтверждается заключением медицинской организации, осуществляющей процедуру суррогатного материнства. Таким образом, ответственность и обязанности медицинской организации требуют более детального закрепления. Безошибочная и своевременная реакция со стороны врачей будет играть важную роль в разрешении вопроса прерывания беременности. Достигнуть высокой эффективности данного метода возможно при всесторонней и полной информированности медицинской организации о состоянии

суррогатной матери и протекающих в ее организме процессах.

Специфика природы института суррогатного материнства предопределяет особенности его субъектного состава и целевого предназначения, при этом неотъемлемой частью является перманентный обмен информацией между потенциальными биологическими родителями и суррогатной матерью. В большинстве своем данный обмен подразумевает предоставление суррогатной матерью данных о себе и своем здоровье. Можно выделить два основных этапа такого информационного обмена:

1. Сбор родителями информации о суррогатной матери с учетом положений законодательства и собственных предпочтений. Как правило, запрашиваемая родителями информация охватывает более широкий спектр данных, чем законодатель устанавливает в качестве необходимого. Это вызвано, с одной стороны, желанием родителей узнать подробности о состоянии здоровья потенциальной матери, с другой стороны, абстрактным и не конкретизированным требованием законодателя о предоставлении медицинского заключения, отсутствием разъясняющих и уточняющих положений относительно последнего. При несогласии суррогатной матери на предоставление тех или иных медицинских сведений последует отказ от рассмотрения ее кандидатуры. Практика прохождения суррогатной матерью дополнительных медицинских процедур активно реализуется по всему миру. Так, в США потенциальные родители совместно с консультирующим врачом определяют список процедур и анализов, которые должна пройти суррогатная мать. И уже по их результатам пара самостоятельно решает, подходит ли им та или иная кандидатура. В договоре также обозначен перечень требуемых обследований с обязательной периодичностью на каждую процедуру имплантации эмбриона [9].

2. Непосредственно процедура суррогатного материнства, при проведении которой генетические родители в полной мере должны быть осведомлены относительно интересующих их вопросов, касающихся здоровья суррогатной матери. Более того, договором суррогатного материнства может быть предусмотрена возможность предоставления заказчику (биологическим родителям)

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 2 июля 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

полной информации о состоянии здоровья суррогатной матери.

Исходя из вышеизложенного возникает вопрос как теоретического, так и практического характера о правовом режиме подобной информированности о состоянии здоровья суррогатной матери.

Одним из нормативно-правовых актов, регулирующих суррогатное материнство в Российской Федерации, является Приказ Минздрава России от 30 августа 2012 г. № 107н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (зарегистрировано в Минюсте России 12 февраля 2013 г. № 27010), которым был утвержден одноименный Порядок использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказания и ограничения к их применению (далее – Порядок использования ВРТ)¹.

Согласно пункту 2 Порядка использования ВРТ: «Вспомогательные репродуктивные технологии представляют собой методы лечения бесплодия, при применении которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма». Следовательно, выступая в качестве способа вспомогательных репродуктивных технологий, суррогатное материнство является одним из методов лечения бесплодия у биологических родителей. В связи с тем, что врачебная тайна, гарантируемая каждому гражданину, является неотъемлемой частью любого вида лечения, то соотношение таких категорий, как суррогатное материнство и врачебная тайна представляется неоднозначным.

Врачебную тайну в соответствии со статьей 13 Закона об основах охраны здоровья составляют сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении². Информация о здоровье суррогатной матери является врачебной тайной, охраняемой законом. Будущие родители, которые обратились в медицинское учреждение, тоже являются пациентами, имеющими право на врачебную тайну. В том слу-

чае, если обратилась супружеская пара, то каждому из супругов гарантируется врачебная тайна. Таким образом, рассматривая отношения суррогатного материнства в соответствии с буквальным толкованием закона, режим врачебной тайны для каждого из субъектов будет самостоятельным, персонализированным и изолированным от других.

На наш взгляд, применение подобного формального подхода идет вразрез с идеей суррогатного материнства ввиду того, что на протяжении беременности мать и ребенок неразрывно связаны между собой, и какие бы то ни было изменения будут соответственно отражаться на каждом из них. Состояние матери, ее здоровье напрямую будут воздействовать на состояние ребенка в утробе, а возможные ухудшения состояния ребенка – оказывать влияние на самочувствие матери в целом. Из чего следует, что желание потенциальных родителей заботиться о суррогатной матери и обеспечить все условия для нормального развития своего ребенка, включая медицинские, являются очевидными. Для достижения этой цели необходима полная информированность о состоянии здоровья суррогатной матери.

В связи с этим предполагается, что суррогатное материнство представляется возможным лишь в условии непрерывного информационного обмена, в том числе и сведениями, относящимися к категории врачебной тайны, на протяжении всего периода суррогатного материнства – от первого этапа – выбора суррогатной матери, до момента передачи ребенка генетическим родителям.

Часть 4 статьи 13 Закона об основах охраны здоровья определяет перечень случаев, при которых лица, осуществляя свою профессиональную деятельность, и, соответственно, имеющие доступ к врачебной тайне, имеют право без согласия пациента и его законного представителя предоставить некоторые данные.

Согласно статье 55 Конституции Российской Федерации, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя,

¹ Приказ Минздрава России от 30 августа 2012 г. № 107н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» // Российская газета. Спецвыпуск. – 2013. – № 78/1. – 11 апреля.

² Федеральный закон № 323-ФЗ от 21 ноября 2011 г. (ред. от 2 июля 2021 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.

нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства¹.

Следовательно, указанный в статье 13 Закона об основах охраны перечень имеет закрытый характер и не подлежит расширенному толкованию. Сведения о здоровье суррогатной матери не могут быть разглашены, руководствуясь указанными в законе основаниями, даже в случае ее связи с потенциальными родителями обязательственными отношениями договора суррогатного материнства. Здесь же предусматривается возможность раскрытия сведений, составляющих врачебную тайну с письменного согласия самого гражданина или его законного представителя². Предоставляя право гражданину самостоятельно распоряжаться своей личной информацией, законодатель оставил открытым список целей, для реализации которых может быть дано согласие.

Таким образом, законодатель позволяет потенциальным родителям преодолеть установленный запрет на раскрытие информации, составляющей сведения о состоянии здоровья суррогатной матери, но только с ее письменного согласия. По нашему мнению, сам факт возникновения правоотношений, связанных с суррогатным материнством, должен служить основанием для права генетических родителей иметь доступ к информации о состоянии здоровья суррогатной матери, представляющей собой врачебную тайну.

Институт врачебной тайны – сложная юридическая структура, которая обеспечивает стабильность и защищенность социального статуса гражданина при его обращении за помощью в медицинское учреждение. В связи с этим врачебную тайну целесообразно рассматривать как в правовом, так и этическом аспектах. Не вызывает сомнений то, что врачебная тайна является личным неимущественным правом гражданина. Одной из целей врачебной тайны является предоставление пациенту возможности обеспечения конфиденциальности на протяжении всего процесса его лечения. Это является составной частью тайны личной

жизни гражданина. Ограничение личных прав допускается в исключительных случаях и только в строгом соответствии с законом.

Законодатель дает возможность нарушить ограничение на распространение врачебной тайны только в одном случае, а именно при невозможности обеспечить достижение цели лечения без разглашения этой информации. Лица, которые обязаны защищать права и законные интересы социально незащищенных граждан, являющихся пациентами, могут быть допущены к врачебной тайне в целях обеспечения лечения этих пациентов ввиду невозможности осуществления последними своих прав самостоятельно. В результате такое разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, лишь в незначительной степени ущемляет права пациента.

Как было сказано выше, суррогатное материнство является одним из способов лечения бесплодия у генетических родителей. В этом процессе суррогатной матери отводится роль посредника, с помощью которого обеспечивается возможность лечения генетических родителей, а не пациента, которому оказывается лечение. То есть в правоотношениях суррогатного материнства, по сути, пациентами являются генетические родители.

Вместе с тем необходимо учитывать тот факт, что на протяжении всего процесса вспомогательной репродуктивной технологии основная часть необходимых медицинских процедур и непосредственно сама беременность возложены на суррогатную мать, следовательно, именно она обладает неоспоримым и неотъемлемым правом на врачебную тайну, и это право не может быть ограничено или нарушено в произвольном порядке.

На наш взгляд, в связи с тем, что правоотношения между суррогатной матерью и генетическими родителями представляют собой один из этапов лечения бесплодия у генетических родителей, то это является основанием допуска генетических родителей к врачебной тайне суррогатной матери. В связи с этим раскрытие генетическим родителям сведений, относящихся к врачебной тайне суррогатной матери, может быть обусловлено:

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ; с учетом поправок от 1 июля 2020) г. // Российская газета. – 2020. – 4 июля.

² Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 2 июля 2021 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.

1) необходимостью – правоотношение суррогатного материнства может осуществляться лишь при согласии на разглашение, в противном случае оно будет фактически невозможным;

2) контролируемостью – четко очерчен круг лиц, которые получают право доступа к врачебной тайне;

3) соразмерностью – разглашение врачебной тайны происходит лишь в объеме, необходимом для реализации процесса суррогатного материнства.

Таким образом, представляется двойственным ответ на вопрос, кто же будет считаться в данных правоотношениях пациентом – суррогатная мать или генетические родители, и кому в этом случае будет принадлежать право врачебной тайны при лечении бесплодия с помощью применения метода суррогатного материнства. В правоотношениях, где одинокая женщина выступает заказчиком при применении технологии суррогатного материнства, отсутствует любая неясность, так как именно генетическая мать выступает в качестве пациента. Однако супружеские пары состоящие или не состоящие в браке, согласно законодательству, также имеют право на проведение процедуры суррогатного материнства. Именно в этом случае возникает двойственность в понимании вопроса, кто же будет пациентом.

Как было упомянуто выше, в соответствии с частью 1 статьи 55 Закона об основах охраны здоровья и пунктом 1 Порядка использования ВРТ, методами лечения бесплодия являются вспомогательные репродуктивные технологии.

Под лечением законодатель понимает комплекс медицинских вмешательств, выполняемых по назначению медицинского работника, целью которых является устранение или облегчение проявлений заболевания или заболеваний либо состояний пациента, восстановление или улучшение его здоровья, трудоспособности и качества жизни; где в свою очередь под пациентом понимается физическое лицо, которому оказывается медицинская помощь или которое обратилось за оказанием медицинской помощи независимо от наличия у него заболевания и от его состояния. Как следует из данного определения, в качестве пациента выступает физическое лицо, которому оказывается лечение. Однако с развитием науки и внедрением в жизнь общества новых технологий, появляются новые правоотношения, которые требуют пересмотра некоторых положений. Напри-

мер, в правоотношениях с применением технологии суррогатного материнства указание на пациента как на единственное физическое лицо будет неточным и неправильным.

В соответствии с задачей, которую собственно и должно решать суррогатное материнство – лечение бесплодия семейной пары – пациентом будет выступать семейная пара.

В законодательстве семья в большей степени определяется как одна из характеристик статуса определенного лица, а не в качестве единого субъекта правоотношений. Независимо от причины, мужское или женское бесплодие в целом влияет на репродуктивную функцию семьи. Даже применяя методы вспомогательных репродуктивных технологий, нельзя исключить второго участника, подменяется лишь способ доставки репродуктивного материала.

По нашему мнению, учитывая особенности правоотношений с применением технологии суррогатного материнства, отсутствие пациента с множественностью лиц, т. е. семейной пары как единого пациента, является пробелом в законодательстве.

Субъекты семейных правоотношений обладают определенным перечнем семейных прав, для реализации которых им предоставляются правомочия. Так, у каждого гражданина имеется право свободного репродуктивного выбора, которое после брака переходит в репродуктивное право семьи. Если пара самостоятельно не способна осуществить это право, то оно может быть гарантировано при применении вспомогательно репродуктивных технологий. Реализуя право на репродуктивный выбор, семейная пара тем самым устанавливает свой статус в качестве пациентов при лечении бесплодия.

Так как семейная пара при лечении бесплодия представляет собой единого пациента с множественностью лиц, то врачебная тайна является общим правом для обоих супругов, а не отделяет каждого супруга в частности. В таком случае общая информированность супругов о процессе лечения бесплодия не может рассматриваться как разглашение врачебной тайны, а будет являться необходимым вмешательством в личные права граждан с единственной целью – лечение бесплодия у семейной пары [2. – С. 5].

Таким образом, понятие врачебной тайны в суррогатном материнстве претерпевает определенные модификации. Во-первых, это находит

свое отражение в допуске к врачебной тайне суррогатной матери генетических родителей, что в свою очередь обеспечивает реализацию в полном объеме их права на лечение бесплодия при помощи метода суррогатного материнства; во-вторых, в слиянии прав супругов на врачебную тайну в единое целое, что обусловлено их общим статусом пациента в лечении бесплодия с применением метода суррогатного материнства.

Необходимо также отметить важную роль медицинской организации в процедуре суррогатного материнства. На наш взгляд, необходимо придать ей статус субъекта отношений, и как ее стороне наделить определенным спектром прав и обязанностей. Медицинская организация, помимо подбора сторон процедуры суррогатного материнства, оплодотворения и систематического прове-

дения их диагностики, должна нести ответственность за несвоевременное или некачественное проведение обследований, повлекших осложнения, либо недобросовестное исполнение договора одной из сторон, а также разглашение сведений усыновления.

Правовая основа суррогатного материнства как одного из методов применения репродуктивных технологий – один из сложнейших вопросов современной юридической практики. Действующее законодательство требует адаптации к быстро развивающемуся научному прогрессу. Рассмотренные вопросы о праве на врачебную тайну в отношениях суррогатного материнства и о роли медицинской организации являются одними из пробелов, на которые необходимо обратить внимание.

Список литературы

1. *Абрамов В. Ю.* Правовые недостатки семейного законодательства // StudNet. – 2020. – Т. 3. – № 5. – С. 486–490.
2. *Алборов С. В.* Договор суррогатного материнства: правовая природа и содержание : автореф. дис ... канд. юрид. наук. – М., 2018.
3. *Алборов С. В.* К некоторым вопросам суррогатного материнства // Судья. – 2017. – № 6. – С. 43–45.
4. *Борисова Т. Е.* Суррогатное материнство в Российской Федерации: проблемы теории и практики: монография. – М. : Проспект, 2016.
5. *Вильгоненко И. М., Слепенко Ю. Н., Станкевич Г. В.* Особенности правового регулирования некоторых актуальных вопросов защиты прав потребителей медицинских услуг : монография. – М. : Проспект, 2021.
6. *Лучникова К. А., Эккерт Т. В.* Правовое регулирование договора суррогатного материнства // Научные исследования XXI века. – 2020. – № 2 (4). – С. 192–196.
7. *Шигонина Л. А., Коваленко К. И.* Проблема правового регулирования суррогатного материнства в действующем российском законодательстве // Синергия Наук. – 2019. – № 31. – С. 1320–1332.
8. *Andropov D., Gutnik M., Kochanzhi I.* Topical Issues of Regulation of Surrogacy at the Legislative Level and Recognition of the Right of Parents to a Child // Norwegian Journal of Development of the International Science. – 2021. – № 53-3. – P. 22–24.
9. *Beaulier M. D.* Surrogacy in Minnesota. – URL: <https://www.nvo.com/beaulier/minnesotasurragacycontracts>

Требования к публикациям

1. Статья должна обладать определенной новизной, представлять интерес для широкого круга читателей журнала, а также соответствовать требованиям, предъявляемым к научным публикациям.
2. Представляемый материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в том же виде в других печатных и электронных изданиях.
3. Статья представляется в редакцию в электронном и распечатанном виде в формате Microsoft Word, шрифтом Times New Roman, размер шрифта – 14 пт, межстрочный интервал – 1,5 строки.
Поля: левое – 2,5 см; правое – 1,5 см; верхнее – 2 см; нижнее – 2 см.
Материал статьи, представленный на бумажном носителе, должен соответствовать материалу статьи, представленному в электронном виде. В случае обнаружения расхождений редакция будет ориентироваться на электронный вариант статьи.
4. Материал для публикации в электронном виде должен содержать 3 файла:
  - 1-й файл: текст статьи на русском языке со следующей структурой:
    - а) на первой странице в верхнем правом углу (перед заглавием) необходимо указать Ф. И. О. автора, ученую степень, ученое звание;
    - б) заглавие статьи;
    - в) аннотация – не менее 150 слов – должна включать:
      - предмет исследования;
      - метод или методологию исследования;
      - научную новизну и выводы;
    - г) ключевые слова – не менее 15 слов;
    - д) текст литературы в конце статьи в алфавитном порядке по фамилиям авторов;
  - 2-й файл: текст на английском языке со следующей структурой:
    - а) на первой странице в верхнем правом углу (перед заглавием) необходимо указать Ф. И. О. автора, ученую степень, ученое звание;
    - б) заглавие статьи;
    - в) аннотация – не менее 150 слов – должна включать:
      - предмет исследования;
      - метод или методологию исследования;
      - научную новизну и выводы;
    - г) ключевые слова – не менее 15 слов;
  - 3-й файл: сведения об авторе по следующей форме на русском и на английском языке: фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; занимаемая должность; телефон; почтовый адрес; электронный адрес.
5. Объем текста статьи должен составлять не менее 12 страниц, включая таблицы, графический материал, аннотацию и список литературы.
6. Статья должна содержать библиографию (список литературы (других источников), используемой в статье), минимальное количество источников – не менее 5. При добавлении списка использованной литературы необходимо соблюдать правила действующих стандартов.
  - 6.1. В качестве источников, на которые автор ссылается в статье, следует использовать следующие:
    - статьи из периодических изданий;
    - статьи из продолжающегося издания (сборника трудов);
    - материалы конференций;
    - монографии.
  - 6.2. Все источники в списке литературы необходимо группировать по алфавиту фамилий авторов или первых слов заглавий документов.
7. На все нормативно-правовые акты следует ссылаться путем их упоминания в тексте статьи с указанием полного названия и даты утверждения без использования постраничных ссылок. В статье допускается использование только внутритекстовых ссылок на источники. Ссылки оформляются в основном тексте статьи путем указания в конце предложения в квадратных скобках порядкового номера упоминаемого источника из списка литературы, а в случае цитаты – и номера страницы цитируемого источника [3. – С. 5].
8. В бумажном варианте статьи должна присутствовать сквозная нумерация страниц.
9. Таблицы в тексте статьи должны иметь заголовки; на каждую таблицу в тексте должна быть ссылка.
10. Иллюстрации должны иметь порядковый номер и название. При написании формул, схем, построении графиков, диаграмм, блок-схем не допускается размер шрифта менее 8.
11. Размер графиков, диаграмм, рисунков не должен превышать по вертикали 21 см, по горизонтали – 13,5 см.
12. Представленные статьи направляются по профилю научного исследования или по тематике рассматриваемого вопроса на рецензию экспертам-ученым и специалистам университета в данной области. Статьи, принятые к публикации, но нуждающиеся в доработке, направляются для внесения необходимых исправлений. После доработки статьи повторно рецензируются, после чего редакционная коллегия принимает решение о возможности публикации.
Не рецензируются научные доклады, заслушанные на съездах, конгрессах, конференциях; информационные сообщения и объявления.